

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

№ 1, июль – сентябрь 2013 года

Санкт-Петербург

Содержание

К читателям и авторам журнала 3

Философия информационного общества

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы 5

(С. В. Орлов)

Кризис как имманентное свойство сложных. 18

социально-экономических систем *(М. Б. Игнатьев)*

Crisis as the Immanent Property of Complex Social-economic Systems 35

(М. В. Ignatyev)

Вернадскианская парадигма философии образования *(В. Д. Комаров)* . . . 45

Теория и история культуры

Современные кураторские стратегии: между «Войной» и «Миром» 52

(Е. В. Прилашкевич)

Время назад: революционная культура как повседневность 61

(А. В. Карпов)

Пушкинский Петербург как переживание: культурологическое эссе 77

(И. А. Манкевич)

Из истории отечественной науки

К истории создания работы В. С. Дерябина 84

«О потребностях и классовой психологии» *(О. Н. Забродин)*

Профессор В. С. Дерябин «О потребностях и классовой психологии» . . . 88

(В. С. Дерябин, публикация О. Н. Забродина)

Комментарии философа к статье В. С. Дерябина. 112

«О потребностях и классовой психологии» *(С. В. Орлов)*

К читателям и авторам журнала

Уважаемые коллеги! Перед вами первый номер сетевого издания – журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе».

Актуальность и недостаточная изученность проблем развития современного общества не вызывают сомнений. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дадут эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы будем публиковать работы по историческим аспектам (например, история науки), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, филологии, истории, социологии, психологии и педагогики, юриспруденции, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дадут возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества.

Уже в первом номере мы постарались охватить несколько аспектов изучения информационного общества.

Рубрика «Философия информационного общества» начинается статьей главного редактора, в которой обсуждаются наиболее известные теоретические подходы к этой теме. Делается вывод о том, что научный анализ изменений, происходящих в современную эпоху, заставляет переосмыслить ряд глубинных представлений фундаментальных разделов философии (в частности, социальной философии) – о природе искусственного интеллекта, человеческого труда, механизмов взаимодействия материальных и духовных явлений. Заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации профессор М. Б. Игнатьев рассматривает механизмы возникновения и протекания кризисов в сложных социально-экономических системах, предлагая для контроля над ними, в частности, разработанные и практически опробованные им методы лингво-комбинаторного моделирования. Профессор В. Д. Комаров показывает, как новаторские идеи В. И. Вернадского позволяют лучше понять перспективы развития постиндустриального общества.

В разделе «Теория и история культуры» обсуждаются сложные и неоднозначные пути развития современного искусства (доцент Е. Е. Прилашкевич), предлагается историческая реконструкция повседневной культуры революционной эпохи 1917 года (доцент А. В. Карпов). Читателям предлагается историко-культурологическая реконструкция эпохи А. С. Пушкина в ее взаимосвязи с культурной средой современного Петербурга – эссе доктора культурологи И. А. Манкевич.

Наконец, в рубрике «Из истории отечественной науки» впервые публикуется оригинальный научный труд ученика Ивана Петровича Павлова,

физиолога и психиатра Викторина Сергеевича Дерябина (1875-1955). В его работе сделана смелая даже с точки зрения современной науки и научно обоснованная попытка проследить связь между социальной (классовой) психологией и психофизиологическими процессами в человеческом организме (публикация О. Н. Забродина). Работа снабжена комментариями доктора медицинских наук О. Н. Забродина и доктора философских наук С. В. Орлова.

Мы надеемся, что именно широкий междисциплинарный научный подход позволит человеку информационной эпохи лучше понять то общество, в котором мы живем.

Мы рады пригласить к сотрудничеству всех исследователей, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать все предложения, участвовать в дискуссиях.

Выпуск журнала планируется четыре раза в год.

14 июля 2013 г.

Редакционная коллегия

Философия информационного общества

УДК 008.2

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы^{*}

Орлов Сергей Владимирович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, заведующий кафедрой, доктор философских наук, профессор. Россия, Санкт-Петербург. E-mail: orlov5508@rambler.ru.

196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
тел.: 8(812) 708-42-13.

Теория постиндустриального (информационного) общества должна быть дополнена концепцией новой современной формы труда – всеобщего труда. Показана связь этой концепции с представлением о виртуальной реальности как качественно новой форме материи, искусственно созданной человеком на основе оперирования с абстрактными материальными структурами. Предложена характеристика виртуальной реальности как формы материи, наиболее тесно взаимодействующей с сознанием и приобретающей свойства «квазиидеальности» и «квазисубъективности».

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of Information Society: New Ideas and Problems

Orlov Sergei Vladimirovich – Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, Head of Department, Doctor of Philosophy, professor. Russia, Saint-Petersburg. E-mail: orlov5508@rambler.ru

196135, Saint-Petersburg, 15, Gastello st.
Tel: 8(812) 708-42-13.

The theory of information society may be extended by the conception of a new form of labor – so-called universal labor. The interconnections of this conception with an idea of a virtual reality as a new form of material being created by man,

* © С. В. Орлов, 2013

operating with some abstract material structures are demonstrated. A characteristic of the virtual reality as a form of material being, which has the closest connections with consciousness and acquires features of “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity” is proposed.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

Формирование постиндустриального (информационного) общества началось во второй половине XX века. Этот новый этап общественного развития был впервые осмыслен в работах западных социологов – Д. Белла, Э. Тоффлера, Ж. Фурастье, М. Кастельса и других. При этом сразу обнаружилось, что движение цивилизации к постиндустриальной стадии приводит к глубокой перестройке самых разных сфер общественной жизни. Так, в 1976 году Д. Белл выделил среди основных черт постиндустриального общества такие особенности, как центральная роль теоретического знания, создание новой интеллектуальной технологии, рост класса носителей знаний, переход от производства товаров к производству услуг, изменения в характере труда, в социальной роли женщины, в развитии науки, повышение роли ситуативных социальных структур и меритократии, конец ограниченности материальных благ, формирование экономической теории информации [см.: 2, с. CLIV – CLIX]. Поэтому теоретическое осмысление новой фазы общественного развития закономерно повлекло за собой постановку новых проблем как в сфере знания более обобщенного, чем сама теория постиндустриального общества (в социальной философии и в общих, наиболее фундаментальных разделах философии), так и в областях исследований более частных, конкретных наук – в экономике, психологии, социологии, культурологии, политологии и других. Для философии и частных наук становятся важными фундаментальные методологические вопросы: какие именно корректировки вносит информационная эпоха в науки о мире и человеке? Насколько глубоки изменения, которые должны произойти в наших философских представлениях? И наоборот: что нового может внести философия в осмысление и реальное осуществление своеобразного постиндустриально-информационного сдвига, все глубже охватывающего различные сферы современного общества? Представляется, что достигнутый сейчас уровень развития философии информационного общества создал достаточный фундамент для конкретного обсуждения этих вопросов.

Ранние версии теории постиндустриального общества, до какой-то степени служившие методологическим и мировоззренческим ориентиром для разработки современных информационных технологий, содержали в себе следующие принципиальные положения. Современное общество – это формирующееся общество знаний. Умственный труд приобретает в нем все большее значение и постепенно вытесняет труд физический. Основным видом труда становится обработка информации. Информация – невещественный и нематериальный ресурс. Таким образом, ведущим направлением изменения и

развития общества становится не материальная, а духовная творческая деятельность человека.

Таковы в общих чертах первые популярные представления о постиндустриальном обществе. Однако проведенный в конце XX – начале XXI века философский анализ его природы дает основания для внесения уточнений в эти широко распространенные представления.

Прежде всего, требует существенного уточнения оптимистическая характеристика постиндустриального общества как «общества знаний», данная еще в 1973 году в классической работе Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество». В 2012 году иностранный член РАН, итальянский философ Эвандро Агацци подчеркивает, что современная экономика, а вслед за ней и общество в целом делают востребованным далеко не всякое знание, а прежде всего знание дигитализированное (оцифрованное), используемое в инновационных технологиях и позволяющее быстро получить непосредственный экономический эффект, прибыль. Поддержка знаний гуманитарного и ценностного характера, необходимых для развития личности и существования общества, но не приносящих быстрой и непосредственной прибыли, часто считающихся «бесполезными», остается важной, но далеко еще не решенной задачей [см.: 1, с. 3 – 19]. Создание эффективной поддержки всего нужного для общества знания требует как изменения социальных условий, так и решения некоторого круга проблем технического характера – например, создания и совершенствования региональных и национальных инфраструктур знаний.

Повышение роли знаний непосредственно связано с революцией в сфере их генерирования, хранения и передачи, то есть в информационных технологиях. Особенностью современного общества является не просто более широкое, чем в прошлом, оперирование информацией, использование информации и информационных технологий. Мануэль Кастельс уточняет, что в действительности специфика информационного общества – это создание нового типа информационных технологий, для которых информация оказывается одновременно и сырьем, и продуктом производства [см.: 7, с. 77]. Превращение информации в сырье, предмет и продукт труда можно рассматривать как стержневую характеристику информационной эпохи.

Исследование информационных процессов в современном производстве закономерно приводит к необходимости анализа технологий оперирования информацией и изменения характера труда в информационном обществе.

В течение тысячелетий история производства и общества в целом была связана с великим историческим разделением труда на умственный и физический. Капиталистическая эксплуатация основывается на присвоении неоплаченного труда – прежде всего физического. Поэтому избавление человека от порабощающего и уродующего его тяжелого физического труда, замена его умственным, в течение тысячелетий монополизированного правящей элитой, закономерно казалось важнейшей задачей общественного развития в эпоху перехода к некоей новой, посткапиталистической общественной формации. Идея вытеснения физического и вообще

материального труда умственным, своеобразная дематериализация труда («экономика знаний») популярна как у западных постиндустриалистов, так и у российских философов и социологов. Например, выдающийся специалист в области философии и социологии труда И. И. Чангли полагала, что при переходе к коммунизму развитие интеллекта играет более важную роль, чем развитие материального производства, способностей человека к материальной творческой деятельности и т. п.: «...Основной, важнейший компонент могущества науки в коммунистическом обществе и основа расцвета общества в целом – всемерное развитие *интеллекта всех трудящихся*... Труд посвящен по преимуществу *производству знаний*» [15, с. 49]. Для подтверждения своей концепции И. И. Чангли ссылалась на «Экономические рукописи 1857 – 1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»)» К. Маркса, не замечая, что мысль Маркса гораздо глубже ее собственного подхода и во многом противоречит ему. К. Маркс пишет о развитии в обществе будущего «всех человеческих сил как таковых», а не только (и не преимущественно) интеллекта: «Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [8, с. 476]. С точки зрения Маркса, в обществе, приходящем не смену капитализму (мы бы сейчас сказали – в посткапиталистическом) человек сможет развивать и духовные способности, и способности к материальной творческой деятельности. В теоретическом, концептуальном плане эта мысль выражена в открытии К. Марксом новой исторической формы труда, постепенно приходящей на смену и физическому, и умственному труду – так называемого *всеобщего труда*.

Всеобщий труд рассматривался Марксом как свободный, творческий, материальный, наукоемкий труд, в котором преодолеваются ограниченности разделения труда на умственный и физический. «Действительно свободный труд, например труд композитора, вместе с тем представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение, – отмечает он. – В материальном производстве труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет собой всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который вступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» [9, с. 111 – 112].

В науке XXI века концепция всеобщего труда используется рядом российских и зарубежных ученых для раскрытия механизмов развития информационного общества. Так, Шон Сэйерс, профессор философии Школы европейских культур и языков университета г. Кента (Великобритания) считает неудачной идею дематериализации труда и подчеркивает материальный характер современного всеобщего труда: «Хотя использование компьютерного контроля в промышленном производстве вовлекает информационные технологии, совершенно неправильно называть этот труд «нематериальным».

То, что множество аспектов производства автомобилей, к примеру, сегодня автоматизировано и компьютеризировано, не означает того, что производство автомобилей перестало быть материальным процессом, или, что рабочие более не включены в материальное производство. Хотя машины сегодня выполняют почти всю работу и рабочие больше не должны «пачкать руки», это вовсе не означает, что, контролируя работу машин, рабочие не участвуют в материальном производстве материальных благ. *Их труд остается материальным и образующим по своей сущности*» [цит. по: 6, с. 98].

В современной российской философии концепция всеобщего труда специально разрабатывается представителями школы научной философии Пермского национального исследовательского университета. «Важнейшим для нашего времени открытием Маркса, – отмечают В. В. Орлов и Т. С. Васильева, – ... является открытие *новой исторической формы труда – всеобщего, или научного*. «Технологической» характеристикой этой формы труда служит его определение как *автоматизированного* труда, связанного, по мысли Маркса, с «крупной промышленностью». Философской и экономической характеристикой всеобщего труда служит коренное изменение содержания, характера и производительной силы этого труда, раскрытые в соотношении с сущностными силами природы и человека. Во всеобщем труде коренным образом меняется роль человека в производственном процессе, превращающегося из *непосредственного* участника этого процесса, осуществляющего непосредственный физический труд, в *контролера и регулировщика* производственного процесса. В появлении еще достаточно примитивных форм автоматизированного производства Маркс смог обнаружить глубокую *фундаментальную тенденцию* развития труда, человека, общества, которая основательно проявилась и развилась только во второй половине XX века.

В глубинном философском аспекте всеобщий труд характеризуется Марксом как проявление *всеобщих творческих сил человека*, благодаря которым человек становится способным использовать новые мощные силы природы. Труд, вовлекающий мощные силы («агенты») природы становится главным источником *действительного богатства общества*, богатства потребительных стоимостей, служащих средством удовлетворения человеческих потребностей. Всеобщий труд – *практическое воплощение науки, наукоемкий, насыщенный научным знанием, материальный труд*» [11, с. 208].

Наиболее интенсивно развивающаяся современная форма всеобщего труда – компьютерный труд [подробнее см., например: 12, с. 60 – 78]. Поскольку информация часто трактуется как мысль, духовное явление, то и компьютерный труд, состоящий в основном в переработке информации, закономерно понимается обычно как интеллектуальный, умственный труд [11, с. 223] в рамках старой дилеммы: «либо умственный труд – либо физический труд». Однако именно эта упрощенная трактовка закрывает, с нашей точки зрения, возможности описания как природы всеобщего труда в информационном обществе, так и тех специфических новых характеристик материального мира в

целом, тех особенностей его развития, которые становятся заметны в постиндустриальную эпоху.

В современной науке понятие информации приобрело много различных значений. Информация, конечно, может осознаваться и, более того, всегда присутствует в любом человеческом знании (хотя знание в то же время не сводится до конца к информации). Однако, согласно Н. Винеру, информация в своем исходном, наиболее обобщенном физическом смысле есть объективно существующее явление – это мера организации, мера упорядоченности в системах с обратной связью (управлением) [см.: 5, с. 56]. Благодаря своему всеобщему объективному характеру информация может рассматриваться как абстрактная материальная структура. «В компьютере или системе информационной технологии функционируют чисто материальные процессы, происходит преобразование *абстрактных материальных структур*. Это позволяет заключить, что в основе сложнейшей технологии производства информации лежит *специфическая форма материального труда* – производство абстрактных материальных структур» [11, с. 223 – 224].

С появлением компьютерных технологий возникает особое явление материального мира – *виртуальная реальность*. В философском аспекте ее природа проанализирована пока явно недостаточно.

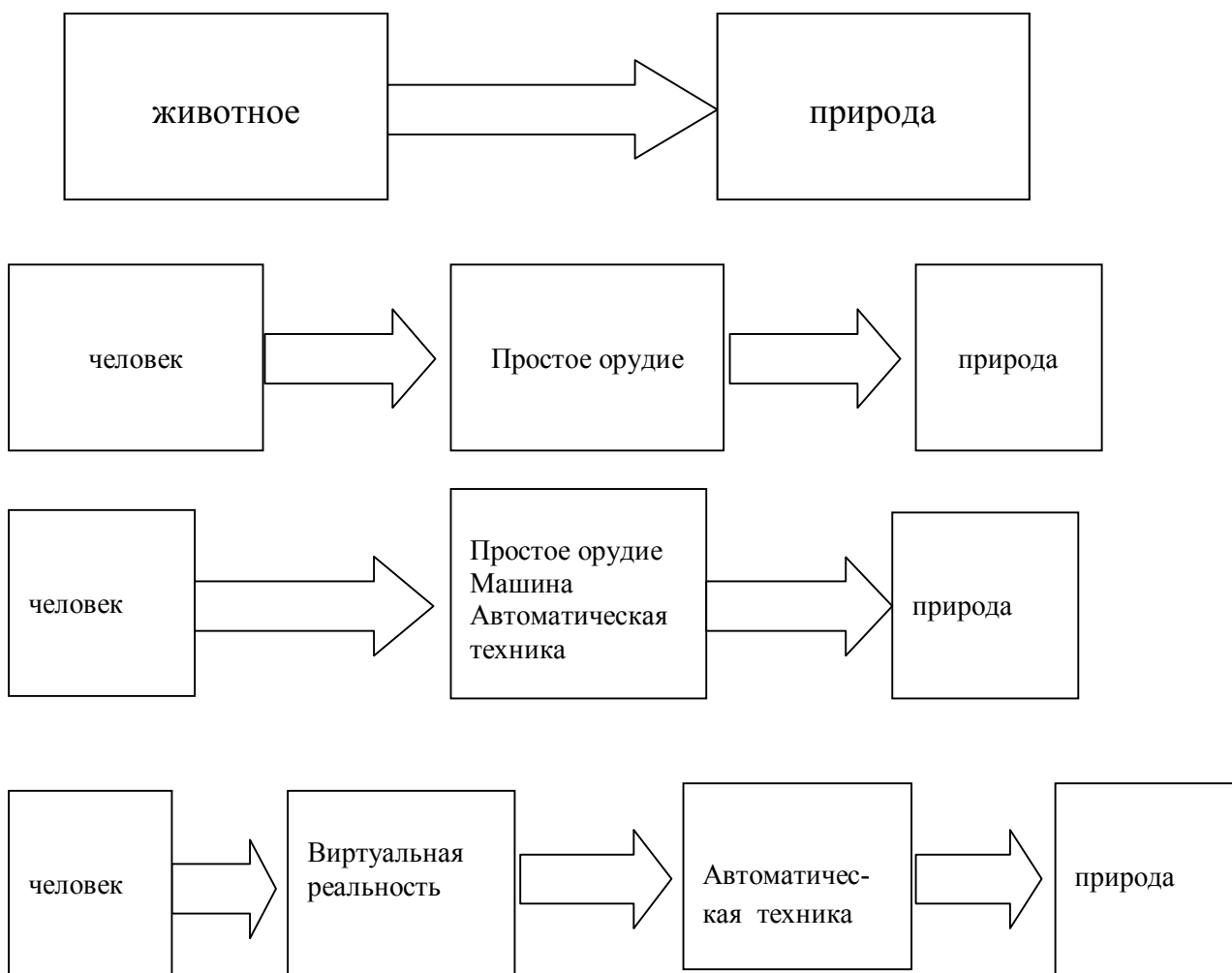

Схема 1

В истории общества происходило постепенное усложнение взаимодействия человека и той части природы, которая составляет предмет труда. Графически это иллюстрирует схема 1.

Животное, как известно, воздействует на природу непосредственно своим телом. Человек превращает фрагменты природы в предмет труда и на первом этапе воздействует на него с помощью простых механических орудий. Потом создается машинная техника, использующая природные источники энергии, далее – простейшие автоматы, работающие без компьютерных систем. Наконец, на современном этапе создается виртуальная реальность, которая становится новым передаточным звеном, с одной стороны, отдаляющим человека от природы, а с другой – усложняющим и совершенствующим его воздействие на нее (в первую очередь на предмет труда).

Виртуальная реальность, функционирующая на основе абстрактных материальных структур, частично замещает в процессах управления и контроля идеальный мысленный образ, моделирует его на материальном (точнее, физическом) уровне. Программный продукт становится принципиально новым типом искусственных материальных объектов, обеспечивающим функционирование специфического механизма взаимодействия материального и идеального. Идеальный образ существует только на материальном субстрате человеческого мозга. Передавая некоторые контрольно-управленческие функции технике, человек конструирует материальный объект, который является упрощенным, чисто материальным аналогом субъекта и его идеального продукта – мысли. Такой аналог мысли – компьютерная программа – *начинает выполнять некоторые функции идеального мысленного образа*, но отличается от него в главном: она чисто материальна, а в современных компьютерах вообще не выходит за рамки физической формы материи.

Насколько глубоким является сходство виртуальной реальности, абстрактных материальных структур, компьютерной программы – с одной стороны, и мысленного образа – с другой?

Основными особенностями мысленного образа являются, как известно, *идеальность* и *субъективность*. Программный продукт, моделируя на уровне физической формы материи эти черты духовных явлений, приобретает сходство с миром мысленных образов. Мы предлагаем обобщить это сходство в понятиях «*квазиидеальность*» и «*квазисубъективность*».

Квазиидеальность. Содержанием идеального образа являются не свойства материального субстрата мысли – мозга, а свойства внешнего предмета. Абстрактные материальные структуры – в частности, компьютерная программа – тоже создаются для отражения свойств внешних предметов и воздействия на них. Но они остаются чисто физическими явлениями – в отличие от идеального образа, который есть способ существования свойств и характеристик любых предметов в отрыве от их собственного природного субстрата на основе особого, универсального материального субстрата человеческого мозга [см., напр.: 10, с. 193].

С одной стороны, создающие виртуальную реальность и компьютерные программы абстрактные материальные структуры несмотря на свои

микроскопические размеры функционируют в процессах труда примерно так же, как и другие составные части системы материальных орудий труда. Они строятся из вещества природы (заряженных магнитных частиц) в процессе целенаправленной материальной деятельности человека, воздействуют как своеобразное материальное орудие труда на компьютер, через него – на передаточные механизмы, рабочее орудие и, наконец, на предмет труда. С другой стороны, свойство «абстрактности» этих структур составляет их отличие от всех других составных частей системы производства. Рабочая машина, устройства, производящие и передающие энергию и т.п. чрезвычайно разнообразны, так как их структура соответствует специфике различных законов природы и построенных на их основе технологических процессов производства (как соответствует им, например, всякий конкретный труд). Абстрактные материальные структуры выражают, точнее – записывают на универсальные носители информации любые человеческие знания, а также алгоритмы действия как человека, так и технических систем. Эта способность абстрактных материальных структур адекватно фиксировать любое содержание материального мира сближает их с идеальными образами человеческого сознания, в которых тоже может быть адекватно отображено содержание любых материальных процессов. Однако, в отличие от идеального образа, универсальность абстрактных материальных структур и носителя информации, на котором они существуют, не является абсолютной, как универсальность человека и его мозга.

Универсальность носителя информации и существующих на нем абстрактных материальных структур задается и обеспечивается универсальной познавательной деятельностью человека и его универсальной преобразовательной (трудовой) деятельностью, производна от них. Программист наделяет программный продукт некоторыми внешними чертами идеальной формы отражения, не встречающимися у других материальных объектов. Программа выражает содержание других материальных субстратов и приемов человеческой деятельности, несет информацию о них, причем в доступной и удобной для чувственного восприятия форме. Это отражение происходит «с потерей качества», так как оно остается физическим проявлением искусственно сконструированной физической системы (компьютер плюс программа). Оно качественно проще идеального образа, с которым находится в отношении гомоморфного соответствия. Это упрощенная физическая модель идеального, существующее на физическом уровне отражение человеческого мышления в виде абстрактных материальных структур, то есть «квазиидеальное» явление.

Квазисубъективность. Субъективность мысли состоит в ее скрытости от постороннего наблюдения, существовании только для мыслящего субъекта, непередаваемости другим субъектам. Если идеальные образования по форме (но не по содержанию) субъективны в строгом и буквальном смысле этого слова, то компьютерная программа обладает некоторыми внешними чертами субъективного. Она недоступна чувственному восприятию без применения специальной электронной аппаратуры. Ее внутреннее содержание обычно

скрыто и не наблюдаемо для всех, кроме программистов, владеющих специальными кодами. Субъективность идеального образа – следствие принципиальной невозможности передачи внутреннего состояния мозгового субстрата другим субстратам. Квазисубъективность программного продукта или виртуальной реальности в целом – следствие технических сложностей в расшифровке их внутренней структуры посторонним наблюдателем. Некоторые из этих технических сложностей непосредственно обусловлены законами физики, другие созданы с использованием этих законов искусственно и целенаправленно.

Компьютерная программа – это качественно новый тип материальных объектов, созданных человеком в рамках «второй природы» (техносферы, ноосферы) на постиндустриальном этапе общественного развития. По своим функциям и внешним проявлениям программа стоит ближе к человеческому мышлению, чем все другие компоненты технической системы производства. Другие звенья технической системы необходимо согласовывать преимущественно с физическими, даже механическими возможностями человека, а компьютерную программу – уже с возможностями его психики. Программа удлиняет путь от идеального мысленного образа до его материализации в процессе труда, подобно тому, как на заре человеческой истории механическое орудие удлинило путь от человека к предмету труда. Теперь при создании продукта труда идеальный образ материализуется в нем не прямо и непосредственно, а через дополнительное звено – виртуальную реальность, абстрактные материальные структуры, компьютерную программу как мыслеподобный, квазиидеальный, квазисубъективный материальный образ (конструкт). Только благодаря программе, выраженной в абстрактных материальных структурах, становится принципиально реализуем новый класс идеальных конструктов, позволивших создать целые сферы и направления трудовой деятельности. Это освоение космоса и ядерная энергетика, новые системы управления и передачи информации, интернет-экономика, технологии работы на дому высококвалифицированных информационных специалистов (telecommuting) и т.п. [см.: 13, с. 45 – 47].

Отношение между виртуальной реальностью, включающей в себя в качестве компонентов абстрактные материальные структуры и компьютерные программы, объективной реальностью и субъективной реальностью может быть сведено, с нашей точки зрения, к следующим основным моментам [см.: 13, с. 53 – 54].

Во-первых, виртуальная реальность является частью объективной реальности и в этом смысле противоположна субъективной реальности.

Во-вторых, виртуальная реальность конструируется из материальных компонентов (магнитные носители, заряженные частицы) в процессе сознательной деятельности человека, то есть существует на основе абстрактных материальных структур.

В-третьих, виртуальная реальность описывает материальными техническими средствами только такое содержание объективной природной и социальной реальности, которое предварительно, до этого было преобразовано

в содержание сознания и выражено в идеальной форме средствами субъективной реальности.

В-четвертых, связь виртуальной реальности с сознанием выражается также в том, что ее объекты приобретают особую способность моделировать субъективную реальность и получать внешнее сходство с ней (квазиидеальность и квазисубъективность). В прошлом мир техники и всей «второй природы» строился в первую очередь с учетом физических особенностей и возможностей человека, образно говоря, «подгонялся» под них. Виртуальная реальность строится иначе. Ее структура и функции целенаправленно согласуются со структурой и функциями человеческой психики, субъективной реальности, строятся, образно говоря, на матрице субъективной реальности, «подогнаны» под нее. Поэтому субъективная реальность и виртуальная реальность похожи друг на друга и часто трудноразличимы.

В-пятых, формирование виртуальной реальности приводит к взаимосвязанному усложнению как объективной, так и субъективной реальности. Если раньше человеческое сознание формировало цель своей деятельности как мысленный образ потребного будущего и изобретало технологии его материализации (опредмечивания), то в информационную эпоху эта схема действий усложнилась. Программист разрабатывает не технологию воздействия непосредственно на предмет труда, а компьютерную программу как специфический посредник, некий промежуточный предмет труда – новый материальный механизм, который сам способен управлять воздействием на материальные предметы, частично замещая при этом человека и человеческое сознание. Новое звено в процессах материального труда – компьютерная программа и абстрактные материальные структуры – создается вместе с новым звеном в духовной деятельности человека (теория программирования, знания о способах воздействия на новую сферу «второй природы», ставшую материальным посредником между человеком и ее старыми, традиционными сферами).

В-шестых, виртуальная реальность вызывает значительные, возможно – революционные сдвиги в общественном сознании, которые еще не завершились и пока не могут быть окончательно оценены. Это качественно более высокий уровень информированности и доступность информации, изменяющие психологию общения, новые каналы взаимосвязи между людьми, а также новые технологии манипулирования их сознанием.

Рассмотрим в качестве примера проблему взаимосвязи современных приемов и технологий человеческой деятельности с существовавшими в предыдущие эпохи.

Формирование компьютерного труда закономерно приводит к постановке вопроса о его взаимодействии с другими видами человеческой активности: нужны ли, например, современному человеку навыки простого физического труда, или в настоящее время они теряют всякий смысл?

По наблюдениям психологов, у детей дошкольного и младшего школьного возраста способность изготавливать простые поделки в процессе физического

труда не только готовит их к освоению более сложных трудовых операций, но и играет большую роль в социализации, общении, развитии личности в целом. С помощью простого ручного труда «удовлетворяется насущная потребность растущей личности в созидании. Эстетическая привлекательность полученного продукта способствует формированию у ребенка положительной мотивации трудовой деятельности, и что еще важнее, – чувства уверенности в том, что он может качественно влиять на внешний (окружающий его) мир вещей, преодолевая их «сопротивляемость», а значит, самоутверждаясь в этом подвластном ему мире (что способствует формированию “психологии победителя”» [3, с. 159]. В ходе исследований по обучению 6-ти летних детей программированию и формированию у них алгоритмического мышления психологи (возможно, и сами до конца не осознавая причин этого) обнаружили, что успешное освоение операций на компьютере требует сначала выработки умений некой подготовительной, более простой и наглядной работы: «... Было показано, что для достижения этих целей (обучения программированию – С.О.) в учебный курс необходимо включать не только упражнения на компьютере, но и другие виды деятельности: задания на бумаге, составление устных планов, реализацию придуманных алгоритмов «вживую» и групповые проекты» [14, с. 146].

Обобщая наблюдения такого рода на философском уровне, Т. С. Васильева и В. В. Орлов делают вывод, актуальный для эпохи, когда компьютерный труд распространяется все шире и шире: «Способности к материальной и духовной деятельности очень трудно сформировать без развития способности к *ручному* труду, как изначальной формы труда, непосредственно обусловленной физическими свойствами человека. Ее развитие не только позволяет рано раскрыть другие способности, но и ускорить их формирование. Так, соединение человека с машиной оказывается невозможным без хорошо развитой руки, ибо способность работать головой имеет в качестве своего фундамента способность работать руками» [4, с. 166]. «Известно, что прежде чем передать какие-либо функции машине, человек должен был научиться делать их сам, причем делать искусно. Поэтому в систему подготовки человека к труду должны войти в какой-то редуцированной форме основные исторические формы труда» [там же].

Современная философия и психология, таким образом, склоняются к тому, что в информационном обществе развитие личности и форм ее деятельности проходит ряд ступеней, отношения между которыми не до конца устоялись и оформились. Способность к сложным формам деятельности опирается на способности к более простым, однако пока не разработано достаточно полных представлений о мере сочетания этих качественно различных форм. Не ясно, например, какой оптимальный объем и уровень овладения физическим, ручным трудом создает наилучшие предпосылки для успешного умственного или всеобщего, в частности – компьютерного труда (последний, как уже отмечалось, следует относить не к умственному как таковому, а к более сложному, всеобщему труду).

Подведем общий итог.

Характерной чертой современного этапа развития информационного общества является системный сдвиг в материальной трудовой деятельности человека и в сопровождающих ее духовных процессах. В данной статье мы попытались зафиксировать следующие черты, или компоненты, этого сдвига.

1. В настоящее время интенсивно развивается новая форма материального труда – всеобщий труд. Внешне он имеет сходство с умственным и, как правило, отождествляется с последним. Более глубокий анализ показывает, что это особая, качественно новая форма труда, объединяющая в себе, в частности, ряд черт труда умственного и труда физического. Формирование всеобщего труда является, вероятно, наиболее перспективным путем преодоления исторического разрыва, противоположности между умственным и физическим трудом.

2. Всеобщий труд в сфере информационных технологий представляет собой деятельность по созданию и использованию абстрактных материальных структур. Абстрактные материальные структуры образуют виртуальную реальность – особую форму материи, строящуюся и воспроизводящуюся как бы на матрице духовных процессов и приобретающую большее сходство с идеальными явлениями, чем любые другие формы материи (основные и неосновные).

3. Виртуальная реальность, непосредственно взаимодействуя с идеальными явлениями, человеческим мышлением, приобретает особые свойства, внешне похожие на свойства сознания. Их можно охарактеризовать как квазиидеальность и квазисубъективность. Формирование постиндустриального общества и развитие информационных технологий приводит, таким образом, не только к более глубокому изучению тех или иных информационных процессов. В ходе эволюции всеобщего труда в его компьютерной форме происходит управляемое человеком *развитие самой объективной реальности*, приводящее к возникновению новой формы материи. Параллельно формируются новые, ранее не существовавшие в природе или обществе механизмы взаимодействия материального и идеального.

4. Возникновение всеобщего труда, виртуальной реальности и новых механизмов взаимодействия материального и идеального может привести к глубоким сдвигам в отношении к трудовой деятельности, в психологии человека, механизмах социализации, образе жизни и приемах общения. Начавшееся изучение этих изменений расширит эмпирическую базу для исследования информационного общества как целостного явления, одного из закономерных этапов человеческой истории.

Список литературы

1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. - № 10. – С. 3-19.

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

3. Белошистая А.В., Жукова О. Г. Организация ручного труда как способ развития мотивации ребенка // Вопросы психологии. – 2008. - № 2. – С. 154-159.
4. Васильева Т. С., Орлов В. В. Социальная философия. – 5-е изд., перераб. и доп. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011. – 352 с.
5. Винер Н. Кибернетика. – М.: Главная редакция изданий для зарубежных стран издательства «Наука», 1983. – 344 с.
6. Гриценко В.С. Теория постиндустриального общества в современной зарубежной науке. – 2-е изд., доп. и испр. – Пермь: Пермский гос. ун-т. – Пермь, 2010. – 204 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
8. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.
9. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1980. – 619 с.
10. Орлов В. В. Психофизиологическая проблема. Философский очерк. – Пермь, 1966. – 440 с.
11. Орлов В. В., Васильева Т.С. Философия экономики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 264 с.
12. Орлов В. В., Гриценко В. С. Постиндустриальное общество и новая форма труда // Философия и общество. – 2012. - № 3. – С. 60-78.
13. Орлов С. В. Философский материализм в эпоху информационного общества (концепция материи и виртуальная реальность) // Философия и общество. – 2012. - № 1. – С. 42-54.
14. Рогожкина И. Б. Развивающий эффект обучения программированию: психолого-педагогические аспекты // Психология. Журнал Высшей школы экономики // Т. 9. - № 2. – 2012. С. 140-148.
15. Чангли И. И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования: Монография. - Изд. 4-е. – М.: ЦСП и М, 2010. – 608 с.

Кризис как имманентное свойство сложных социально-экономических систем*

Игнатъев Михаил Борисович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР и премии Президента России, профессор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, директор Международного института кибернетики и артоники при ГУАП. E-mail: ignatmb@mail.ru

Рассматривается лингво-комбинаторное моделирование плохо формализованных систем и выявляется феномен адапционного максимума в сложных развивающихся системах. В процессе жизненного цикла системы проходят фазы роста адапционных возможностей и их снижения, что и определяет кризис в потоке перемен. Глубина кризиса зависит от совершенства мониторинга за характеристиками систем и для его преодоления необходим креативный переход.

Ключевые слова: общая теория систем; сложные системы; лингво-комбинаторное моделирование; адапционный максимум; адаптивность; неопределенность.

Введение

Успехи современной науки со времен Ньютона неоспоримы, но чем энергичнее внедряются ее результаты в виде различных машин и технологий во все сферы жизни, тем явственнее проступают ее недостатки. Один из главных недостатков заключается в том, что современные технологии рассчитаны на использование больших количеств энергии и материалов, больших давлений, напряжений, усилий, температур и т. д., что приводит к загрязнению окружающей среды, исчерпанию источников энергии и материалов, гибели живой природы – то есть к тому, что называют экологическим кризисом.

Истоки этих недостатков лежат в самой парадигме современной науки, ее деятели слишком часто пользовались бритвой Оккама, срезая как бы все лишнее и слишком упрощая проблемы. В итоге сложилось стремление к «гениальной» простоте, физика заполнилась формулами из трех букв вроде закона Ома. И если это было простительно в докомпьютерный век, то с появлением мощных компьютеров, которые буквально входят в каждый дом, неоправданное упрощение недопустимо, недопустимо пренебрежение тонкими сущностями. Информатика имеет дело со слабыми сигналами, которые могут

* © М. Б. Игнатъев, 2013

управлять большими процессами. Слабое человеческое слово способно приводить в действие мощные армии. Информатизация всех отраслей человеческой деятельности – это прежде всего выявление возможностей управления с помощью слабых сигналов, слабых по мощности, температуре, напряжению.

Но для того чтобы управлять системами, необходимо иметь новые модели различных процессов, в сами эти модели должна быть заложена возможность информационного управления. В этом сущность процесса информатизации. Обычно под информатизацией понимается процесс внедрения новых информационных технологий, прежде всего компьютерных и телекоммуникационных, в различные сферы социально-экономической жизни, но этого недостаточно. Люди в основном пользуются формальными моделями XIX века.

Другой недостаток современной науки, основанной на эксперименте, заключается в том, что факт признается достоверным, если он воспроизводим. Но в сложных системах обеспечить повторяемость невозможно, можно утверждать, что повторяющихся явлений в сложных системах крайне мало, как число похожих людей в обществе, каждый человек характеризуется своей индивидуальностью. Для познания природы важна не только воспроизводимая информация, но и невоспроизводимая, ее необозримый массив.

Ниже рассматривается новый класс моделей. Любая отрасль науки опирается на модели реальных процессов, в одних отраслях науки эти модели более, в других менее формализованы, но все они используют естественный язык. Естественный язык – это мощная моделирующая система, созданная усилиями всего человечества, и очень важно разобраться, как она работает. Из-за особенностей голосовой и слуховой систем человека естественный язык – это линейная последовательность слов, в которой обозначаются слова, а их смыслы подразумеваются.

Теория должна помогать решать еще нерешенные задачи, важнейшей из которых является моделирование плохо формализованных систем. Чтобы превратить различные научные изыскания в технологию, необходимо осуществить большую работу по формализации. Вначале человек формулирует свои мысли на естественном языке **Ячел**, описывает ситуации и задачи на естественном языке; потом, если удастся, строит математическую модель, формулирует задачи на языке основных соотношений **Яос**; потом эти формулировки переводятся на тот или иной язык программирования **Япр**; потом разработанная программа реализуется в компьютере на языке конкретной машины **Ямаш**, и как результат решение задачи выдается на языке результата **Ярез** в виде таблиц, графиков, текстов, анимаций и т. д. Ниже показана вся цепочка преобразований.

Ячел → Яос → Япр → Ямаш → Ярез

Главная проблема – как перейти от описания на естественном языке к описанию на языке основных соотношений. Для решения этой проблемы

предлагается использовать лингво-комбинаторное моделирование плохо формализованных систем, которое базируется на использовании ключевых слов, основных понятий, сложившихся в предметной области. Модель состоит из трех групп переменных: характеристик основных понятий, изменения этих характеристик и структурированной неопределенности в эквивалентных уравнениях, которая может быть использована для адаптации и управления. В качестве примеров рассматриваются модели атомов, города, организма и атмосферы.

1. Лингво-комбинаторное моделирование и операция поляризации

Лишь для небольшого числа реальных систем имеются математические модели. Прежде всего, системы описываются с помощью естественного языка. Предлагается способ перехода от описания на естественном языке к математическим уравнениям. Например, пусть имеется фраза

$$\text{WORD1} + \text{WORD2} + \text{WORD3} \quad (1)$$

В этой фразе мы обозначаем слова и только подразумеваем смысл слов. Смысл в сложившейся структуре естественного языка не обозначается. Предлагается ввести понятие смысла в следующей форме:

$$(\text{WORD1}) * (\text{SENSE1}) + (\text{WORD2}) * (\text{SENSE2}) + (\text{WORD3}) * (\text{SENSE3}) = 0 \quad (2)$$

Будем обозначать слова как A_i от английского Appearance, а смыслы – как E_i от английского Essence. Тогда уравнение (2) может быть представлено как

$$A1 * E1 + A2 * E2 + A3 * E3 = 0 \quad (3)$$

Уравнения (2) и (3) являются моделями фразы (1). Образование этих уравнений, приравнивание их к нулю и есть операция поляризации.

Рассмотрим пример. Если мы имеем математическое уравнение

$F(x_1, x_2, x_3) = 0$, то можем получить форму (3) посредством дифференцирования этого уравнения, тогда A_i будут частными производными, а E_i – производными по времени от переменных.

Лингво-комбинаторная модель является алгебраическим кольцом (операторным кольцом), и мы можем разрешить уравнение (3) либо относительно A_i , либо относительно E_i путем введения третьей группы переменных – произвольных коэффициентов U_s [15,23,24]:

$$\begin{aligned} A1 &= U1 * E2 + U2 * E3 \\ A2 &= - U1 * E1 + U3 * E3 \\ A3 &= - U2 * E1 - U3 * E2 \end{aligned} \quad (4)$$

или

$$\begin{aligned} E1 &= U1 * A2 + U2 * A3 \\ E2 &= - U1 * A1 + U3 * A3 \\ E3 &= - U2 * A1 - U3 * A2 \end{aligned} \quad (5)$$

где U_1, U_2, U_3 – произвольные коэффициенты, которые можно использовать для решения различных задач на многообразии (3). Например, если хотим достигнуть максимум на поверхности $F(x_1, x_2, x_3) = 0$ по переменной x_3 , то можем назначить произвольные коэффициенты $U_2 = -b \cdot A_1$, $U_3 = -b \cdot A_2$ и тогда получим

$$\begin{aligned} dx_1/dt &= U_1 \cdot A_2 - b \cdot A_1 \cdot A_3 \\ dx_2/dt &= -U_1 \cdot A_1 - b \cdot A_2 \cdot A_3 \\ dx_3/dt &= b \cdot (A_1 \cdot A_1 + A_2 \cdot A_2) \end{aligned} \quad (6)$$

и если $b > 0$, тогда переменная x_3 устойчиво стремится к максимуму, а для манипуляции траекторией остается коэффициент U_1 .

В общем случае, если имеем n переменных и m многообразий, ограничений, то число произвольных коэффициентов S будет равно числу сочетаний из n по $m+1$, что было доказано в [1, 11], табл. 1:

$$S = C_n^{m+1}, \quad n > m \quad (6)$$

Таблица 2.1

n/m	1	2	3	4	5	6	7	8
2	1							
3	3	1						
4	6	4	1					
5	10	10	5	1				
6	15	20	15	6	1			
7	21	35	35	21	7	1		
8	28	56	70	56	28	8	1	
9	36	84	126	126	84	36	9	1

Число произвольных коэффициентов является мерой неопределенности и адаптивности. Лингво-комбинаторное моделирование может опираться на анализ всего корпуса текстов на естественном языке, это трудоемкая задача по извлечению смыслов для суперкомпьютеров, его можно также использовать, опираясь на ключевые слова в конкретной области, что позволяет получать новые модели для конкретных областей знания. В этом случае лингво-комбинаторное моделирование заключается в том, что в конкретной предметной области выделяются ключевые слова, которые объединяются во фразы типа (1), на основе которых строятся эквивалентные системы уравнений с произвольными коэффициентами. В частном случае они могут быть дифференциальными уравнениями и при их исследовании может быть использован хорошо разработанный математический аппарат. Лингво-комбинаторное моделирование включает все комбинации и все варианты решений и является полезным эвристическим приемом при изучении плохо

формализованных систем [1, 3, 4]. В лингвистической литературе имеется множество трудов, в которых исследуются понятия смысла и значения, но эти теории во многом оказались неконструктивными, что ярко показал Л. Витгенштейн в своей Голубой книге. Использование в качестве модели фразы (1) уравнения (2) позволяет построить исчисление смыслов, которое хорошо реализуемо на компьютерах. По мнению Д. А. Леонтьева, смысл (будь то смысл текстов, фрагментов мира, образов сознания, душевных явлений или действий) определяется, во-первых, через более широкий контекст и, во-вторых, через интенцию или энтелехию (целевую направленность, предназначение или направление движения). В нашем определении смысла наличествуют эти две характеристики – контекстуальность (смыслы вычисляются, исходя из контекста) и интенциональность (произвольные коэффициенты позволяют задавать те или иные устремления).

Интенциональность – фундаментальное свойство человеческого разума. Интенциональность есть соотнесение ментальных состояний с объектами и ситуациями внешнего мира – я вижу что-то, я верю во что-то, я ожидаю чего-то, я боюсь чего-то, я хочу чего-то и т. д. Понятие интенции, намерения, направленности сознания, воли, чувства на какой-либо предмет было в 19 веке введено немецким философом Ф. Brentano. Интенциональные состояния можно отличить от неинтенциональных, не имеющих референтного объекта – я волнуюсь, я устал, я испуган, я счастлив и т. д. Интенциональность – это свойство сложных систем, которое развивается в процессе эволюции. Устройство жилищ общественных насекомых является примером коллективной интенциональной динамики. Например, множество термитов строят прочные сооружения, достигающие высоту 5 метров и весом 10 тонн.

В философии существует большое направление – феноменология – изучение сущностей [8, 10]. Делят сущности на наблюдаемые и ненаблюдаемые. Можно трактовать лингво-комбинаторное моделирование как конструктивную феноменологию, как исчисление сущностей исходя из различных текстов на естественных и искусственных языках, при этом можно рассматривать как отдельные тексты, так и весь корпус текстов, накопленных человечеством. Каждый этносоциум обладает своим набором сущностей, который отличается от набора сущностей других этносоциумов. Разнообразие этносоциумов – это богатство нашей планеты. В связи с глобализацией количество этносоциумов сокращается, что плохо.

Процесс познания – это изучение текстов. Именно поэтому возникает знаменитый тезис Матураны – все, что сказано, сказано наблюдателем. Мы не можем вынести наблюдателя за скобки описания процесса познания, так как в этом описании незримо присутствует описание внутреннего состояния, внутренней психической организации наблюдателя, которое рекурсивно совершается в течение всей жизни. (Матурана У «Биология познания. Язык и интеллект» М.1996).

2. Экономическая кибернетика

Кризис капиталистического производства, свидетелями и участниками которого мы стали, заставляет задуматься о законах развития экономики. В учении Адама Смита о богатстве народов сказано «Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, и тщетно было бы ожидать ее только от их благоволения. Он скорее достигнет своей цели, если призовет себе в помощь их эгоизм... Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе», ибо человек «преследует собственную выгоду, причем в этом случае невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения». Все это хорошо, покуда равнодействующая частных эгоизмов – она же невидимая рука рынка - выводит в плюс. Сапожник тачает сапоги, пирожник печет пироги, сапоги и пироги обмениваются на 1 сюртук и 20 аршин холста, богатство народов, направляемое невидимой рукой, растет.

Во время кризиса, когда богатство народов рушится, сапожник и пирожник, а в еще большей степени кузнец и слесарь остаются без работы, ибо некому сбывать плоды своих трудов, гораздо реже слышны похвалы невидимой руке, хотя она никуда не делась. Равнодействующая частных эгоизмов действует – куда сложились вектора, туда и сложились, и случаются времена, когда все указанные Адамом Смитом предпосылки остаются в силе, богатство же народов не умножается, но идет в распыл. Невидимость руки рынка сохраняется – без войны, без чумы или землетрясения заводы, дороги, стройки обращаются в мерзость запустения, невидимая рука рынка превращается в когтистую лапу, и вся надежда на человеческую солидарность и коллективизм. В рамках национальной солидарности от чистоты рыночных отношений остается немного. Например, протекционизм делается неизбежным в силу солидарности и осознания «свой своему поневоле брат». Заграница может поставить ряд товаров более дешевых и лучшего качества, но заграница не обещает кормить наших безработных и поддерживать нашу внутреннюю покупательную способность. Государство вынуждено вводить пошлины и поддерживать своего производителя. И еще острее стоит вопрос о законах развития социально-экономических систем, которые со времен Адама Смита существенно изменились.

Представляется важным рассмотреть возможность лингво-комбинаторного моделирования социально-экономических систем.

В качестве примера рассмотрим проблему моделирования города.

Если в качестве ключевых слов взять «население», «пассионарность», «территория», «производство», «экология и безопасность», «финансы», «внешние связи», то в соответствии с вышеизложенной методикой уравнение города будет

$$A1 * E1 + A2 * E2 + \dots + A7 * E7 = 0 \quad (8)$$

а эквивалентные уравнения будут иметь вид

$$E1 = U1 * A2 + U2 * A3 + U3 * A4 + U4 * A5 + U5 * A6 + U6 * A7$$

$$E2 = - U1 * A1 + U7 * A3 + U8 * A4 + U9 * A5 + U10 * A6 + U11 * A7$$

$$\begin{aligned}
E3 &= - U2*A1 - U7*A2 + U12*A4 + U13*A5 + U14*A6 + U15*A7 \\
E4 &= - U3*A1 - U8*A2 - U12*A3 + U16*A5 + U17*A6 + U18*A7 \quad (9) \\
E5 &= - U4*A1 - U9*A2 - U13*A3 - U16*A4 + U19*A6 + U20*A7 \\
E6 &= - U5*A1 - U10*A2 - U14*A3 - U17*A4 - U19*A5 + U21*A7 \\
E7 &= - U6*A1 - U11*A2 - U15*A3 - U18*A4 - U20*A5 - U21*A6
\end{aligned}$$

где $A1$ – характеристика населения, которая включает в себя характеристики здоровья, образования, занятости; $E1$ – изменение этой характеристики; $A2$ – характеристика пассионарности, устремлений групп населения, люди обладают свободой выбора при принятии решений, и этот выбор является важным, что оценивается путем социологического анализа; $E2$ – изменение этой характеристики; $A3$ – характеристика территории, включая наземные и подземные постройки, этот блок может быть геоинформационной системой; $E3$ – изменение этой характеристики; $A4$ – характеристика производства, включая оценку различных видов деятельности – научной, производственной, транспортной, торговой и др.; $E4$ – изменение этой характеристики; $A5$ – характеристика экологии и безопасности; $E5$ – изменение этой характеристики; $A6$ – характеристика финансов, финансовых потоков и запасов в городе; $E6$ – изменение этой характеристики; $A7$ – характеристика внешних связей города, включая оценку входящих и выходящих потоков людей, энергии, материалов, информации, финансов; $E7$ – изменение этой характеристики; $U1, U2, \dots, U21$ – произвольные коэффициенты, которые могут быть использованы для управления и решения различных задач на многообразии (8).

Эта модель (рис.1) используется в системах для поддержки принятия решений городскими властями [11].

Число блоков в лингво-комбинаторной модели города может быть различным. С точки зрения точности моделирования чем больше блоков задействуется, тем лучше, но при этом ухудшается наглядность модели, ее восприятие людьми, принимающими решение. Например, если население поделить на три блока – «дети и подростки», «взрослые» и «пенсионеры», то число переменных возрастет до девяти, уравнение города будет содержать девять переменных

$$A1*E1 + A2*E2 + \dots + A9*E9 = 0 \quad (10)$$

При моделировании города важно рассматривать всю иерархию систем, из которых этот город состоит. Главная ячейка города – семья, для моделирования которой тоже можно использовать семиблочную модель, при этом будет изменяться содержание отдельных блоков. Любая семья имеет свое домашнее хозяйство, минимальный размер семьи – один человек, но и такая семья имеет все семь атрибутов. Аналогичным образом можно рассматривать другие семейные объединения – род, тейп, домен [3]. Семиблочная модель может быть использована при моделировании различных предприятий, на которых

работают люди, при этом структура блоков для каждого из типов предприятий будет разной. Однотипность модели, которая положена в основу моделирования и семьи, и предприятий, и районов и города в целом позволяет проще производить анализ и синтез такой сложной системы как город.

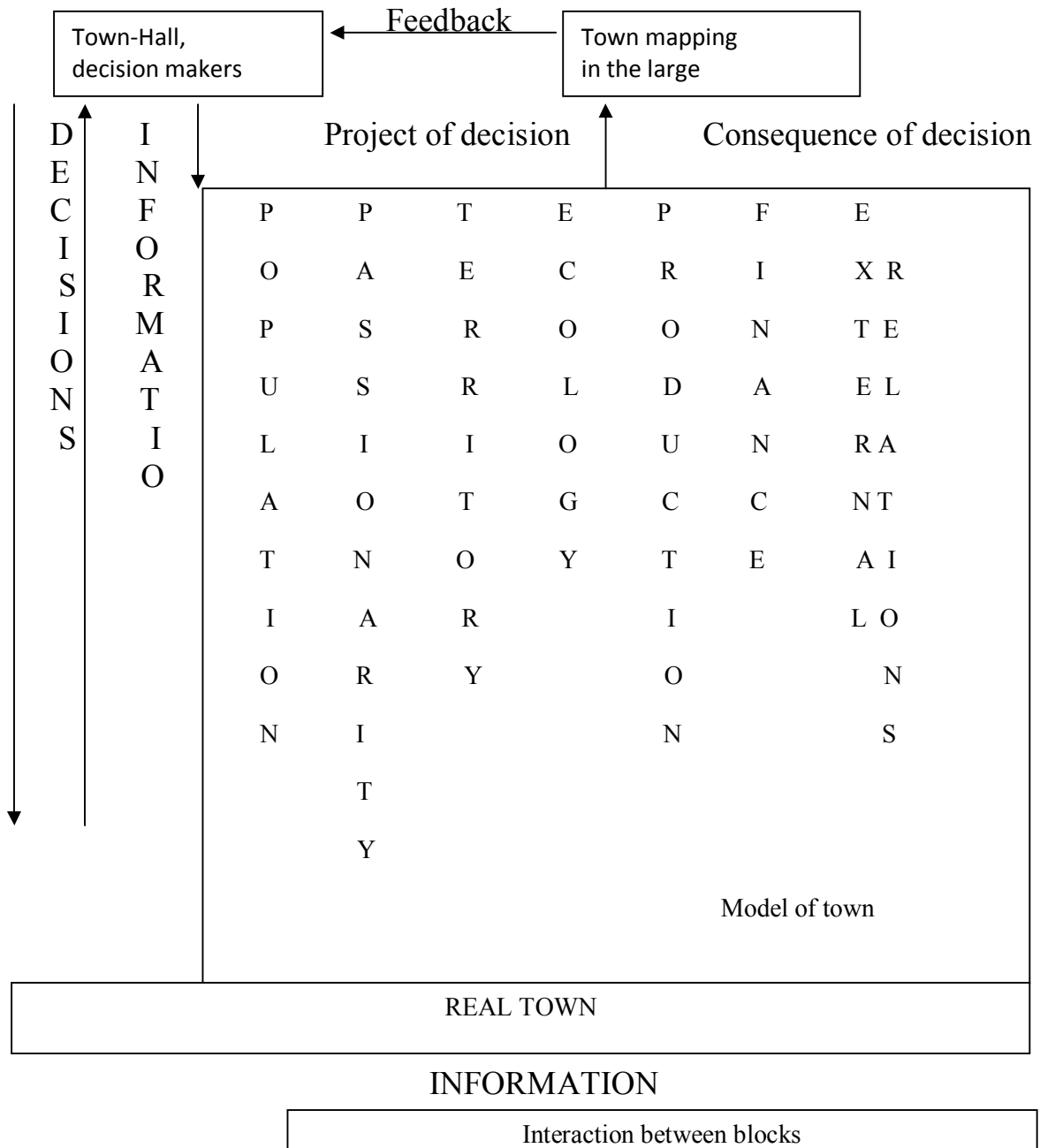

Рис.1. Моделирование города для поддержки управленческих решений.

В материалах статистических бюро по городам и регионам и по странам в целом имеются почти все данные, необходимые для запуска модели. Другие данные – для оценки пассионарности, можно почерпнуть из социологических опросов. Развитие информационно-вычислительной техники позволяет поставить вопрос об обязательном предварительном моделировании последствий от принимаемых решений, что позволит избежать многих ошибочных решений.

С древнейших времен складывались способы управления коллективными работами и сообществами людей. Они базировались на введении правил взаимоотношения между людьми (правил этики, морали, заповедей, законов религии, в последующем – светских правил и правовых норм) и на создании иерархической системы управления с помощью административного аппарата. Но как отдельный человек, так и коллектив людей – это самоорганизующиеся системы и различные способы управления – это различные методы внутреннего и внешнего управления самоорганизующейся системой. На уровне человека и социальных коллективов существует целеполагание, целеобразование. Способности системы к самоорганизации зависят от способности к целеполаганию, которая у различных людей разная. Бывают конформисты, которые готовы делать то, что делают другие и даже готовы подчиняться целям других людей, особенно если эти цели выработал коллектив. Бывают личности с большой самостоятельностью мышления и сопротивляемостью навязываемым им мнениям. В зависимости от типа личности, менталитета народа люди могут стремиться формулировать цели единолично, либо выработать цели коллективно, что характерно для России, у российского народа сложилось стремление к соборности, к коллективному принятию решений на сходах всех жителей деревни, на собраниях трудового коллектива предприятий, на советах различного рода. Способ управления, основанный на участии в целеобразовании активных элементов (человека, предприятия, региона и др.) является перспективным несмотря на свою сложность. Не все люди способны к целеобразованию и стремятся участвовать в формулировании целей. Некоторые исследователи утверждают, что активных личностей в странах около 10%, а большинство готово выполнять цели, поставленные руководством.

Различают следующие уровни целеобразования применительно к людям:

- 1) материальный, определяемый врожденными потребностями и программами человека (самосохранение, обеспечить питание, минимум одежды);
- 2) эмоциональный (доступные развлечения, эстетическое восприятие мира, проявление и реализация чувств любви, ненависти и др.);
- 3) семейно-общественный (реализация программы продолжения рода, создания условий для воспитания потомства);
- 4) социально-общественный, определяемый правилами сообществ, закрепленных в законодательстве, этических нормах, традициях и т. п.;
- 5) интеллектуальный, для которого характерна система ценностей, ориентированная главным образом на развитие творческих способностей

личности (примером может служить атмосфера академгородков в начальный период их развития).

В связи с развитием информационных технологий и виртуальных миров начинают выделяться два уровня – уровень удовлетворения минимальных жизненных потребностей в реальном мире и уровень удовлетворения максимальных потребностей в виртуальном мире, где человек сможет реализовать свои самые различные фантазии. Реализация этих уровней позволит смягчить гнет социального неравенства.

3. Феномен адаптационного максимума в жизненном цикле сложных развивающихся систем

Биологические системы – от живой клетки до многоклеточных организмов – проходят свой цикл развития от рождения до смерти. Социально-экономические системы – семья, предприятия, банки, города, села, регионы, страны проходят сложный путь развития, находясь под воздействием различных внутренних и внешних факторов. Одни предприятия и банки процветают, другие терпят крах и банкротятся, одни города и страны процветают, другие переживают стагнацию, о чем свидетельствует мировая статистика. Все эти системы являются сложными развивающимися системами и в жизненном цикле этих систем проявляются закономерности, свойственные многомерным системам.

Важной закономерностью, оказывающей большое влияние на социально-экономические системы, является феномен наличия адаптационного максимума, который заключается в следующем [11, 17].

Установлена ранее неизвестная закономерность наличия адаптационного максимума в жизненном цикле сложных развивающихся систем, заключающаяся в том, что при наложении ограничений на систему из n переменных ($n > 6$) число произвольных коэффициентов в структуре эквивалентных уравнений, описывающих поведение системы, сначала возрастает, достигает максимума, а потом начинает убывать, и соответственно изменяются адаптационные возможности системы – сначала они растут, достигают максимума, а потом начинают убывать, и если наложение ограничений продолжается, то система делается жесткой и погибает в потоке перемен окружающей среды, откуда вытекает стратегия управления различными сложными системами – они должны управляться так, чтобы удержать их в зоне адаптационного максимума, если хотим обеспечить их живучесть в потоке перемен.

Уже давно известно, что существуют ритмы в биологических системах. Например, из результатов переписи населения (таблица 2) ясно видно наличие минимума смертности для людей в возрасте 10 – 14 лет, при этом следует отметить, что он сохраняется независимо от социально – экономических условий – и в период 1896 – 1897 годов, и в период 1984 – 1985 годов, но объяснения этому минимуму смертности не было. Из статистики развития экономики известны циклы Кондратьева и другие циклические явления в экономике как отдельных предприятий, так и более крупных экономических

образований. В технических системах известны периоды максимальной надежности и устойчивости систем. Предложенная математическая модель развивающихся систем позволяет говорить о наличии закономерности адапционного максимума, которая объясняет многочисленные факты и позволяет предсказывать поведение сложных систем.

Таблица 2

Годы/Возраст	1896 – 1897	1958 – 1959	1969 – 1970	1978 – 1980	1982 – 1983	1984 – 1985
0 – 4	133,0	11,9	6,9	8,1	7,9	7,7
5 – 9	12,9	1,1	0,7	0,7	0,6	0,6
10 – 14	5,4	0,8	0,6	0,5	0,5	0,5
15 – 19	5,8	1,3	1,0	1,0	1,0	0,9
20 – 24	7,6	1,8	1,6	1,7	1,6	1,5
25 – 29	8,2	2,2	2,2	2,3	2,2	2,0
30 – 34	8,7	2,6	2,8	2,9	2,9	2,8
35 – 39	10,3	3,1	3,7	4,3	3,8	3,6
40 – 44	11,8	4,0	4,7	5,4	5,6	5,7
45 – 49	15,7	5,4	6,0	7,8	7,4	7,3
50 – 54	18,5	7,9	8,7	10,3	10,9	11,3

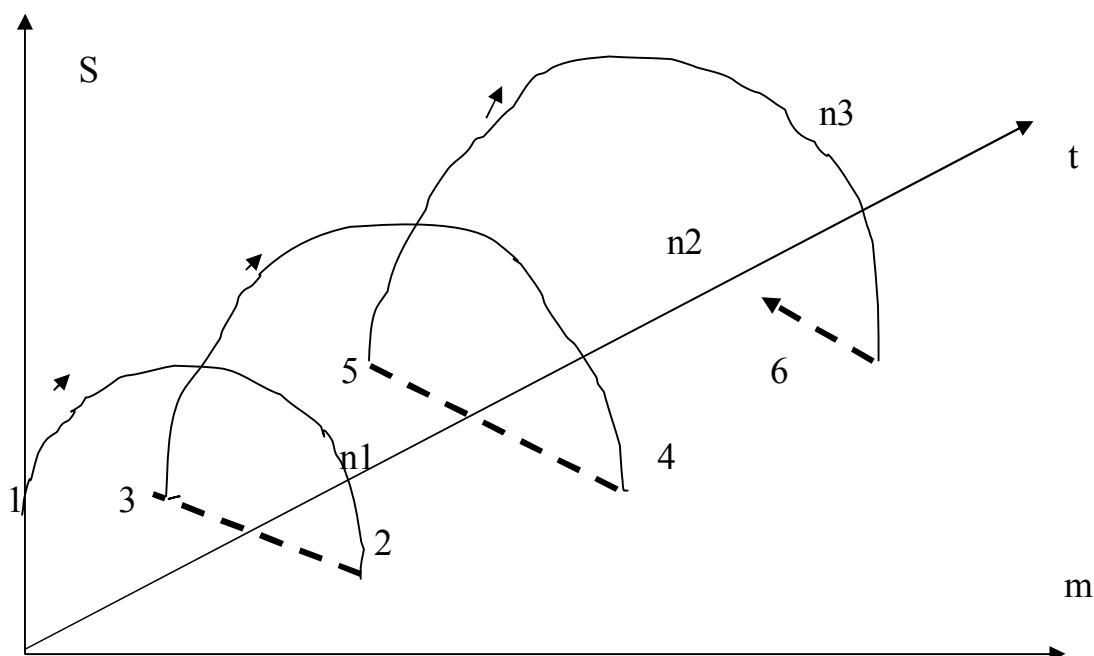

Рис. 2. Трансформация развивающейся системы, $n1 < n2 < n3$, траектория системы: 1-2-3-4-5-6-..., сплошной линией показаны эволюционные процессы, пунктирной – креативные процессы.

Система – целостная совокупность элементов, в которой все элементы настолько тесно связаны между собой, что она выступает по отношению к другим системам и окружающей среде как нечто единое. На рис. 3 представлена схема, где система взаимодействует со средой и использует два механизма адаптации – а – настройка или самонастройка системы с помощью произвольных коэффициентов в структуре эквивалентных уравнений системы, – б – обучение или самообучение системы, которая заключается в наложении новых ограничений на систему. Кроме этих механизмов адаптации возможны и другие, такие как рост числа переменных системы, размножение, эффективное забывание, ограничение контактов со средой, объединение систем в коллектив и др. В общем случае число произвольных коэффициентов S в структуре эквивалентных уравнений системы определяется как число сочетаний из n по $m+1$ и определяется формулой (7) (см. таблицу 1)

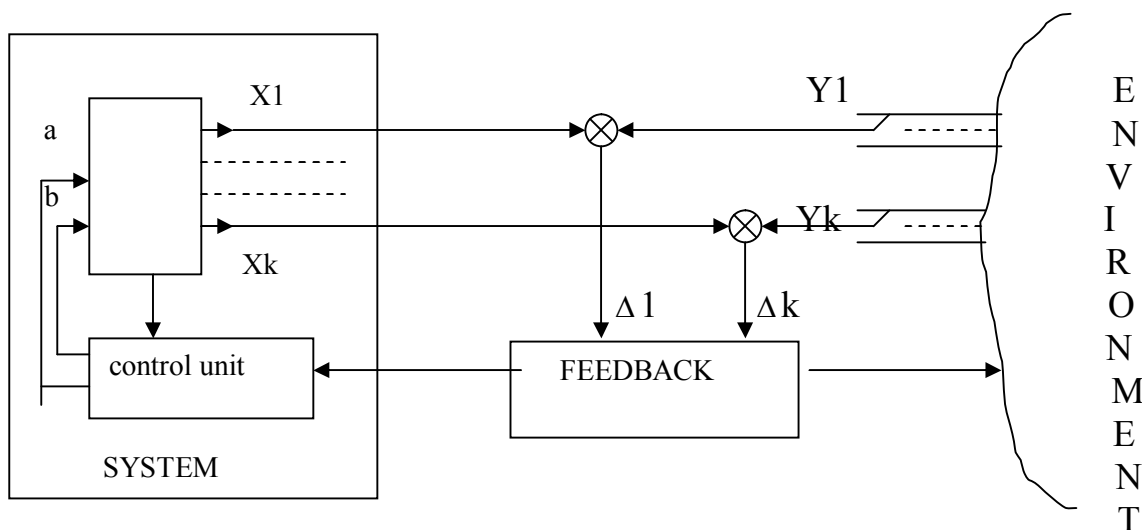

Рис.3. Модель среда – система.

Во второй половине 19 в. началось проникновение понятия система в различные области конкретно-научного знания, важное значение имело создание эволюционной теории Ч. Дарвина, теории относительности, квантовой физики, структурной лингвистики и др. Многие конкретно-научные принципы анализа систем были сформулированы в тектологии А. А. Богданова, в праксеологии Т. Котарбинского, в работах В. И. Вернадского и др. Предложенная в конце 40-х годов 20 века Л. Берталанти программа построения «общей теории систем» явилась одной из первых попыток обобщенного анализа системной проблематики. При определении понятия система необходимо учитывать теснейшую взаимосвязь его с понятиями целостности, структуры, связи, элемента, отношения, подсистемы, иерархии и др.

В конце восьмидесятых годов Пер Бак и его коллеги предложили теорию самоорганизованной критичности, где в качестве иллюстрации выступает куча песка. По мере того, как добавляется песок на верх кучи, она приближается к тому, что Бак называет критическим состоянием, при котором даже одна

дополнительная песчинка, опущенная наверх кучи, может вызвать лавину по бокам. Если исследовать размер и частоту лавин, происходящих в этом критическом состоянии, то результаты соответствуют степенному закону – частота лавин обратно пропорциональна некоторой степени размера кучи. Эта теория произвела большое впечатление на вице-президента США Э. Гора, который утверждал, что самоорганизованная критичность помогла ему понять не только чувствительность окружения к потенциальным подрывам, но также изменения в его собственной жизни. Но некоторые исследователи из Чикагского университета считают, что модель Бака не дает даже хорошего описания его парадигматической системы – кучи песка. Их эксперименты показали, что кучи песка ведут себя совершенно по-разному в зависимости от размера и формы песчинок. Поведение лишь очень немногих куч соответствует степенному закону, предсказанному Баком.

Сложная система – это система, в которой проявляется феномен адаптационного максимума, то есть система с числом переменных больше шести. На рис.3 представлена схема взаимодействия вышеописанной системы с окружающей средой, где переменные системы x_1, \dots, x_k взаимодействуют с переменными среды y_1, \dots, y_k , а сигналы рассогласования передаются в блок управления, и у системы есть две возможности приспособиться к изменениям в среде, это, во-первых, настройка с помощью манипуляции произвольными коэффициентами, и чем больше этих коэффициентов, тем выше адаптационные возможности, и, во-вторых, обучение, наложение новых ограничений на переменные системы. В режиме непрерывного обучения число произвольных коэффициентов изменяется в соответствии с формулой (7), и это приводит к появлению циклов в развитии систем, что иллюстрируется на рис. 2, где цикл развития системы начинается в точке 1, проходит через максимум в числе произвольных коэффициентов и заканчивается в точке 2, где должна наступить трансформация, сброс ранее накопленных ограничений, далее начинается в точке 3 новый цикл, опять система проходит через максимум адаптационных возможностей, достигает точки 4, где опять происходит трансформация, и система начинает новый цикл в точке 5 и так далее. Сплошной линией на рис. 2. показаны адаптационные процессы, пунктирной – креативные процессы. Алгоритм креативных процессов заключается в том, что выбираются элементы из набора и они объединяются в уравнение типа (2) или (3), разрешая которые мы получаем генерирующую систему. В точке 2 возможно несколько исходов – либо система продолжит эволюцию, либо система через креативный процесс перейдет в новое состояние, либо она будет разрушена. Эта модель позволяет объяснить наличие циклов в развитии сложных биологических, социально-экономических и технических систем и ситуацию кризисов. Наличие кризисов (точки 2, 4, 6...) является имманентным свойством сложных систем, мы можем влиять лишь на глубину кризисов, включая как можно раньше креативные процессы.

Предложенная модель процессов самоорганизации сложных развивающихся систем реализует закономерность наличия адаптационного максимума в жизненном цикле систем в потоке перемен. Жизненный цикл –

совокупность фаз развития, пройдя через которые система достигает зрелости и становится способной эффективно функционировать и дать начало новому поколению.

Как показывает статистика, существуют циклы в развитии экономики, в частности – циклы Кондратьева. Учет закономерности наличия адапционного максимума позволяет объяснить эти циклы [11]. Надежность сложных человеко-машинных комплексов достигает своего максимума в зоне адапционного максимума и технические системы должны строиться таким образом, чтобы при изменении этих систем они оставались в зоне адапционного максимума как можно дольше.

Число примеров систем можно было бы увеличивать, но уже ясно, что феномен адапционного максимума существует и учет закономерности наличия адапционного максимума в жизненном цикле сложных развивающихся систем позволит лучше понять механизмы их функционирования и значительно улучшить их характеристики. Для того, чтобы выжить, этносоциум должен находиться в зоне адапционного максимума.

Структурная стабильность, совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних воздействиях, обеспечивается адаптационными возможностями [1, 15, 27]. В представленных лингво-комбинаторных моделях адаптационные возможности систем определяются числом произвольных коэффициентов в структуре эквивалентных уравнений и наибольшая структурная стабильность достигается в зоне адапционного максимума, который обнаруживается у различных систем с числом переменных больше шести [17]. Для удержания систем в зоне адапционного максимума можно использовать различные методы – рост числа переменных, наложение и снятие ограничений, объединение систем в коллективы. Действительно, если имеем две системы

$$S1 = C_{n1}^{m1+1} \qquad S2 = C_{n2}^{m2+1} \qquad (11)$$

то путем наложения общих ограничений $mcol$ получим коллектив

$$Scol = C_{n1+n2}^{m1+m2+mcol} \qquad (12)$$

При этом в зависимости от конкретных параметров может быть $Scol > S1 + S2$, когда объединение в коллектив приводит к росту адаптационных возможностей, а может быть $Scol < S1 + S2$, когда адаптационные возможности меньше суммы адаптационных возможностей исходных систем. Наличие неопределенности в структуре системы, произвольных коэффициентов, позволяет реализовать различные механизмы самоорганизации.

Эффект коллектива необходимо учитывать при организации боевых действий. Как показывает анализ современных войн в Ираке, Афганистане и

Чечне, группы слабо вооруженных и плохо обученных людей оказываются часто эффективнее хорошо вооруженных армий. Эти группы используют стайную тактику ведения боевых действий. Под стаяй понимается децентрализованная слабосвязанная организация боевых единиц, не имеющая четко выраженного командования, но объединенного общей целью в соответствии с уравнением (12).

В настоящее время сложилась методология и контроллинг крупномасштабных систем (см. Д. В. Реут «Крупномасштабные системы» изд. МГТУ им. Баумана, 2013) и выделяют различные виды управления – этологическое, традиционное, умное, изономическое и др., но при любом виде управления будут проявляться эмерджентные свойства сложных систем, что необходимо учитывать при определении коридора эволюционных возможностей.

Наличие феномена адаптационного максимума в жизненном цикле различных сложных развивающихся систем позволяет объяснить эволюцию систем в условиях изменяющейся среды. Феномен адаптационного максимума является основой самоорганизации в природе и обществе. Структура неопределенных коэффициентов задает матрицу картины мира, в рамках которой и разыгрываются различные события. Произвольные коэффициенты в структуре эквивалентных уравнений могут быть и волновыми функциями, а различные системы могут рассматриваться как квантовые макрообъекты

Лингво-комбинаторное моделирование существенно пополняет арсенал средств моделирования и позволяет сформировать новую картину мира, которая опирается на все достижения современной науки и прежде всего информатики. Лингво-комбинаторная картина мира состоит из трех групп переменных, во-первых, это явления (Appearances), во-вторых, это смыслы (Essences), в-третьих – это структурированная неопределенность (Structural Uncertainty), из которых состоят все неживые и живые системы. Лингво-комбинаторное моделирование – это математический аппарат постнеклассической науки. На уровне неклассической науки был введен наблюдатель, на уровне постнеклассической науки введен управитель.

Заключение

В статье был рассмотрен новый класс моделей – лингво-комбинаторные модели плохо формализованных систем, что позволило выявить новое эмерджентное свойство сложных систем – феномен адаптационного максимума. Наличие феномена адаптационного максимума в жизненном цикле сложных систем позволяет объяснить природу кризисов, которые периодически поражают различные сложные системы. Отсюда вытекает способ борьбы с кризисом – системы должны управляться так, чтобы удерживать их в зоне адаптационного максимума в потоке перемен. Глубина кризисов определяется отклонением от зоны адаптационного максимума. Глубину кризисов можно существенно уменьшить, осуществляя глубокий мониторинг состояния сложных систем и принимая соответствующие креативные меры.

Список литературы

1. Игнатъев М. Б. «Голономные автоматические системы» М – Л, изд. АН СССР, 1963, 204 с.
2. Игнатъев М. Б., Кулаков Ф. М., Покровский А. М. «Алгоритмы управления роботами-манипуляторами», первое изд. 1972, второе в США-1973, третье – 1977, изд. Машиностроение, Л., 256 с.
3. Вайнберг С. «Мечты об окончательной теории: физика в поисках самых фундаментальных законов природы» М., ЛКИ, 2008.
4. Ignatyev M. B. Proceedings of The SIMTEC'93 – 1993 International Simulation Technology Conference, San Francisco, USA, 1993, p.41-42.
5. Ignatyev M. B., Makina D. M., Petrishev N. N., Poliakov I. V., Ulrich E. V., Gubin A. V. Proceedings of the High Performance Computing Symposium – HPC 2000, Ed. A Tentner, 2000 Advanced Simulation Technologies Conference, Washington D.C. USA, 2000, p.66-71.
6. Ignatyev M. B. Proceedings of the 6th World Multiconference on Systemics, Cybernetics and Informatics, vol. XI, Computer science II, Orlando, USA, 2002, p.224 – 227.
7. Ignatyev M., Pinigin G., XXV General Assembly of International Astronomical Union, July 13-26, 2003, Sydney, Australia, Simposium 216, Maps of the Cosmos, IAU 01105.
8. Ignatyev M B, AIP conference proceedings, vol. 839, Melville, New York, 2006, p. 322 – 330.
9. Гинзбург И. Ф. Успехи физических наук, том 179, №5, 2009, С.525 – 529.
10. Игнатъев М. Б. Доклады Академии Наук, 2010, т.433, №5, С.613 – 617.
11. Игнатъев М. Б. Кибернетическая картина мира. Теория сложных систем. Санкт-Петербург, ГУАП, 2011. – 448 с.
12. Ignatyev M. B. Journal of Mathematics and System Science, Vol. 2, Number 1, January 2012, p.58 – 66.
13. Computational Science: Ensuring America's Competitiveness. President's Information Technology Advisory Committee. Washington D.C. , May 27, 2005.
14. Игнатъев М. Б. Материалы Всероссийской междисциплинарной конференции «Философия искусственного интеллекта»2005, М, С.105 – 110.
15. Игнатъев М. Б., Никитин А. А., Никитин А. В., Решетникова Н. Н. «Архитектура виртуальных миров» монография, С-Петербург, 2005.
16. Реут Д. В. «Крупномасштабные системы» изд. МГТУ им. Баумана, 2013.
17. Игнатъев М. Б. Закономерность изменения адаптационных возможностей в жизненном цикле сложных развивающихся систем. Диплом № 25-S на открытие в области кибернетики и системного анализа с приоритетом от 28.06.1963.
18. Дмитриев В. И. Вестник МГУ, серия 15 «Вычислительная математика и кибернетика» №4, 2001, стр.3 – 7.
19. Леонтьев Д А «Психология смысла – природа, строение и динамика смысловой реальности» М., 1999.
20. Степин В. С. Теоретическое знание. Прогресс-Традиция, М., 2003.

21. Лейбниц Г. В. Монадология. Сочинения, т.1, М.,1982.
22. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб, 2000
23. Ястребов В. С., Игнатъев М. Б., Кулаков, Михайлов В. В. Подводные роботы. Л., Судостроение, 1977, 368 с.
24. Игнатъев М. Б., Ильевский Б. З., Клауз Л. П. Моделирование системы машин. Л., Машиностроение, 1986, 304 с.
25. Ignatyev M. V. International Journal on Computing Anticipatory Systems, Ed. D. Dubois, Published by CHAOS , Belgium, vol.22, 2008, p.17 – 23.
26. Ignatyev M. V. International Journal of Computing Anticipatory Systems. Ed. D. Dubois, Published by CHAOS, Belgium, vol 23, 2010, p.202 – 214.
27. Игнатъев М. Б. Информационные технологии в микро-, нано- и оптоэлектронике. СПб, 2008.
28. Ignatyev M. “Crisis how the property of complex systems” Journal of World Economic Research, USA, 2012, December, vol.1, No.1. pp.1 – 5.

Crisis as the Immanent Property of Complex Social-economic Systems*

Mikhail B. Ignatyev – St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 67, Bolshaja Morskaja uliza, St-Petersburg, Russia, **E-mail address:** ignatmb@mail.ru (M.B.Ignatyev)

We can understand of crisis nature only by means of investigation of complex systems. Our socio-economical system is very complicated system. Any complex system interacts with its changing environment and its viability depends on its adaptability. The number of arbitrary coefficients in the structure of equivalent equations of complex system changes in the process of learning. In systems with more than six variables, the number of arbitrary coefficients increases first, and then, passing through the maximum, begins to decrease. This phenomenon makes it possible to explain the processes of system growth, complication and death in biological, economical and physical-engineering systems. We use the linguo-combinatorial method of investigation of complex systems, in taking key words for building equivalent equations. This phenomenon is able to increase the adaptability of different systems. The crisis situation is the distance between the adaptation maximum zone and today situation.

Keywords: Adaptability, Combinatorial simulation, Uncertainty, Appearance, Essence, General systems theory, Physics, Biology, Social-economics.

1. INTRODUCTION

The natural language is the main intellectual product of mankind. The structure of the natural intellect is reflected in natural language that is accessible for investigation. Some scientific experiments can be expensive and dangerous. The simulation techniques permit to decrease the cost for investigating these systems. The simulation must accurately reflect the characteristics of the real world. Combinatorial simulation allows studying the full set of system variants including uncertainty. Any system contains some types of uncertainty, which are determined by their existence in real world. Humans interact with both physical objects and their descriptions in terms of natural language, mathematics or tables. Descriptions often only partially represent the essence of real processes. The inaccuracy of description introduces uncertainty. More often the uncertainty of systems is, however, inherent to the real world. This study is aimed toward such types of uncertainty in mental processes. Physical laws, the balance of energy and matter, and information limit the systems behavior. Within these limits, systems interact and adapt to other systems and environment, and undergo destructive actions.

* © М. Б. Игнатъев, 2013

2. LINGUO-COMBINATORIAL SIMULATION

Frequently we use the natural language to describe systems. We propose to transfer this natural language description to mathematical equations.

For example, we have a sentence

$$\mathbf{WORD1 + WORD2 + WORD3} \quad (1)$$

where we assign words and only imply meaning of words, the meaning (sense) is ordinary implied but not designated.

We propose to assign meaning in the following form

$$\mathbf{(WORD1)*(SENSE1)+(WORD2)*(SENSE2)+(WORD3)*(SENSE3)=0} \quad (2)$$

This equation (2) can be represented in the following form

$$\mathbf{A1*E1 + A2*E2 + A3*E3 = 0} \quad (3)$$

where A_i , $i = 1, 2, 3$, will denote words from English Appearance and E_i will denote senses from English Essence. The equations (2) and (3) are the model of the sentence (1). When we have a mathematical equation in the form $F(x_1, x_2, x_3) \square 0$, we can turn such a form by means of differentiation where the partial derivatives are the appearances and the derivatives with respect to time are the essences. This model is an algebraic ring and we can resolve this equation with respect to the appearances A_i or the essences E_i [4, 5, 6]:

$$\begin{aligned} \mathbf{A1} &= \mathbf{U1*E2 + U2*E3} \\ \mathbf{A2} &= \mathbf{- U1*E1 + U3*E3} \\ \mathbf{A3} &= \mathbf{- U2*E1 - U3*E2} \end{aligned} \quad (4)$$

or

$$\begin{aligned} \mathbf{E1} &= \mathbf{U1*A2 + U2*A3} \\ \mathbf{E2} &= \mathbf{- U1*A1 + U3*A3} \\ \mathbf{E3} &= \mathbf{- U2*A1 - U3*A2} \end{aligned} \quad (5)$$

where U_1, U_2, U_3 are arbitrary coefficients, can be used for solution of different tasks on the initial manifold (2) or (3). In general if we have n variables in our system and m manifolds, restrictions, then the number of arbitrary coefficients S will be defined as the number of combinations from n to $m-1$ [4], as shown in Table 1,

$$S = C_n^{m+1}, \quad n > m \quad (6)$$

TABLE 1. The number of arbitrary coefficients depending on the number of variables n and the number of restriction m .

n/m	1	2	3	4	5	6	7	8
2	1							
3	3	1						
4	6	4	1					
5	10	10	5	1				
6	15	20	15	6	1			
7	21	35	35	21	7	1		
8	28	56	70	56	28	8	1	
9	36	84	126	126	84	36	9	1

The formula (6) is the basic law of cybernetics, informatics and synergetics for complex systems. The number of arbitrary coefficients is the measure of uncertainty. Usually, when solving mathematical systems, the number of variables is equal to the number of equations. In practice we frequently do not know how many constraints there are on our variables. Combinatorial simulation makes it possible to simulate and study the systems with uncertainty on the base of incomplete information. The problem of simulation of condition, guaranteeing the existence of maximum adaptability is investigated.

It is supposed that the behavior of a system with n variables is given with an accuracy of m intersecting manifolds, $n > m$. If the system is considered as a multidimensional generator (Fig.1) where at least a part of the variables interact with environment variables, and if the objective of the system is to decrease the functional of discoordination between them ($\Delta 1 \dots \Delta k$), the system control unit has two instruments of impact, a and b , upon the system. First, this is the tuning – the changing of uncertain coefficients in the structure of the differential equations of the system, taking account that the greater number of these coefficients implies more accurate system response to changing environment. Second, this is the learning – the imposing new restrictions on the system behavior. The number of arbitrary coefficients, in the structure of equivalent equations, changes in the process of learning, of consecutive imposing new and new restrictions on the system behavior. In the systems with more than six variables the number of arbitrary coefficients increases first, and then, passing through the maximum begins to decrease. This phenomenon makes it possible to explain the processes of system growth, complication and death. The existence of maximum adaptability phenomenon is observed in and proved by numerous biological, economical and physical-engineering systems.

Fig. 1 shows the interaction between system and environment. It is important that we describe a system with a full sum of combinations and have all the variants of decisions. The linguo-combinatorial simulation is a useful heuristic approach for investigation of complex, poorly formalized systems.

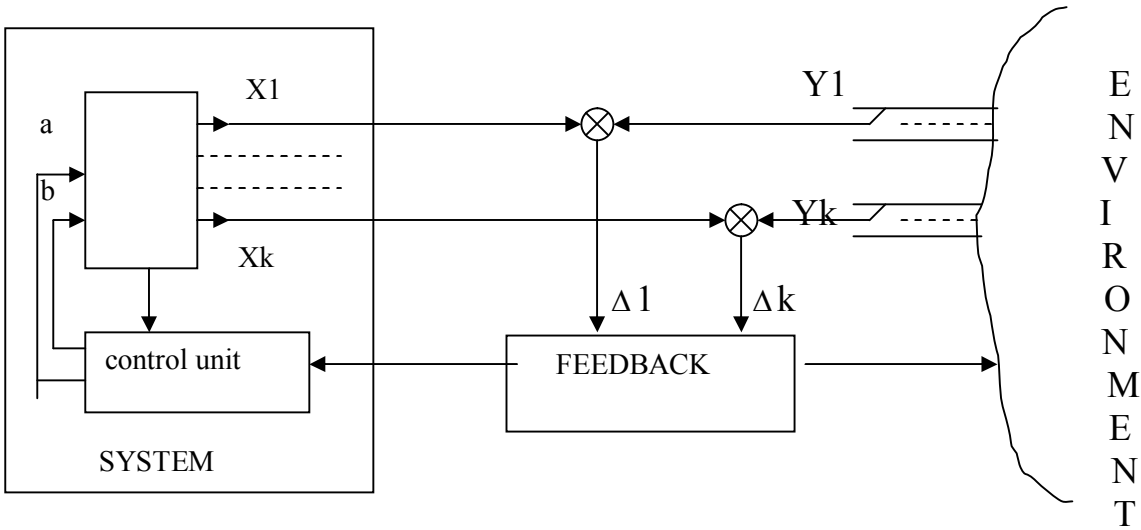

FIGURE 1.

Natural language is the main intellectual product of mankind; the structure of natural language reflects the structure of natural intellect of mankind and its separate representatives on the level of consciousness and unconscious. Linguo-combinatorial simulation is the calculation, which permits to extract the senses from texts. Wittgenstein wanted to have the calculation of senses [2, 3]. In our calculation we have the three groups of variables: the first group – the words of natural language A_i , the second group – the essences E_i , which can be the internal language of brain [1]; we can have the different natural languages, but we have only one internal language of brain; this hypothesis opens a new way for experimental investigation; the third group of variables – the arbitrary coefficients, uncertainty in our model, which we can use for adaptation in translation processes and etc.

3. STRUCTURE OF GENERAL MODEL OF CITY

If we have the key words – Population, Passionarity, Territory, Production, Ecology and Safety, Finance and External Relation for simulation of city [11], then the equation of city will be

$$A^1_1 * E1 + A^1_2 * E2 + A^1_3 * E3 + A^1_4 * E4 + A^1_5 * E5 + A^1_6 * E6 + A^1_7 * E7 = 0 \quad (7)$$

and the equivalent equations of our model will be

$$\begin{aligned}
 E1 &= U1 * A^1_2 - U2 * A^1_3 - U3 * A^1_4 - U4 * A^1_5 - U5 * A^1_6 - U6 * A^1_7 \\
 E2 &= U1 * A^1_1 - U7 * A^1_3 - U8 * A^1_4 - U9 * A^1_5 - U10 * A^1_6 - U11 * A^1_7 \\
 E3 &= U2 * A^1_1 - U7 * A^1_2 - U12 * A^1_4 - U13 * A^1_5 - U14 * A^1_6 - U15 * A^1_7 \\
 E4 &= U3 * A^1_1 - U8 * A^1_2 - U12 * A^1_3 - U16 * A^1_5 - U17 * A^1_6 - U18 * A^1_7 \\
 E5 &= U4 * A^1_1 - U9 * A^1_2 - U13 * A^1_3 - U16 * A^1_4 - U19 * A^1_6 - U20 * A^1_7 \\
 E6 &= U5 * A^1_1 - U10 * A^1_2 - U14 * A^1_3 - U17 * A^1_4 - U19 * A^1_5 - U21 * A^1_7 \\
 E7 &= U6 * A^1_1 - U11 * A^1_2 - U15 * A^1_3 - U18 * A^1_4 - U20 * A^1_5 - U21 * A^1_6
 \end{aligned} \quad (8)$$

where A^1_1 is a characteristics of population (health, education, employment and etc), $E1$, a variation of this characteristics, A^1_2 , a characteristics of “passionarity”, intentions of social groups of population, $E2$, a variation of this characteristics, A^1_3 , a characteristics of territory, $E3$, a variation of this characteristics, A^1_4 , a

characteristics of production (industrial, agricultural, science, service etc), E4, a variation of this characteristics, A^1_5 , a characteristics of ecology and safety, E5a variation of this characteristics, A^1_6 , a characteristics of finance, banking, individual finance etc, E6a variation of this characteristics, A^1_7 , a characteristics of external relation, input and output flows of material, energy, information, finance, population E7, a variation of this characteristics, U1, U2, . . . U21, arbitrary coefficients, which compose the block of control in our city structure (Fig.2). We will have the same structure for each region, country and world.

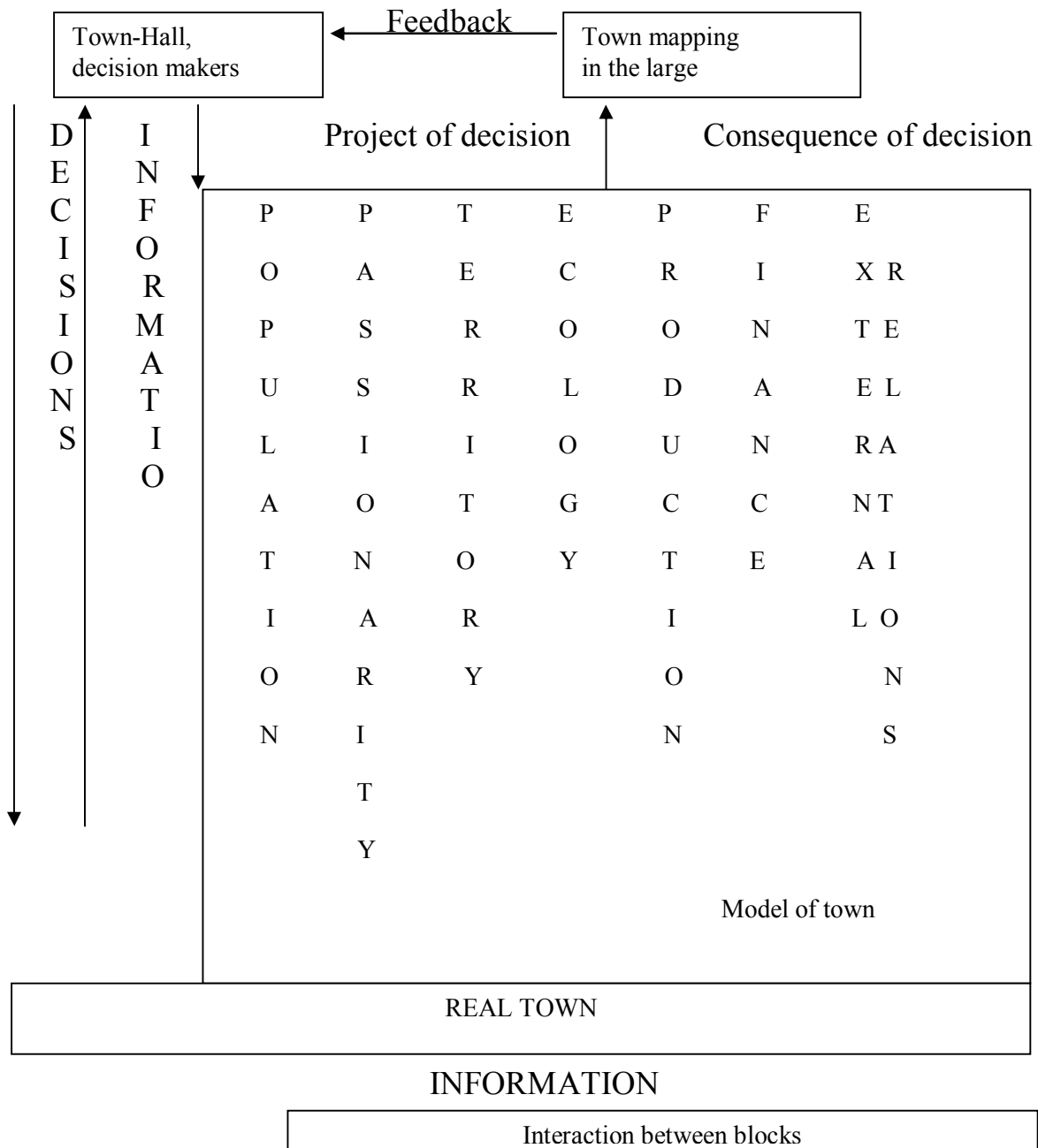

FIGURE 2. Simulation of a town for decisions making support.

If we have two restrictions, $n = 7$, $m = 2$, our model of city was described by means of these equations

$$\begin{aligned} A_1^1 * E1 + A_2^1 * E2 + A_3^1 * E3 + A_4^1 * E4 + A_5^1 * E5 + A_6^1 * E6 + A_7^1 * E7 &= 0 \\ A_1^2 * E1 + A_2^2 * E2 + A_3^2 * E3 + A_4^2 * E4 + A_5^2 * E5 + A_6^2 * E6 + A_7^2 * E7 &= 0 \end{aligned} \quad (9)$$

The equivalent equations with $S = 35$ will be

$$\begin{aligned} E1 &= U1 * D_{23}^1 + U2 * D_{24}^1 + U3 * D_{25}^1 + U4 * D_{26}^1 + \dots + U15 * D_{67}^1 \\ E2 &= - U1 * D_{13}^2 - U2 * D_{14}^2 - U3 * D_{15}^2 - U4 * D_{16}^2 - \dots + U25 * D_{67}^2 \\ E7 &= U5 * D_{12}^7 + U9 * D_{13}^7 + U12 * D_{14}^7 + U14 * D_{15}^7 + \dots + U35 * D_{56}^7 \end{aligned} \quad (10)$$

where $D_{12} = A_1^1 * A_2^2 - A_2^1 * A_1^2$ and etc.

After covering the new restriction the structure of equivalent equations is changed.

We can introduce the new variables in our model. For example, we can consider three group of population – young people (including children) A1, working people A2 and old people (including pension people) A3, then the city equation will consist nine variables:

$$A1 * E1 + A2 * E2 + \dots + A9 * E9 = 0 \quad (11)$$

where:

- A1 - characteristic of young people group, E1 - variation of this characteristic,
- A2 - characteristic of working people group, E2 - variation of this characteristic,
- A3 - characteristic of old people group, E3 - variation of this characteristic,
- A4 - characteristic of passionarity, E4 - variation of this characteristic,
- A5 - characteristic of territory, E5 - variation of this characteristic,
- A6 - characteristic of production, E6-variation of this characteristic,
- A7 - characteristic of ecology and safety, E7-variation of this characteristic,
- A8 - characteristic of finance, E8 - variation of this characteristic,
- A9 - characteristic of external relations, E9 - variation of this characteristic.

The structure of equivalent equations of city model will be (12)

$$E1 = U1 * A2 + U2 * A3 + U3 * A4 + U4 * A5 + U5 * A6 + U6 * A7 + U7 * A8 + U8 * A9$$

$$E2 = -U1 * A1 + U9 * A3 + U10 * A4 + U11 * A5 + U12 * A6 + U13 * A7 + U14 * A8 + U15 * A9$$

$$E3 = - U2 * A1 - U9 * A2 + U16 * A4 + U17 * A5 + U18 * A6 + U19 * A7 + U20 * A8 + U21 * A9$$

$$E4 = - U3 * A1 - U10 * A2 - U16 * A3 + U22 * A5 + U23 * A6 + U24 * A7 + U25 * A8 + U26 * A9$$

$$E5 = - U4 * A1 - U11 * A2 - U17 * A3 - U22 * A4 + U27 * A6 + U28 * A7 + U29 * A8 + U30 * A9 \quad (12)$$

$$E6 = - U5 * A1 - U12 * A2 - U18 * A3 - U23 * A4 - U27 * A5 + U31 * A7 + U32 * A8 + U33 * A9$$

$$E7 = - U6 * A1 - U13 * A2 - U19 * A3 - U24 * A4 - U28 * A5 - U31 * A6 + U34 * A8 + U35 * A9$$

$$E8 = - U7 * A1 - U14 * A2 - U20 * A3 - U25 * A4 - U29 * A5 - U32 * A6 - U34 * A7 + U36 * A9$$

$$E9 = - U8 * A1 - U15 * A2 - U21 * A3 - U26 * A4 - U30 * A5 - U33 * A6 - U35 * A7 - U36 * A8$$

where $U1, U2, \dots, U36$ - the arbitrary coefficients, which can be used for tuning of the model.

In general we have the representative point of our system in parameters space, each system has the zone of “health”, where the parameters correspond the “health” of concrete system. During “illness” the representative point of organism is found in another zone of parameters - in “illness”, crisis zone. The process of treatment is the movement of the representative point from “illness” zone to “health” zone.

In our example the equation of “illness” system will be

$$(X1 - X10)^2 + (X2 - X11)^2 + (X3 - X12)^2 + (X4 - X13)^2 + (X5 - X14)^2 + (X6 - X15)^2 + (X7 - X16)^2 + (X8 - X17)^2 + (X9 - X18)^2 = (X19)^2 \quad (13)$$

where $X1, X2, \dots, X9$ - characteristics of “health” system, $X10, X11, \dots, X18$ - characteristics of “illness”, crisis system, $X19$ - the distance between health zone and illness zone. For system (13) we can create the equivalent equations system according to type (2,3) and can use the arbitrary coefficients for simulation of “physician” actions. The “physician” actions must decrease the variable $X19$ and return the representative point from “illness” zone to “health” zone. We have a lot of examples of application of this approach. For example, before Second World War we had a lot of deep crises, but after Second World War the number and depth of crises reduced by means of governmental regulation and another new restrictions [15].

4. MAXIMUM ADAPTABILITY PHENOMENON

The equivalent equations of any system contain arbitrary coefficients, which can be used for controlling it. The control may be internal or external. The behavior of any system with an environment contact will be determined by means of formula (6), which is the main law of cybernetics.

Each organism has a maximum adaptability zone. Table 2 shows the mortality depending on the age as a result of the census in Russia in different times. The minimum of mortality is observed within 10-14 ages in different historical periods.

The minimum of mortality is identified with the maximum adaptability. Having passed through the maximum adaptability zone, the organism has got the possibility of reproduction.

TABLE 2. The mortality depending on the age as a result of the census in Russia in different times

Years/ages	1896-1897	1958-1959	1969-1970	1978-1980	1982-1983	1984-1985
0 – 4	133,0	11,9	6,9	8,1	7,9	7,7
5 – 9	12,9	1,1	0,7	0,7	0,6	0,6
10 – 14	5,4	0,8	0,6	0,5	0,5	0,5
15 – 19	5,8	1,3	1,0	1,0	1,0	0,9
20 – 24	7,6	1,8	1,6	1,7	1,6	1,5
25 – 29	8,2	2,2	2,2	2,3	2,2	2,0
30 – 34	8,7	2,6	2,8	2,9	2,9	2,8
35 – 39	10,3	3,1	3,7	4,3	3,8	3,6
40 – 44	11,8	4,0	4,7	5,4	5,6	5,7
45 – 49	15,7	5,4	6,0	7,8	7,4	7,3
50 – 54	18,5	7,9	8,7	10,3	10,9	11,3

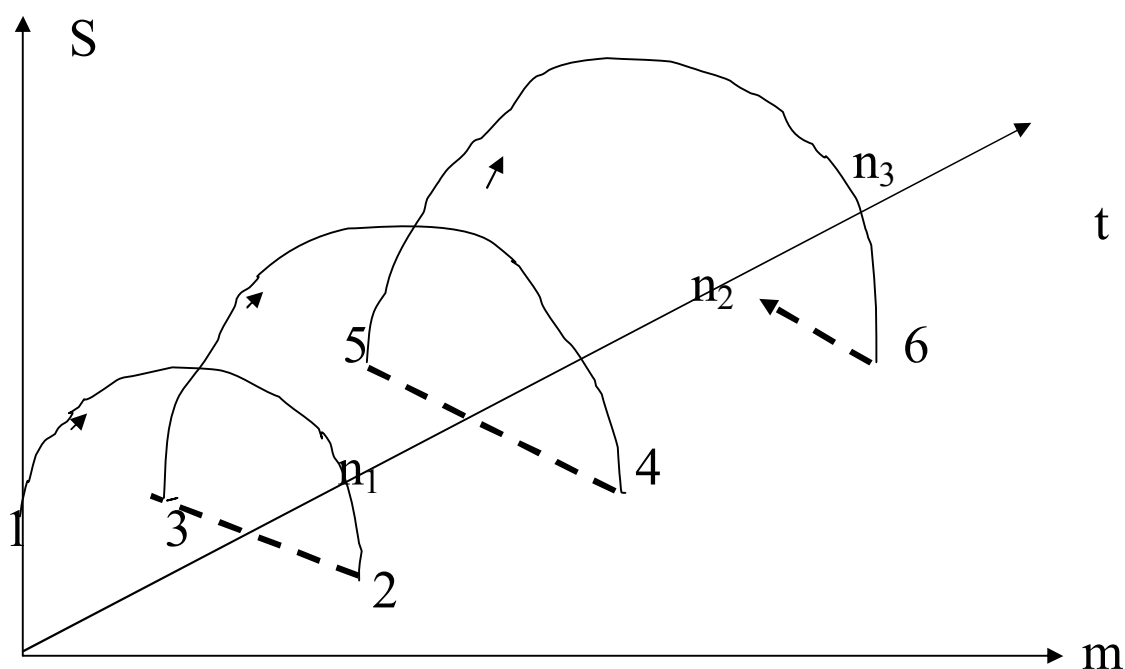

FIGURE 3. Transformation of developing system, $n_1 < n_2 < n_3$, trajectory of system: 1-2-3-4-5-6-..., dotted lines – creative processes, compact lines – evolutionary processes.

Fig.3 shows the evolution of system, the cycle of development begins in point 1, passes the maximum of the arbitrary coefficients number, and finishes in point 2, where the system must have the transformation, forgetting old restrictions, after new cycle begin in point 3 and etc. Maximum adaptability phenomenon makes it possible to explain different cycles in biological and socio-economical systems, for example, Kondratiev cycles. Each enterprise must be within maximum adaptability zone if we would like to retain this enterprise in changes flow. The sustainable development of systems can be only within maximum adaptability zone. The sustainable thermonuclear reaction is possible only within this zone.

For retaining the system within maximum adaptability zone, we have the different instruments – increasing the variables number, imposing new restrictions or removing the old ones etc. For example, we can joint different systems in an integral system to increase or decrease the adaptability of systems. So, from the two following systems

$$S1 = C_{n1}^{m1+1} \quad \text{and} \quad S2 = C_{n2}^{m2+1} \quad (14)$$

we can joint them in imposing new restrictions, $mcol$, in view of obtaining the new collective system

$$Scol = C_{n1+n2}^{m1+m2+mcol} \quad (15)$$

where the adaptability of this new system can be either $Scol > S1, S2$ or $Scol < S1S2$ depending upon concrete parameters. We can only see the collective, total effect.

5. CONCLUSION

The combinatorial simulation is a universal method for simulation and modeling. With it, it is possible to create a new model in different areas – in physics, chemistry, biology, psychology, etc. The linguistic basement of the simulation determines the universality of this method: the natural language is the universal sign system and the linguo-combinatorial simulation is thus the simulation method, perhaps, of everything. We have tried to show different levels of models. For reliability, each system must be then within maximum adaptability zone. In our model we can see the full interconnection between different variables and control situations. We have the crisis situation when we have the big distance between maximum adaptability zone and our today situation. The crisis situations are the immanent property of complex economical systems. We have a lot of very important economical investigations [15, 16], but socio-economical systems are very complicated and it is necessary to use the result from the theory of complex systems.

REFERENCES

1. Augustinus Sanctus(1864) Opera omnia. P.
2. Morick H. (Ed) (1967) Wittgenstein and the problem of other mind. N.Y.
3. Morrison J.C. (1968) Meaning and truth in Wittgenstein tractatus. Hague-P.
4. Ignatiev M.B. (1963) "Golonomical automatic systems", Publ..AN USSR, Moscow-Leningrad , 204 p.

5. Ignatiev.M.B. (1993).”Simulation of Adaptational Maximim Phenomenon in Developing Systems” Proceedings of The SIMTEC’93 - 1993 International Simulation Technology Conference, San Francisco, USA.
6. Ignatyev M.B., D.M.Makina, N.N.Petrischev, I.V.Poliakov, E.V.Ulrich, A.V. Gubin (2000) “Global model of organism for decision making support” Proceedings of the High Performance Computing Symposium – HPC 2000, Ed. A. Tentner, 2000 Advanced Simulation Technologies Conference, Washington D.C. USA p.66-71
7. Ignatyev M. (2002) “Linguo-combinatorial world picture and reality cognition” Congress-2002 Proceedings “Fundamental problems of natural sciences and engineering” Part 2, St-Petersburg, Russia, p. 116-128.
8. Ignatyev M.B. (2002) “Linguo-combinatorial method for complex systems simulation” Proceedings of the 6th World Multiconference on Systemics, Cybernetics and Informatics, vol.XI, Computer science II, Orlando, USA p.224-227.
9. Ignatyev M.B. (2003)“Seven-blocks model of city for decisions making support ” Proceedings of the seminar “Computer models of urban development” St-Petersburg, Russia, p.40-45.
10. Ignatyev M.(2006) “The study of the adaptational phenomenon in complex systems”. CASYS’05 – Seventh International Conference, edited by D.M.Dubois, published by The American Institute of Physics, Melville, NY, AIP Conference Proceedings vol.839, pp.322-330.
11. Ignatyev M.B.(2008) “Semantics and selforganization in nanoscale physics” International Journal of Computing Anticipatory Systems, vol.22, Edited by D.M.Dubois, CHAOS, Liege, Belgium, pp.17-23.
12. Ignatyev M.B.(2009) “World Crisis and Innovations flow” Proceedings of the International Conference of Education Informatics and Sustainable Development Problems, St-Petersburg,pp.8-22.
13. Ignatyev M.(2011) “Cybernetics picture of world” St-Petersburg, monograph, 448 p.
14. Ignatyev M. (2012) “linguo-combinatorial Simulation of complex systems” Proceedings of ECCS-2012, Bruxelles.
15. Samuelson P.A., Nordhaus W.D.(2010) “ Economics” 18th edition, McGraw-Hill, 1358 p.
16. McConnell C.R, Brue S.L, Flynn S.M. (2010) “Economics. Principles, problems and policies” 18th edition, McGraw-Hill, 1010 p.

УДК 008.2; 304.444

Вернадскианская парадигма философии образования*

Комаров Виктор Дмитриевич – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева», Военный институт (инженерно-технический), кафедра гуманитарных дисциплин, профессор, доктор философских наук, профессор. Россия, Санкт-Петербург. anviko@mail.ru

191123, Санкт-Петербург, Захарьевская ул. д. 22.

Тел.: 8(812)578-81-17

В свете принципов научной философии эксплицируется основное содержание современной философии образования. Развитие социального интеллекта имеет своим главным источником прогресс научного образования в цивилизованном обществе.

Целокупное развитие науки в ходе третьей глобальной революции послужило основой превращения провидческой концепции В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу в целокупную научную теорию. Развёртывание в 50-90-х годах XX в. научно-технической революции способствовало глобализации социальной революции.

Вернадскианская революция есть эпохальное системное преобразование научной основы постнеклассической рационализации социоприродного взаимодействия, прогрессивной глобализации хозяйственной жизни человечества и реально-гуманистического преобразования общественных отношений в геокосмическом масштабе. В этих условиях научное образование становится главным источником усиления управленческого потенциала социального интеллекта.

Формирование постиндустриального общества требует построения на уровне мировой цивилизации информационного института образования. Это обстоятельство обуславливает модернизацию системы народного образования во всех странах в парадигме вернадскианской революции. Развитие социальной экологии как интегративной науки о гармонизации всех геосфер в ходе эволюции социоприродного взаимодействия даёт прагматическую базу для гуманистической валоризации окружающей среды.

Начавшаяся в мире научно-технологическая революция является основным средством экологизации производительных сил человечества в информационном обществе. Путь к трудовой социализации природы лежит в сфере социализации основных средств создания геокосмического

* © В. Д. Комаров, 2013

благополучия человечества. Таков смысл вернадскианской парадигмы модернизации образования в информационную эпоху.

Philosophy of education: Vernadsky's paradigm.

Komarov Victor Dmitrievich – Military Academy of the Material and Technical Maintenance Named by General of the Army A. V. Khrulev, Military Institute (engineering), Department of Humanities, professor, Doctor of Philosophy. Saint-Petersburg, Russia. anvico@mail.ru

191123, Saint-Petersburg, 22, Zakhariyevskaia st.

Phone number: 8(812)578-81-17

The article is devoted to the specifics of philosophical training in Vernadsky's paradigm shift. The main contents of modern philosophy of education is of a large extent focused on the development of social intellect, which has its main source – the progress of scientific education in the civil society. The whole development of science in the period of the third global evolution has become the basis for transformation of the Providence of V.I. Vernadsky's conception about transition of biosphere into noosphere as into an united scientific theory. The unfolding of the scientific technical advances problems in 50 – 90 of XX century assisted to globalization of social revolution. Vernadsky's revolution is an epochal systematic reconstruction of scientific base post-classical rationalization of social interaction, progressive globalization of economical life of humanity, transformation of social relations in geo-cosmic scale. In such condition scientific education becomes the main source of reinforcement of administrative potential of social intellect. The formation of post-industrial society demands for building informational institutes of education on the level of world civilization. This circumstance causes on modernization of educational system all over the world according with Vernadsky's revolutionary paradigm. Development of social ecology as a whole integral science of all geo-spheres in the evolution socio-natural integration gives pragmatic base for human valorization of environment. The beginning of the scientific revolution is the main means of harmonizing ecological productive power in informational society. The way for labor socialization of nature lies in the sphere of socialization of the main means of creation geo-cosmic well-being of mankind. This is the main sense of Vernadsky's paradigm of modernization of education in the informational epoch.

Современное понимание философии образования обуславливается, во-первых, новым научным содержанием образования как института интеллектуализации постиндустриального общества и, во-вторых, развитием *научной философии* как теоретической основы «целонаучного мировоззрения»¹. Первое обстоятельство связано с развитием постнеклассической науки (со

¹ Целонаучное мировоззрение – система воззрения на мир сквозь призму всех наук XX века.

второй половины XX в.), а второе – с творчеством последователей целостного диалектического материализма на новом этапе развития марксизма-ленинизма.

Образование как культурный институт формирования социального интеллекта определённой цивилизации выражает *уровень духовности человека*² на конкретно-историческом этапе развития общества – религиозной духовности (на основе *веры* в созидательную направленность самодвижения бытия) и светской духовности (на основе накопленного *знания* о закономерности мирового процесса). *Основная тенденция* развития образования определяется потребностями развития производительных сил, с одной стороны, и характером общественных отношений – с другой. В традиционных цивилизациях образование имеет преднаучный характер, а в современных цивилизациях (капиталистической и социалистической) – характер научный, целонаучный [см. о научно-философском понимании теории цивилизации: 9].

В духовной культуре России первой половины XX в. концепцию «научного образования» ярче всех высветил современный энциклопедист – академик В. И. Вернадский. Имея разносторонний опыт новаторского соединения достижений научного творчества с процессами модернизации системы высшего образования, Владимир Иванович считает необходимым дополнить гносеологизм западной «идеи университета» онтологизмом научного совершенствования общественного бытия путём развития всеобщего профессионального образования. *Университет* должен стать основным посредником между академической наукой и всенародным трудом как источником прогресса человечества. Научные знания, по Вернадскому, должны пронизывать все уровни и звенья народного образования, быть плодотворной почвой человеческого интеллекта [см.: 1].

Гений Вернадского формировался на основе философского осмысления хода научного прогресса в России и на Западе. Интенсивно он стал развиваться и выражаться в ходе революционных преобразований России как уникальной евразийской цивилизации, но апогея своего этот гений достиг в ходе формирования научно-технического фундамента советского социализма как высшего достижения научно-организованного труда всех народов Великой России [см.: 2]. Этот русско-советский академик стал одним из творцов *научно-технической революции* как источника развития мировой цивилизации [см.: там же].

В стиле философских обобщений Вернадским достижений научно-технического прогресса человечества XVIII-XX веков нужно воспроизвести характеристику научно-технической революции (НТР), которую дали в своих трудах 70-80-х годов XX в. советские философы, особенно учёные философского факультета Ленинградского университета во главе с профессором В. Г. Мараховым [см.: 3].

² Духовность понимается как способность людей действовать по приоритету нравственных мотивов.

Научно-техническая революция есть качественный скачок в историческом ходе научно-технического прогресса (НТП) в периоде с 50-х годов XX века по 10-е годы XXI века. Сущность этой революции состоит в том, что постнеклассическая наука (как плод третьей глобальной революции в истории науки) становится источником революционных изменений в технике второй половины XX века. Смысл НТР в том, что это фаза системного управления процессами в глобальном масштабе. Иначе говоря, это «взрыв» на стремнине НТП, породивший небывалую технику в 5 направлениях.

Квантовая механика, постнеклассическая физика выступают как теоретическая основа ядерной техники; углубление наук об электричестве рождает радиоэлектронную технику; кибернетика как наука об управлении в социобиологических системах становится источником информационной и автоматической техники; химическая физика – источник технологии искусственных материалов; формирование наук о Земле и Космосе служит источником космической техники (космонавтика). Иначе говоря, глобальная революция в науке становится источником глобальной революции в технике [см.: 4].

С позиций философии науки и техники нужно отметить, что НТР как системное качественное изменение охватывает в 200-летней истории НТП период всего в 60-70 лет. Развитие постнеклассической науки в этот период подводит прогресс техники к такому состоянию, при котором революционные достижения биологической науки стимулируются плодами НТР уже не только к техническому, но и *биотехнологическому прогрессу* (бионика, генная инженерия, космическая биология, экотехнология). Здесь технические преобразования идут с опорой на достижения наук не только о неживой природе, но и на успехи биологических, гуманитарных, экологических наук. Объектом научной рационализации становятся не технические системы как таковые, но технологические процессы научно-экологической социализации природы в целом, в масштабе биогеосоциозенозов, особенно в промышленных регионах [см.: 5]. Вот почему можно утверждать, что с завершением НТР на наших глазах в технологическом развитии человечества наступает новая эпоха – *эпоха научно-технологической революции (НТЛР)*. Эта революция связана с появлением целой системы технологических наук, помимо ранее сформировавшихся технических [см. об этом в 6].

Мы можем видеть, таким образом, что НТР имела не только определённые социальные, технологические, экологические последствия (они отражены в мировой литературе 70-90-х годов XX в.). Она актуализировала проблематику, связанную с разработкой концепции В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Усилиями советских, российских, зарубежных учёных и философов *ныне эта концепция превращается в теорию возникновения и развития ноосферы*. В этой теории интенсивно синтезируются растущие *научные знания*: о развитии биосферы в условиях глобализации хозяйственной жизни человечества, о коренных преобразованиях в его производительных силах на

протяжении XX века, о социально-экологическом кризисе современности, о проблемах освоения геокосмического пространства [см. об этом в книге 5].

Если учесть не только основное содержание *Вернадскианской концепции ноосферы*, но и его идеи о космическом происхождении земной жизни, его мысли о глобальном развитии труда, науки и цивилизации, то в современную эпоху глобальной борьбы социализма и капитализма за генеральную линию общественного прогресса можно утверждать: континуальное (социоприродное) взаимодействие жизни человечества и жизни природы приобрело в XXI веке революционный характер. *Вернадскианская революция* в ходе научно-технологического прогресса человечества даёт последнему самое рациональное средство спасения мировой цивилизации от космической смерти, а коммунистическая революция в общественных отношениях указывает человечеству научно-рациональный путь к его полному космическому благополучию [см. об этом в 7].

Гармоническое партнёрство человека с природой достигается преобразующими действиями на основе познания спектра законов «внешней природы» и преобразованием природы человека в духе «реального гуманизма». Именно об этом обстоятельно пишет в своих трудах последнего десятилетия заслуженный деятель науки РФ А. И. Субетто [см. 7].

В ходе геокосмического освоения природы в постиндустриальном обществе *целокупная наука* обнаруживает, что почти все известные законы бытия Вселенной «окуклены» в издавна сложившейся структуре биосферы. Провидя это обстоятельство интуитивно, В. И. Вернадский как учёный-энциклопедист открыл «секрет» управляющей роли биосферы среди всех геосфер планеты. Тем самым он как бы перекинул мостик от стихийного «покорения» природы человечеством к управляемому геокосмическому процессу социоприродного взаимодействия [см. во 2]. С рождением во второй половине XX в. теории информации и кибернетики, с формированием научно-философской теории социального управления и самоуправления разработчики НТР по существу эпистемологически реализовали гениальную догадку русского учёного-энциклопедиста. Вернадскианская революция в этом аспекте открыла дорогу к системному научному пониманию характера «информационального общества» (М. Кастельс) современной эпохи.

Сказанное позволяет считать, что Вернадскианская революция является источником соответствующих парадигм в основных сферах преобразующей деятельности человечества. Одна из них – *Вернадскианская парадигма модернизации института образования* в ходе развития постиндустриального общества [ср. идеи 8].

Превращение научной информации в основной источник преобразований информационной эпохи прекрасно доказало реалистичность *Марксова прогноза о превращении науки в непосредственную производительную силу высокоцивилизованного общества*. Противоречивый процесс формирования постиндустриального общества наглядно свидетельствует, что в непосредственную производительную силу превращаются не только

естественные науки, но и науки гуманитарные, социальные, экологические. Целокупная наука становится основой формирования *социального интеллекта* в информациональном обществе [см. об этом в 10].

Весьма рельефно проявляется Вернадскианская парадигма в построении *информационального института образования*. Идёт сложный процесс информационно-познавательной деятельности в направлении от усвоения достижений науки через систему профессионального образования к практическому использованию нового интеллектуального потенциала в модернизации общественной жизни и формировании человека будущего [см.: 8]. *Ноосферизм* как новое научно-философское направление, основанное академиком В. И. Вернадским, прорастает на всех уровнях информационального общества в посткапиталистическом пространстве.

Что касается программной инсталляции вернадскианской парадигмы, то мне представляется необходимым реализовать в системе современного высшего и средне-специального образования несколько установок.

Во-первых, разработка и введение федеральной программы «Основы ноосферологии» наравне и после курса основ научной философии. Здесь в вернадскианской парадигме будет представлена сознанию специалистов всех направлений современная научная картина мира.

Во-вторых, необходимо ввести в учебные планы всех специальностей интегративный предмет «Социальная экология», где будут представлены научные законы развития и принципы формирования здоровой, животворной окружающей среды в геокосмическом и региональном масштабах [см. 5].

Целесообразно, в-третьих, ввести во всех вузах университетского и профессионального образования программу «Основы общей технологии». В этом курсе на основе понимания общей технологии как учения о практически активном отношении человечества к природе обозначить курс цивилизации на экологизацию общественного производства в диапазоне от добывающей промышленности до системной утилизации производственных и бытовых отходов. Тонкости конкретно-частных технологий должны осваиваться на базе такого установочного курса.

Сама собой разумеется, в-четвёртых, необходимость введения программы «Информология», где были бы рассмотрены научно-философские проблемы учения о сущности и видах информации, о соотношении информации и знания, общие и новейшие вопросы информатики, особенности бытия и развития научно-технической информации.

На основе научно-философской характеристики исторического процесса и *интегративной природы человека* в названных программах будет найден путь преодоления всеобщего «кризиса знания» и постепенно сформируется «духовно-нравственная система ноосферного человека и ноосферного образования» (А. И. Субетто).

В ходе Вернадскианской революции происходит становление ноосферной парадигмы универсализма образования и человека. Эта революция, будучи стержнем третьей глобальной революции в истории науки, рождает

соответствующую парадигму модернизации образования. Об этом хорошо написал ещё в 2010 г. Александр Иванович Субетто: *«Новая парадигма универсализма бытия человека и общества в XXI веке в виде управляемой социоприродной – ноосферной динамической гармонии, по автору, – одновременно есть и новая парадигма рациональности»* [7, с. 546].

Список литературы

1. Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский. 1863-1945 гг. – М.: Наука, 1982.
2. Соснина Т. Н. В. И. Вернадский – энциклопедист и пророк. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012
3. Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977.
4. Комаров В. Д. Научно-техническая революция и социальная экология. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1877.
5. Комаров В. Д. Социальная экология: философские аспекты. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990.
6. Комаров В. Д. Статус и специфика технологических наук // Научно-технические ведомости СПбГПУ (Серия «Наука и образование»). - № 2-2 (100), 2010. – С. 220-228.
7. Субетто А. И. Теория фундаментализации образования и универсальные компетенции (ноосферная парадигма универсализма) / Научная монографическая трилогия. – СПб.: Астерион, 2010.
8. Ушакова Е. В. Специфика образования 21 века // Труды философов Алтая-2001 / Отв. Ред. Е.В. Ушакова. – Баранул, 2002.
9. Комаров В. Д. Философия цивилизации // Философия и общество. – 1998 – № 3.
10. Комаров В. Д. Социальный интеллект и его управленческий потенциал // Общественное призвание философии. – М., 2006.

Теория и история культуры

УДК 7.011:7.067:7.08

Современные кураторские стратегии: между «Войной» и «Миром»^{*}

Прилашкевич Елена Евгеньевна — Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов», кафедра искусствоведения, доцент, кандидат искусствоведения, Россия, Санкт-Петербург, pril@yandex.ru.

192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15,
телефон 8 (911) 983-00-02.

В статье рассмотрены специфика деятельности арт-группы «Война» с ориентацией на скандал и провокацию, психология восприятия её проектов, а также определено место арт-группы в современной художественной практике.

Ключевые слова: современное искусство; кураторские стратегии; художественная провокация; стрит-арт; арт-группа «Война».

Contemporary Curatorial Strategy: Art-group «Voina» or Art-group «Mir»

Prilashkevich Elena Evgenievna – Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Department of Art History, associate professor, Ph.D. in Art History, docent, Russia, Saint Petersburg, pril@yandex.ru.

192238 Saint-Petersburg, 15, Fuchika st.,
phone number 8 (911) 983-00-02.

The article considers the provocative activity of art-group «Voina», gives an analysis of its perception and defines the place of art-group in contemporary art practice.

Keywords: contemporary art; curatorial strategy; art provocation; street art; art-group «Voina».

Современный художник с самого начала своей деятельности оказывается перед сложным выбором. С одной стороны, необходимость включения в

^{*} © Е. Е. Прилашкевич, 2013

механизмы арт-рынка требует от него соответствия основным тенденциям художественного процесса. Актуальность проблематики создаваемого им художественного произведения и формы его представления становится в данном случае одним из важнейших факторов успешности автора. С другой стороны, сама природа художника требует от него выхода из поля так называемого мейнстрима и утверждения собственной арт-концепции. Баланс между этими взаимоисключающими направлениями в настоящее время помогает найти куратор, являющийся связующим звеном в решении художественных, организационных и экономических аспектов того или иного арт-проекта.

В России о кураторских стратегиях заговорили в самом конце XX века, сразу же после изменения политической и экономической ситуации в стране. Появление первых свидетельств цивилизованного арт-рынка создало условия для развития конкуренции и, как следствие, привело к поиску адекватных способов саморепрезентации. «Сегодня никому, в том числе и профессиональной среде, уже не интересны методы самовыражения творческого индивида, расшевелить и задеть пресыщенную среду способны только долгосрочные, эффектно срежиссированные стратегии с откровенной и последовательной ориентацией на масс-медиа», — пишет О.Холмогорова о кураторских стратегиях 1990-ых годов в одной из первых статей на данную тематику [10, с. 336]. Кураторство, как отдельная профессия, на тот момент ещё не сформировалась на отечественной арт-сцене, и художникам зачастую приходилось самостоятельно справляться с новыми задачами. Они сами занимались внедрением актуального искусства в художественное сознание, продвижением художественного продукта, а также выработкой и реализацией программы, соответствующей целевой аудитории предлагаемого ими проекта. По мнению Холмогоровой, художники разделились на два фронта. Одни пошли по пути «интеллектуальной», а другие — «шоково-эпатажной» формы решения и подачи художественного проекта.

Ярким представителем «интеллектуальной» стратегии был и остается один из основателей московского концептуализма Илья Кабаков. Главным объектом творческих изысканий Кабакова становится атмосфера ушедшего советского времени. В своих произведениях он в доступной форме отображает идеологию существующей тогда системы, визуальную пропаганду и даже быт советского человека. Апогеем его философско-художественных размышлений после обращения к эстетике альбома и так называемой «картины-стенда», становится «тотальная» инсталляция, неразрывно связанная с пространством и дающая зрителю возможность непосредственным образом оказаться внутри воспроизводимого художником иллюзорного мира. Представление художественного замысла в данном случае осуществляется Кабаковым спокойно, без излишней драматизации или намеренно жесткого акцентирования на негативных аспектах исследуемого им феномена. Выбрав для себя определенный угол зрения на советскую эпоху, Кабаков апеллирует к вечным ценностям, которые близки и понятны каждому. Он — своего рода «транслятор

общего, коллективного подсознания советского человека, вместивший в себя разом обыденность, и страхи, и мистическую надежду» [8]. Такова кураторская стратегия Кабакова, и именно она предопределила его успех в арт-сообществе и сделала живой легендой.

При интеллектуальном подходе результаты деятельности художника приходят далеко не сразу, требуя значительных временных затрат. При этом никаких гарантий будущего признания просто не существует. Намного более доступной и эффективной является самопрезентация через скандал. В 1990-ые годы такой путь избрали многие художники. Они сделали ставку на противостояние всяческим общественным нормам и традициям, а также получили ожидаемую ответную реакцию со стороны аудитории. Общественности не нравились выходки Анатолия Осмоловского, забрасывающего публику тортами или неожиданно вступающего в публичную драку; раздражали провокации Александра Бренера, считающего для себя возможным опорожнение у «Подсолнухов» Ван Гога в Пушкинском музее или мастурбацию перед бассейном «Москва»; шокировали половые девиации Олега Кулика и антирелигиозные акции Авдея Тер-Оганяна. Вместе с тем, их имена быстро оказались на слуху, а сами художники практически в одночасье попали в лидеры.

Постепенно боевой дух 1990-ых со всей своей радикальностью начал утихать, и даже новоиспеченные «короли скандала» перешли к более традиционным формам реализации художественных проектов. «В 90-е годы я и те, кто работал со мной, ощущали себя больше политическими революционерами, чем художниками», – говорит о причинах подобной метаморфозы Осмоловский, — «Году эдак в 2000-м выяснилось, что невозможно быть разом и как художник гармоничным, и как политик эффективным. Встал выбор: политика или искусство. Я выбрал искусство» [6, с. 150].

В настоящее время приверженность к ярко выраженным хулиганским выходкам и провокациям со стороны российских художников значительно снизилась. Провокационность не сдала своих позиций, но сама «шоковая терапия» отошла на второстепенный план. Представители арт-сообщества отдают предпочтение размышлению и диалогу в искусстве, подкрепляя их грамотно выверенной маркетинговой политикой. Новая волна интереса к «шоково-эпатажной» стратегии поднялась в связи с деятельностью арт-группы «Война», официальное признание заслуг которой стало главным событием 2011 года.

Арт-группа «Война» была создана в 2007 году в противовес конъюнктурности российского арт-рынка. Настаивая на деградации современных художественных галерей, художники выступили за «возрождение живого экспрессивного искусства, искреннего и честного, вызывающего у зрителя глубокое эмоциональное переживание» [11]. Поставленная задача решалась путем хулиганских выходок и провокаций. Выбрав в качестве своего кумира художника Дмитрия Пригова, участники объединения стали

реализовывать свои проекты в рамках уличного художественного акционизма. На сегодняшний момент в составе группы значится свыше двухсот активистов, включающих представителей различных профессий — поэтов, художников, филологов, журналистов. Не имея общего управленческого звена, их объединяет тяга к ярко выраженным оппозиционным проектам, выходящим как за рамки законодательной системы, так и общественной морали.

Протест представителей арт-группы в отношении устоявшегося порядка находит выражение, главным образом, в политических акциях. Большой резонанс вызвал проект арт-группы «Война», реализованный в преддверии выборов президента Российской Федерации 2008 года. Тогда в помещении Государственного биологического музея им. К.А.Тимирязева участники арт-группы устроили массовое совокупление. Одни представители художественного объединения непосредственно принимали участие в публичной оргии, в то время как другие демонстративно держали в руках плакаты с лозунгами, призывавшими к интимным взаимоотношениям в поддержку некоего медвежонка. Среди последних был замечен идеолог «Войны», лексикограф и фольклорист Алексей Плуцер-Сарно. Впоследствии ему были предъявлены обвинения в незаконном распространении порнографических материалов, поскольку именно на него была возложена ответственность за фотофиксацию акции и её представление в интернете. Объектом сарказма в ходе проведения акции стал бывший Президент РФ Дмитрий Медведев.

Помимо государственной власти участники арт-группы «Война» выступают категорически против неоправданной цензуры, направленной против современного искусства. Об определенной степени её присутствия, в частности, свидетельствует уголовное преследование организаторов таких выставок как «Осторожно, религия» (Центр Сахарова, 2003), «Новейшее искусство постсоветского пространства» (проект «Россия-2», Центральный Дом художника, 2005), «Русский поп-арт» (ГТГ, 2005) или «Запретное искусство» (Центр Сахарова, 2007). В последнем случае к ответу были призваны российский искусствовед и куратор Андрей Ерофеев, а также бывший директор Музея и общественного центра им. А.Д.Сахарова Юрий Самодуров. После открытия выставки православное общественное движение «Народный собор» обратилось в суд с требованием привлечь их к уголовной ответственности по статье «Возбуждение религиозной и национальной ненависти» (282-1 УК РФ). Активисты арт-группы «Война» не могли снести подобного отношения к своим коллегам по цеху, и в знак своего несогласия организовали ещё одну провокационную акцию прямо в здании Таганского суда. Пронеся на одно из заседаний музыкальные инструменты, они устроили небольшой концерт, намеренно проявив неуважение к работе правоохранительных органов. Свое негативное отношение к полиции, а тогда ещё милиции, они облекли в форму песни с незамысловатым и достаточно оскорбительным текстом.

В сентябре 2010 года последней каплей в противостоянии арт-группы «Война» и российской милиции стала петербургская акция «Дворцовый переворот». Название проекту дало место его проведения — городская

территория неподалеку от Михайловского замка, где в своё время был убит Павел I. В ходе акции художники перевернули в историческом центре Петербурга несколько милицейских машин и скрылись, полностью нивелируя значимость данной профессии. Позже оскорбленные представители правоохранительных органов нашли предполагаемых преступников в Москве, где они были арестованы и отправлены обратно в город на Неве. Леониду Николаеву и Олегу Воротникову — участникам наглой выходки — были предъявлены обвинения в хулиганстве. Художественная составляющая их действий милицией не рассматривалась. Сложившаяся ситуация стала серьезным информационным поводом для повсеместного распространения публикаций о деятельности арт-группы в средствах массовой информации.

На фоне скандала вокруг ареста художников и содержания их в петербургском СИЗО «Кресты» началось восхождение арт-группы «Война» к признанию на государственном уровне. За несколько месяцев до «Дворцового переворота» — в июне 2010 года — активисты в свойственной им манере разрисовали Литейный мост. Девять человек всего за 23 секунды создали граффити, изображающее фаллос. При разведении моста фаллос оказался напротив здания ФСБ, что и было зафиксировано художниками на видео. В начале 2011 года организаторы VI всероссийского конкурса в области современного визуального искусства «Инновация» заявили о включении акции «Член в плену у КГБ/Х--- в плену у ФСБ» в шорт-лист номинации «Произведение визуального искусства». Заявителями в данном случае выступили члены Экспертного совета конкурса Армений Сергеев (Екатеринбург) и Евгений Уманский (Калининград).

Члены арт-группы «Война» отнеслись к данной номинации крайне негативно, считая её попыткой дестабилизации и уничтожения художественного объединения. Понимая свое искусство как свободное и независимое, они указали, что участие в государственном конкурсе для арт-группы «Война» является неприемлемым и противоречит её идеологическим основам. Жесткая позиция художников вынудила организаторов «Инновации» исключить работу арт-группы «Война» из списка номинантов VI конкурсного сезона. Удаление арт-группы из шорт-листа премии вызвало в арт-среде столь большой резонанс, что оргкомитету пришлось принять дополнительные меры по прояснению реального положения вещей. В итоге арт-группе, вопреки установленным правилам, был предоставлен шанс вернуться в конкурсную борьбу при условии письменного подтверждения своего запоздалого согласия на участие в конкурсе. К всеобщему удивлению, возможность была использована, и идеолог арт-группы «Война» Алексей Плущер-Сарно удовлетворил все требования оргкомитета. Противоречивость действий художников ещё больше обострила дискуссии среди представителей культурной сферы. В частности, художник Борис Орлов в своем открытом письме обвинил «Войну» в трусости. «Как вы себя уронили! Взялся за гуж не говори, что не дюж. А вы сдрейфили», — пояснил он. «Но вот конфуз-то какой. После всех своих героических выступлений в прессе, “забыв всякий стыд” поползли “к этой кормушке” за

охранной грамотой. “Нас неправильно поняли, мы согласны, спасибо, спасибо”. Вот такие вы герои» [5].

Постепенно конфликт несколько сгладился, и художественная общественность замерла в ожидании объявления итогов конкурса. Исход ситуации стал известен в начале апреля: арт-группе «Война» присвоили премию. Обойдя Ирину Корину (инсталляция «Показательный процесс»), творческое объединение «Куда бегут собаки» (инсталляция «Поля 2/Кум/Карагез/Солярис»), Андрея Монастырского (инсталляция «Корридор КД») и группу «Синий суп» (видеоинсталляция «Без названия»), «Война» официально была признана лауреатом VI Всероссийского конкурса в области современного искусства «Инновация».

Признания скандальной акции в Петербурге лучшим произведением визуального искусства породили новые волнения в российской арт-среде. Если одни арт-деятели оказались целиком и полностью согласны со сделанным выбором, то другие выражали его явное неприятие. В числе сподвижников «Войны» оказались журналист Артемий Троицкий, арт-критики Андрей Ковалев и Николай Молок, художники Олег Кулик и Юрий Аввакумов, коллекционер Игорь Маркин, галерист Марат Гельман и многие другие. «Х--- в плену у ФСБ!» – это одна из блистательнейших акций Войны. И шедевр вообще всего мирового акционизма», — так от лица группы АЕС+Ф охарактеризовала работу «Войны» Татьяна Арзамасова, — «Масштабность, лаконичность, кинетика – все изумительно. Политические смыслы абсолютно ясны. И еще в этом есть великолепная мистерия. Это настоящее партизанское искусство в монументальном виде. И это первая из таких визуальных бомб на арт-поле» [9].

Представители государственной власти оказались в данном случае более консервативны. Совет Общественной Палаты РФ назвал акцию «Войны» «пощёчиной здравому смыслу» и ошибкой Министерства культуры РФ, являющегося одним из учредителей «Инновации» [3]. Возглавляемое в то время Александром Авдеевым Министерство в свою очередь отметило, что с самого начала оценивало проект «как провокационный, хулиганский, омерзительный с художественной и нравственной точки зрения», но не могло позволить себе вмешиваться в процесс присуждения премии. Это сразу же сделало бы из него цензурный орган, что противоречит государственной политике и формированию гражданского общества в России [4].

Неудовлетворенные акциями арт-группы «Война» художники решили выразить свой протест при помощи творческого инструментария. Скандальной практике «Войны» они противопоставили деятельность новой арт-группы «Мир». Отдавая вслед за «Войной» приоритет уличному искусству, представители арт-группы «Мир» выбрали принципиально иную форму высказывания. Пытаясь утвердить художественный процесс стрит-арта в Северной столице, они демонстративно отказались от провокации, сделав своей главной задачей — эстетическое и интеллектуальное единение городской среды с современными арт-объектами или произведениями классической живописи. В разработанном арт-группой манифесте сразу же было заявлено несколько

принципиальных моментов её деятельности: высокий уровень мастерства, с которым выполнен каждый объект; интеллектуальная и культурная наполненность (образная целостность произведения); отсутствие скандального подтекста (оскорбления, политической провокации, сильной сексуальной коннотации); сочетаемость с окружающей средой, а также уважение к федеральным и местным законам [7].

Первые шаги на пути развития своей концепции художники сделали весной 2011 года в рамках творческого эксперимента «Санкт-Петербург — открытое пространство». В ходе проекта они попытались представить возможный образ Петербурга при изменении ряда исторических обстоятельств. Первая акция нового художественного объединения состоялась в период Масленицы в Соляном переулке у Мухинского училища. Прямо на улице была оставлена картина, изображающая переулок с учетом того, что 300 лет назад там располагалась верфь. Художники попытались понять, как выглядело бы это городское пространство, если бы верфь осталась на своем месте. Следующей площадкой для эксперимента послужил Матвеевский сквер. На его территории к удивлению прохожих появилось полотно, фиксирующее знакомый пейзаж с той разницей, что к нему был добавлен давно забытый образ уничтоженной при советской власти церкви Святого Матфея. Третьим объектом стал вид перестроенного собора, который теперь является ДК Связи, а четвертым — здание БКЗ «Октябрьский», на месте которого до 1960-ых годов находилась греческая церковь, ставшая основным элементом композиции. Таким образом, современный городской ландшафт оказался переосмыслен при помощи живописи и обращения к исторической памяти. Актуальность проекта была обеспечена его интерактивным характером. Случайным участником художественного процесса мог стать каждый. Сталкиваясь с произведением искусства в совершенно непригодном для этого месте городского двора, он включался в игру одним своим эмоциональным откликом на картину. Более того, он был волен сам выбрать срок проведения акции. Оставленная на улице картина не охранялась и не должна была возвращаться к её создателю, поэтому любой желающий мог забрать её к себе домой или попросту выбросить, посчитав это необходимым. В этом заключалась одна из основных интриг проекта.

В начале апреля арт-группа «Мир» реализовала в Петербурге необычный перформанс «Выкраси и выброси», приуроченный к Всемирному дню смеха. Главной площадкой для его осуществления стали городские помойки. Ненужные предметы одежды и прочие бытовые изделия при помощи баллончиков с краской и фантазии художников неожиданно для себя приобрели в данном случае значение артефакта. «Идея акции состоит в том, что зачастую произведения искусства XX и XXI веков были более уместны на свалке, чем в пространстве музеев и галерей. В такой шуточной и игровой форме арт-группа «Мир» вступает в сложную искусствоведческую полемику, поднимая

сложнейшие вопросы о смысле и виде произведений искусства», — утверждает идеолог «Мира», художница Александра Романова³.

Своей активностью арт-группа «Мир» доказала возможность существования интересного и адекватного современным художественным практиками уличного искусства с соблюдением общих норм общественного порядка и морали. Вместе с тем, достигнуть популярности своего антипода ей так и не удалось. Более того, именно скандал вокруг арт-группы «Война» косвенным образом послужил стартовой точкой для привлечения внимания к «Миру» со стороны культурной общественности.

Успех провокационной деятельности арт-группы «Война» при этом не подвергается ни тени сомнения. Её стратегия оказалась действенной и результативной. Помимо победы в конкурсе «Инновация», «Война», по версии журнала «Артхроника», попала в число 50 самых влиятельных людей в российском искусстве за 2010 год. В ежегодном рейтинге арт-группа оказалась на тринадцатом месте. Коммерческая эффективность художественных проектов арт-группы также достаточно высока, несмотря на внешнее неприятие финансового аспекта. «Наше искусство — это подарок всему миру и каждому человеку в отдельности, — поясняет активистка арт-группы Наталья Сокол, известная под псевдонимом Козленок. — Если люди получают радость, читая отчеты о наших акциях, смотря фото и видео документацию, или впадают в глубокую депрессивную задумчивость, то мы счастливы. Наше искусство трогает. И никто не смеет оценивать его в деньгах. Нельзя любить за деньги, нельзя рожать детей за деньги, нельзя делать искусство за деньги, иначе — это не искусство. Это наша принципиальная позиция и мы всегда будем ее придерживаться» [1]. Высказанная идея была подтверждена сразу же после получения суммы в 400 тысяч рублей, положенной за победу в «Инновации». Все денежные средства «Война» перечислила межрегиональной правозащитной ассоциации «Агора» для помощи гражданским активистам [2].

Отсутствие материального воплощения творческого потенциала арт-группы и возможности его продажи, что является отличительной чертой при реализации художественных акций, действительно не мешает «Войне» получать крупные денежные суммы. Как правило, их поступление обеспечивают сподвижники художественного объединения. Так, к примеру, британский художник, известный под псевдонимом Бэнкси, провел в конце 2010 года благотворительный аукцион в помощь российской арт-группе. В данном случае его волновала судьба участников акции «Дворцовый переворот». Выставив на продажу ограниченный тираж принтов под названием «Выбирайте свое оружие», он собрал для представителей «Войны» около 4,5 миллиона рублей. Согласно заявлению художников, эти деньги тоже были пущены на благое дело — поддержку активистки «Другой России» Таисии Осиповой.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что ряд художников в

³ Из личной беседы автора статьи с лидером арт-группы «Мир» Александрой Романовой.

настоящее время продолжают брать на себя кураторские функции и делать ставку на провокацию. Несмотря на возмущение со стороны общественности, их действия востребованы и являются неотъемлемым элементом современного художественного процесса.

Список литературы

1. «Война в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310>

2. «Война» отдала деньги правозащитникам // Журнал «Коммерсантъ Деньги». № 27 (834) от 11.07.2011 – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1664346>

3. Заявление Совета Общественной Палаты РФ по поводу присуждения премии VI Всероссийского конкурса в области современного визуального искусства «Инновация» работе арт-группы «Война» // Официальный сайт Общественной Палаты РФ // – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oprf.ru/ru/documents/495/>

4. Комментарий пресс-службы Минкультуры России в связи с заявлением Совета Общественной палаты РФ // Официальный сайт Министерства культуры РФ // – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://mkrf.ru/news/ministry/detail.php?ID=172240&sphrase_id=410169

5. Обращение художника Бориса Орлова к художественному сообществу // Сайт Государственного Центра современного искусства – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ncca.ru/innovation/newstext.jsp?id=309&listid=201103>

6. Осмоловский А. Традиция и современность // Артхроника. №2. 2004. С.128.

7. «Стрит-арт по-петербургски» от арт-группы «Мир» // Интернет-телеканал «Искусство ТВ» // – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iskusstvo-tv.ru/News/2011/03/22/strit-art-po-peterburgski-ot-art-gruppy-mir>

8. Фрай М. Кабаков – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://azbuka.gif.ru/alfabet/k/kabakov/>

9. Эксперты о Войне // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/quotes>

10. Холмогорова О.В. Кураторские стратегии 1990-ых // Художественная культура 20 века: развитие пластических искусств: сб. ст. / под ред. В.В.Ванслова [и др.]. — М.: Русское слово, 2002. С. 335-351.

11. Цели и задачи «Войны» // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/goals>

**Время назад:
революционная культура как повседневность***

Карпов Александр Владимирович – Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов», кафедра искусствоведения, и.о. зав. кафедрой, кандидат культурологии, доцент, Россия, Санкт-Петербург, KarpovAV@gup.ru

192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15, СПбГУП, ауд. 419,
телефон 8(812) 268-70-64.

Статья посвящена феномену революционной повседневности. Революционная повседневность понимается как определенный тип культуры и форма общественного сознания и самосознания. Статья построена на основе материалов петроградской прессы октября 1917 года.

Ключевые слова: Петроград; революционная культура; революционная повседневность; Октябрьский переворот.

**Turn Back Time:
Revolutionary Culture as Everyday Life**

Karpov Aleksandr Vladimirovich – Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Department of Theory and History of Art, Head of the Department, Ph. D. in Culture Studies, docent, Russia, KarpovAV@gup.ru

192238 Saint-Petersburg, 15, Fuchika st.,
phone 8 (812) 268 70 64.

The article is devoted to the phenomenon of the revolutionary everyday life. Revolutionary everyday life is understood as a specific type of culture and form of public consciousness and self-consciousness. Article is written based on materials of the Petrograd press October 1917

Keywords: Petrograd; revolutionary culture; revolutionary daily; October revolution.

* © А. В. Карпов, 2013

Революционная повседневность как она есть

В самый разгар перестройки замечательным ленинградским историком Виталием Старцевым в журнале «Коммунист» была опубликована немислимая ранее, но весьма созвучная перестроечной романтике, статья об альтернативах Октября 1917 года. Историк предложил своим читателям мысленный эксперимент – прочесть статьи российских газет осени-зимы 1917 года, в которых говорилось о торжественном открытии Учредительного собрания, однородном социалистическом правительстве, перемирии с немцами, расколе в партии большевиков, выходе Ленина и Троцкого из РСДРП (б), предотвращении гражданской войны и прочих «чудесах» альтернативной истории. «Вы правы, - говорит Старцев потрясенным читателям, - это, конечно, фантазия, но основывающаяся на фактах, которые могли произойти, если допустить, что ход событий в октябре 1917 года пошел по другому пути» [32, с. 97].

В.И. Старцев писал о фактах политической жизни 1917 года, которые могли бы привести к иной исторической реальности, нежели той, которая нынче нам хорошо известна. Повернуть время вспять – пусть даже в нашей фантазии – по силам не только, а быть может и не столько сфере политической жизни, сколько сфере повседневности, в которой порой и не найти отголосков революционных метаморфоз.

В современных социально-гуманитарных исследованиях повседневность определяется как характеристика рутинной части жизни человека, которая в силу своей обыденности, тривиальности, утилитарности, внесобытийности остается практически незамеченной самим человеком и сознанием, как правило, не фиксируется. Повседневность противопоставляется либо празднику; либо торжественным, ритуальным, неутилитарным формам поведения; либо нерутинизированным сферам жизни общества; либо художественному, научному, религиозному опыту или же теоретическому сознанию. Повседневная культура – часть нашего бытия, имеющая свой временной ритм и пространственную локализацию, социальную дифференциацию и психологическую мотивацию [5, 29, 31].

В самом словосочетании «революционная повседневность», используемом в статье, содержится некий парадокс. Повседневность – это то, что обыденно, постоянно, каждодневно. Революционность – это сверхординарная событийность, ломающая привычный бег нити истории. Октябрьский переворот знаменовал собой радикальную смену социальных, культурных и, прежде всего, психологических координат. В основе революционной трансформации лежали идеи изменения не только государственного устройства, экономической системы, но и культурных норм, ценностных ориентаций, образцов поведения, моделей мышления. Неудивительно, что сфера повседневной культуры становилась своеобразным зеркалом социальных и культурных изменений, отражая в себе борьбу революционных и традиционных смыслов.

Исследователи, характеризуя сломанный чрезвычайными обстоятельствами уклад жизни, именуют его «экстремальной повседневностью» [31, с. 113], когда аномалия становится обыденностью.

Весь 1917 год прошел для обывателя под знаком революционных потрясений. Такой плотности политических событий, многие из которых могли значительно изменить вектор социального развития, российская история прежде не знала. Падение монархии и трехсотлетней правящей династии, кризисы Временного правительства, июльское выступление большевиков, августовское наступление Корнилова, подготовка к выборам в Учредительное собрание, параллельное существование двух систем власти – Правительства и Советов, расследование в отношении царского правительства и дело «большевиков – немецких шпионов», постоянные митинги и демонстрации...

Все это происходило на фоне жесточайшей, и казалось, неостановимой, войны и резкой радикализации массового сознания. Неудивительно, что сфера повседневности становилась территорией революционных стихий. С другой стороны, рядовой обыватель, стремясь спастись от «разгулявшихся и расплясавшихся бесов» (М. Волошин) анархии и беспорядка, мечтал найти приют в «крепости» своей повседневности. И, действительно, многие события в повседневной жизни горожан отнюдь не указывали на грядущую революцию.

Но вот парадокс. При всей детальной изученности – буквально час за часом – событий революционного переворота в октябре 1917 в Петрограде, повседневная жизнь горожан в предреволюционные дни оставалась, за некоторым исключением, длительное время вне сферы исследовательских интересов [59]. Английский историк Э. Свифт, объясняя преимущественный интерес специалистов к политическим аспектам революционной эпохи, а не к событиям культурной жизни, пишет о нескольких причинах. Во-первых, изучение культурной жизни вряд ли способно объяснить падение Временного правительства и захват власти большевиками. Во-вторых, кратковременность данного периода затрудняет изучение культурной жизни; культурные изменения происходят намного медленнее, чем политические и их сложнее оценить [49, с. 394]. В принципе, эти соображения вполне применимы и к сфере повседневной культуры, к сфере еще более консервативной, чем мир искусства или культурная политика.

Каков же был повседневный фон революционных событий? Рассмотрим различные аспекты повседневного бытия Петрограда октября 1917 (продовольствие и торговля, мир криминала и мир искусства, досуг и развлечения, слухи и политика), понимая повседневность как достаточно замкнутую и обособленную систему. С другой стороны, будем исходить из того, что сама возможность существования повседневности обусловлена ее взаимодействием с другими мирами бытия, а ее автономность исторически детерминирована.

«Гоните рублики – купите бублики»

К осени 1917 года Временным правительством так и не был ликвидирован продовольственный кризис. Хлеб еще с марта распространялся по карточкам. С октября все жители получали по 0,5 фунта хлеба по основной карточке, рабочие

«тяжелого физического труда» имели сверх того дополнительную карточку еще на полфунта [43, 53]. Карточная система распространялась на основные виды продовольственных товаров. Обычным явлением стали очереди и спекуляция, в том числе продовольственными карточками. «Петроград – город обреченный, как по продовольствию, так и по топливу», – констатировал один из городских чиновников в октябре 1917 [41].

Власти пытались ограничить уровень оптовых и розничных цен на основные виды продовольствия, стремясь сохранить покупательную способность горожан. Например, в начале октября 1917 года Петроградская Городская дума приняла постановление, согласно которому устанавливались оптовые и розничные цены на сметану и творог. Сметану следовало продавать не более 70 рублей за пуд (опт) и 2 рублей за фунт (розница); творог – 35 рублей и 1 рубль соответственно [37]. Тем не менее, такие меры лишь провоцировали инфляцию (с февраля по август она составила 300%), дефицит, очереди, спекуляцию, подделку товаров и т.п. «Петроградский листок» сообщал 17 октября: «В виду почти полного отсутствия чая, кофе и др. <...> появилось много каких-то неопределенных личностей, продающих эти продукты из-под полы <...>. В лучшем случае чай <...> оказывается брусничным листом, а кофе – толчеными желудями» [48]. Впрочем, иногда случались и маленькие радости: в октябре город оказался завален яблоками. «Яблоки дороги», – отмечала одна из городских газет, но публика «усердно раскупает фрукты» [61].

Покупательная способность рубля упала до 6 – 7 копеек по сравнению с довоенным уровнем. Доверия к новым деньгам, в особенности к казначейским знакам достоинством 20 и 40 рублей, выпущенных Временным правительством, у населения не было. Иногда нелюбовь к «керенкам» – так прозвали эти купюры – приводила к курьезным случаям. Так, 22 октября в ресторане «Малоярославец», что на Большой Морской, один из посетителей, уплатив за обед сторублевой купюрой, отказался принимать сдачу казначейскими знаками, выражая, таким образом, по его же собственным словам, неуважение к Правительству [54]. Тем не менее, в октябре 1917 в Петрограде, как впрочем, и в другие времена, за деньги можно было достать все, что угодно [42].

Несмотря на продовольственный и товарный дефицит, деловая и торговая жизнь города не прекращалась ни на минуту. К продаже предлагалось все – от модных мехов и обстановок квартир до обувных подметок и дамских шляпок. Обратимся к октябрьским газетам. Газета «Петроградский листок» поместила объявления под заголовком «Барская квартирка», в котором к продаже предлагалась «обстановка на 4 комнаты <...> цена 12 тыс. рублей. Маклаков просьба не беспокоится. Ул. Гоголя, д.16, кв.18» [38, с. 1]. Не только любители «барских квартир» могли «по случаю» приобрести престижные товары, но и поклонники «живого товара» имели «счастливую возможность» сделать «выгодную покупку»: «Настоящим товарищество “Проводник” объявляет, что 11 сего октября в 12 часов дня имеет состояться аукцион лошадей всего на 40 голов...»; 15 октября аукцион по продаже лошадей проводила Городская Аукционная камера на Конной площади [47; 38, с. 6]. В день переворота, согласно газетным объявлениям, можно было купить партию копченой

свинины, черносмородиновое варенье в банках и бочках, шубу мужскую за 3000 рублей, револьвер системы «кольт» 45 калибра; воспользоваться услугами юриста, акушерки, учителя танцев; устроится на работу электромонтером, посудомойкой, кочегаром, няней, прислугой... [40, с. 6].

Не останавливал свою работу и крупный бизнес, пытаясь удержаться на плаву в пучине революционной стихии. «Вестник Временного правительства» сообщал в октябре: «Правление акционерного общества Ольховских золотых рудников осведомляет гг. акционеров, что вторичное общее собрание, назначенное на 15-е октября сего года, переносится на воскресенье 5-го ноября в 12 часов дня...» [47]. Неизвестно, состоялось ли общее собрание акционеров золотых рудников пятого ноября, но в любом случае это было уже другое время и другая страна.

Город – транспорт – пешеход

Основным видом транспорта в городе осенью 1917 были трамвай и извозчики. Конка закрылась еще в начале сентября из-за отсутствия фуража и истощения лошадей. Билет на трамвай с середины октября стоил 20 копеек для «обычных» пассажиров и 5 копеек для солдат [16]; трамвайное движение заканчивалось к 22 часам. Меры властей по повышению цены проезда (до октября проезд стоил 15 копеек и был бесплатным для солдат) активно обсуждались населением и прессой. В первый день было зарегистрировано несколько столкновений солдат с кондукторами, ибо солдаты поначалу отказывались платить «пятак» за проезд: «Пускай буржуи платят!». Тем не менее, чиновники с удовлетворением отмечали, что «трамвайная выручка заметно поднялась», а «количество солдатских проездов значительно сократилась». В частности, газеты сообщали, что «ежедневная выручка достигла 198 тыс. рублей (раньше 150-160 тыс.), в том числе и от солдат 10 тыс. рублей», а в самих трамваях «нет обычной тесноты и давки» [52, 15, 26, 55].

К октябрю 1917 года около 40 % вагонов стояли в парках из-за недостатка рабочей силы и запчастей [49, с. 413-414]. Тем не менее, трамвай воспринимался горожанами как символ стабильности повседневной жизни. Слухи об отмене трамвайного движения всегда вызывали тревогу; например, в преддверии 20 октября, когда, опять-таки по слухам, ожидалось выступление большевиков. Однако, как сообщает репортер «Петроградского листка», первый трамвай, который «подошел к вокзалу, рассеял страхи...» [1].

Сыграл свою роль петроградский трамвай и в истории третьей русской революции. П. Д. Мальков – матрос-большевик с революционного крейсера «Диана», затем комендант Кремля – вспоминал, как брал 25 октября телефонную станцию на Почтовой улице. «Время терять нельзя, до станции далеко, машины нет. Что делать? Видим, трамвай идет. Мы его остановили, публику высадили, и ребята сели в вагон. Народ, что ехал в трамвае, шумит. Ну, да нам некогда было разговаривать. Стал я рядом с вагоновожатым и говорю: “Вези в Петропавловскую крепость!” Он и поехал. Стрелки переводили мы сами. Доехали до крепости, взяли там пушку, прицепили к трамваю и двинулись на Почтовую, где помещалась телефонная станция. Едем – орудие

сзади по мостовой гремит...» [6, с. 56]. Абсурдистскую картину бытия трамвая в пространстве революционного города, органично дополняет эпизод 24 октября, когда Ленин в сопровождении Рахья добирался из конспиративной квартиры Фофановой в Смольный в полупустом трамвае. По пути нетерпеливый Ильич засыпал вагоновожатую вопросами о последних политических событиях. Обнаружив, что она придерживается левых убеждений, Ленин начал рассказывать ей, как надо делать революцию [44, с. 332].

Несмотря на безрадостное настоящее и неопределенное будущего, городские власти разрабатывали различные проекты организации пассажирских и грузовых перевозок. В частности, сообщалось о планах городской управы выпустить из Америки для этих целей до 500 грузовиков, 2000 таксомоторов и около 200 автобусов [14].

«Криминальная столица»

Криминальная ситуация в Петрограде оставалась напряженной в течение всего 1917 года. Осенью грабежи под видом обысков (в отчетах сообщалось о группах вооруженных людей, проводящих обыски и не обращающих никакого внимания на милицию [9]), дополнялись откровенными ограблениями, хулиганством, воровством. Только за одну ночь с 4 на 5 октября было совершено 250 разбойных нападений на квартиры и магазины, а неделю спустя всего за двое суток было зарегистрировано 800 краж и грабежей. Это, конечно, сверхординарные цифры. Но и в другие дни октября 1917 сухая статистика рисует безрадостную картину. Например, 17 октября было зарегистрировано «около 60 разгромов, краж, прошедших для воров совершенно безнаказанно. Общая сумма похищенного превышает 200 000 рублей» [49, с. 415; 34, с. 39; 60]. Предприимчивые граждане и фирмы быстро откликнулись на актуальную проблему выживания в преступном окружении, вооружившись последними достижениями технического прогресса. В городских газетах появились объявления, рекламирующие новинки безопасности частной жизни: «Если хотите предохранить себя от громил, звоните в 5 часов вечера 583-70, Морозов. Тайная электрическая сигнализация, приборы-смерти и автоэлектрические замки» [39].

Криминальный бизнес революционной эпохи порождал невиданные ранее формы «предпринимательства». На петроградском железнодорожном узле появилась специфическая прослойка воровского мира – «спиртососы» – люди, сделавшие своим промыслом слив и продажу спирта из железнодорожных цистерн. «Спиртовой бизнес» был выгодным делом, особенно в результате ограничений, введенных властями на приобретение «огненной воды». В частности, в Кронштадте в целях «борьбы с увеличившимся пьянством» Исполнительный комитет объявил «все удостоверения и карточки на право получения денатурата недействительными» [7].

В столичных кафе богато торговали кокаином. Кокаин был не только модным способом проведения досуга, но и средством совершения преступлений. Так, 18 октября компания веселых молодых людей нанесла

визит в притон, содержательницей которого была некая Петрова. Поразив хозяйку своей щедростью и любезностью, молодые люди подсыпали в вино кокаин, и «когда хозяйка и девицы впали в бесчувственное состояние, они принялись за грабеж». Результаты оказались ужасны – две девушки скончались, дворник, пытавшийся преградить путь налетчикам, был ранен; сама же владелица притона оказалась без драгоценностей и 10 тыс. рублей [56].

Характер азартных игр приобрел размах эпидемии [49, с. 415]. Одна из столичных газет писала: «Никогда еще не было такой безумной игры как теперь. Никогда еще не было столько официальных, полуофициальных и неофициальных притонов, называемых клубами» [цит. по: 49, с. 415].

Преступному миру противостоял слабооруженный 6-тысячный отряд милиции, на две трети состоявший из солдат [4; 34, с. 38-42]. Милиция не имела какой-либо определенной форменной одежды, проект которой обсуждался на протяжении года. Единственным знаком отличия была нарукавная повязка с буквами «Г.М.». В октябре 1917 за десять дней до переворота «Петроградский листок» публикует описание новой форменной одежды для милиции: «темно-синий однобортный мундир, брюки навывпуск черного цвета, шинель матросского образца с белыми пуговицами и фуражка образца фуражки революционного морского офицера с гербом г. Петрограда» [4]. Причем в новую форму милицию предполагалось одеть через две недели. Петроградская милиция новой формы так и не дождалась, на пошив не хватало сукна, а революционный переворот породил иную униформу, ставшую символом карательной политики большевистского государства – кожанку. Благо, что старых запасов этого вида одежды хватало. Как сообщала газета «Коммерсант» в своем рекламном объявлении за несколько дней до переворота: «Кожаные куртки на фланели, вате и мех, поставки в казенные и частные учреждения предлагает Торговый дом <...> “Е. Ольденбург и К”» [47].

Между тем сама милиция все чаще становилась объектом нападения со стороны хулиганов. Особенно часто о подобных инцидентах сообщалось в первой половине октября. Так, например, на Железноводской улице при попытке разогнать пьяную толпу был избит милиционер; в Рождественском районе милиционер избит пьяными солдатами, которые вели погромную агитацию. В Александро-Невском районе трое милиционеров, доставивших дезертиров в военную комендатуру, подверглись нападению со стороны караульных, подстрекаемых пьяным начальником караула. На Парголовской улице около 20 хулиганов напали на милиционера и, связав его, заставляли три часа лаять по-собачьи. На Лиговском проспекте произошло столкновение между матросами и милицией, которое закончилось перестрелкой и т.д. [23; 46; 34, с. 43].

В октябре в городе ожидалась забастовка милиции, недовольной своим положением (в том числе материальным); дворников (требовали увеличения жалованья) и извозчиков (причина – «голодовка и мор несчастных лошадей»). Забастовки были отменены в самый последний момент [4; 19; 25; 29].

«Искусство должно принадлежать народу!»

Осенью 1917 года у горожан проявился своеобразный интерес к произведениям современных художников. Художественный рынок столицы был весьма оживлен, причем как легальный (в Петрограде в 1917 году насчитывалось 7 аукционных залов и несколько десятков антикварных и художественных магазинов), так и теневой. Происходила энергичная распродажа владельцами особняков и усадеб произведений искусства, регулярно устраивались аукционы картин и декоративно-прикладного искусства, мебели. Часто аукционы проходили в частных домах «по случаю отъезда» и «по случаю эвакуации». В городских газетах было множество объявлений о грядущих продажах [30, с. 177-178].

Характерной чертой культурной жизни Петрограда стало появление различных общественных организаций в сфере искусства и культуры от Союза Деятелей искусств до Лиги русской культуры. За неделю до переворота 16, 17 и 19 октября состоялась первая Петроградская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций. Инициаторами созыва конференции были петроградские профсоюзы. Оргбюро конференции выступило с воззванием, в котором говорилось, что просвещение и творчество в науке и в искусстве – это «неотъемлемая сторона всякого мощного общественного движения, всякой революции». В общей резолюции, предложенной Луначарским, были определены задачи общественного движения за «пролетарскую культуру». В резолюции отмечалось, что «как в науке, так и в искусстве пролетариат проявит самостоятельное творчество, но для этого он должен овладеть всем культурным достоянием прошлого и настоящего» [13, с. 50]. Эта конференция положила начало формированию самого массового социально-культурного движения революционной эпохи – Пролеткульту. Будущий нарком просвещения Луначарский был активным участником этой конференции, формулируя ее ключевые резолюции. В письме жене 18 октября в Швейцарию он сообщал: «Страшно занят, потому что идет моя конференция, мое детище, первая основа социалистической культурной организации». И далее: «Прежде всего, о маленьком несчастье. Вскакывая на трамвай, я упал и довольно сильно расшибся: хожу с распухшим и ободраным носом. Вся эстетика пропала окончательно» [18].

Среди культурных институций более всего революционными переменами был затронут театр. Политика властно вторглась в сферу театрального творчества [50]. Неотъемлемой частью петроградской театральной жизни стали «митинги-концерты» и «митинги-спектакли». Помещения театров и иных зрительных учреждений становились местом политической агитации. Например, 24 октября солдаты гарнизона Петропавловской крепости, когда им надоело митинговать на плацу по поводу перехода гарнизона на сторону ВРК, переместились в находящееся недалеко помещение цирка «Модерн», ставшего к этому времени основной сценой большевистской пропаганды. Один из участников митинга вспоминал впоследствии: «В 8 часов вечера (митинг начался в полдень – А.К.) в крайне напряженной атмосфере вопрос был поставлен на голосование <...>. Все кто был за ВРК переходят на левую

сторону, а его противники на правую. С криками «ура» подавляющее большинство солдат бросается влево» [цит. по: 44, с. 305].

В 1917 году в театр пришла иная публика, ранее допускавшаяся лишь на галерку, далекая от культуры и не знавшая и желавшая знать нормы поведения в театре. Порой публика пыталась сорвать спектакль, противный их политическим настроениям. Солдаты протестовали против дивертисментов, в которых актеры пели сатирические куплеты против Ленина. Были, правда, и случаи противоположного характера. В октябре группа неизвестных во время исполнения сатирической пьески про императорскую семью «Царские грешки» поднялась на сцену и потребовала немедленно снять пьесу с репертуара, а от администрации театра (это был «Троицкий фарс» А.С. Полонского) и актера – публично извинения. Отказавшегося извиняться артиста вызвали на дуэль. Он покинул Петроград, опасаясь за свою жизнь [2, с. 313-314; 50, с. 395-398].

Революционные события преломлялись в коммерческих театрах в фарсы типа «Крах торгового дома Романов и К», «Царские холопы», «Веселые дни Распутина» и других им подобных развлекательных спектаклей с элементами политической сатиры и эротики, благо Февральская революция смела институт цензуры. В октябре в «Невском фарсе» (Невский, 56) демонстрировали спектакль «Две Леды»; в «Троицком фарсе» (Троицкая ул., 13) – «В морских купальнях». Обозреватель «Петроградского листка» Н. Шебуев, отмечая расцвет фривольных спектаклей на городских сценах, писал: «так не хочется ворошить эти обыденные противные революционные будни <...>. Хочется забыться. <...> Отвлечься хотя бы “Любовью в ванне”» [57].

Наиболее же престижные «старые» театры следовали сложившемуся «классическому» репертуару, словно стремясь не замечать произошедших перемен. В целом же, театральная культура характеризовалась взрывом интереса к коммерческому и массовому самодеятельному массовому театру, как к источнику прежде всего развлечения, а не просвещения [50]. Среди таких коммерческих спектаклей – один из «хитов» октября 1917 – «Ленин и К». Как сообщал еженедельник «Театр и жизнь», анонсируя действо: «Политический шарж в 1 действии из жизни большевиков. 2 мужские и 2 женские роли. Цена 1 руб. 50 коп. Петроград, Литейный, 49» [47].

К октябрю 1917 многие музеи перешли на сокращенный рабочий день, ряд музеев из-за недостатка посетителей закрылся. Часть музейных экспонатов из Русского музея и Эрмитажа было решено эвакуировать в виду угрозы возможного немецкого наступления. Эвакуировались не только художественные ценности, но и учреждения государственной власти, что газетчиками было метко названо «великим переселением чиновников» [36]. Как всегда, спрос рождает предложение – газеты запестрели объявлениями следующего содержания: «Ящики для эвакуации делаю всех размеров...» [38, с. 6].

В отличие от пустующих музеев бесперебойно работали столичные кинотеатры – осенью 1917 их насчитывалось свыше 300. Наиболее любимыми были драмы и уголовно-приключенческий жанр, фарсы и водевили. В день октябрьского переворота «в работе кинемо, особенно собирающих публику

улиц, никакого перерыва не было», – отмечал «Петроградский листок» [49, с. 419].

«Ходят слухи...»

Петроградские газеты октября 1917 обрушивали на умы и души горожан лавины политической информации, касавшиеся, в том числе и грядущего большевистского переворота. «В Петрограде только сейчас и разговоров, что о выступлении большевиков», – лейтмотив многих газетных заметок и статей тех дней [10]. Ходили слухи о точной дате 20 октября. Накануне и в этот день жители «бежали» из города, а движение из пригородов в столицу прекратилось. Чиновники, получавшие жалованье именно 20 числа, требовали его выплат заранее [49, с. 419]. Слухи о грядущем большевистском путче перемежались со слухами о скором немецком наступлении. Что было страшнее, никто не знал. Как отмечал в своем дневнике В. И. Вернадский, передавая настроение обывателей: они «готовы “радостно” встретить немцев. Своих боятся больше» [8, с. 12].

20 октября город прожил в ожидании переворота. 21 октября «Петроградский листок» опубликовал большой обзор, ушедшему дню, когда ожидавшийся переворот (пока еще) не совершился. Итак, власти заверяли, что «приняты необходимые меры безопасности», «задержано 46 профессиональных громил, прибывших в Петроград на выступление большевиков», и, наконец, что «напали на след Ленина». В этот дет, как обычно, работали магазины, хотя очередей не было – «хозяйки заблаговременно сделали запасы»; работали банки, но клиентов почти не было. Чиновники, по свидетельству газеты, еще накануне «заявили начальству о своем недомогании». Ожидание переворота сказалось и на внешнем облике горожан – политический контекст предопределил особенности одежды: «На улице кидалось в глаза то, что мужчины были в картузах, а не шляпах, женщины в платках, а не шляпках. По понятиям большевика шляпы носит буржуазия» [17]. Эмоционально-психологическое напряжение горожан в этот день было столь велико, что любое отклонение от привычного воспринималось как свидетельство переворота. Обозреватель «Петроградского листка» писал, что принял звуки выбиваемых ковров за выстрелы: «Вошел быт. Прилетел на ковре-самолете. Стало совестно...» [58].

Небольшевистские и непартийные газеты призывали большевиков одуматься. Но, увы: «Ленин упорен и неумолим. Дружеские предостережения ему не помогают. В Петрограде снова запахло порохом», – констатировала газета «Современное слово» 12 октября. Ей вторил автор заметки в «Рабочем пути»: «То, что сейчас вытворяют большевики поистине беспримерно в истории двух революций <...>. Вместо той свободы, которые они обещают, получится самая свирепая реакция» [47]. «Петроградский листок» называл Ленина «фельдмаршалом русской разрухи», поднимающего «длани, благословляющие гражданскую войну»; в другой статье в этом же номере газеты обозреватель пророчески замечал, что Россия долго будет помнить «весь сброд, присланный нам из Германии, вот главе с Лениным» [11; 22].

18 октября в «Новой жизни» публикуется известное письмо Каменева, в котором тот выступает против инициативы своей партии о вооруженном перевороте: «Ввиду усиленного обсуждения вопроса о выступлении я и тов. Зиновьев обратились к крупнейшим организациям нашей партии в Петрограде, Москве и Финляндии с письмом, в котором решительно высказались против того, чтобы партия наша брала на себя инициативу каких-либо вооруженных выступлений в ближайшие дни» [27].

С другой стороны, правительственные и околоправительственные источники стремились внести упокоение в народные массы, как до 20 октября, так и после. Одна из городских газет отмечала, что в правительственных кругах не придают серьезного значения циркулирующим в городе слухам о готовящемся на 20 октября выступлении большевиков. Между тем, отмечает газета, министр юстиции «продолжает давать распоряжения об освобождении большевиков из заключения. 11 октября освобожден из «Крестов» под залог в 3000 рублей кронштадтский большевик Раскольников...» [47]. Сам же министр внутренних дел А. М. Никитин в интервью «Петроградскому листку», опубликованному 13 октября, утверждал, что «слухи о выступлении 20 октября большевиков не имеют под собой никакой почвы» [33]. Спустя десять дней министр вновь убеждал общественность в интервью «Коммерсанту», что большевики не выступят «за неделю до Учредительного собрания» [47]. Иные, как например, бывший министр иностранных дел Временного правительства, П. Н. Милюков, заранее обрекали большевистское выступление на неудачу: «Временное правительство должно, в случае выступления большевиков, раз и навсегда покончить с ними» [цит. по: 49, с. 418].

Пресса призывала власти к энергичным действиям по наведению порядка. Власти через прессу сообщали, что «предварительное следствие по делу большевиков закончено и материалы передаются прокурору для составления обвинительного заключения» [47]; прокурору судебной палаты предписано министром юстиции П. Н. Малянтовичем «сделать немедленное распоряжение об аресте Ленина» [45].

Кстати, фамилия «Ленин» достаточно часто встречалась в эти дни на страницах петроградской прессы. Вот, полковой комитет одной из петроградских воинских частей требует «принять самые решительные меры» к аресту Ленина [51]. Или еще – газета публикует результаты расследования о месте жительства Ленина. «Ульянов (Ленин) не значит проживающим в Петрограде. Значит, указанный им адрес или вымышлен, или Ленин живет в Петрограде без прописки» [12].

«Революция, о которой так долго говорили...»

Лишь 24 октября Керенский заявил, что в его распоряжении «находятся бесспорные доказательства организации Лениным и его сотрудниками восстания против Революционного правительства» [28, с. 170-171]. 24 же вечером Ленин на конспиративной квартире Фофановой (Сердобольская ул., где он жил «без прописки») пишет свое известное: «Взятие власти есть дело

восстания; его политическая цель выяснится после взятия. <...> Промедление в выступлении смерти подобно!» [32].

К середине дня 24 октября, когда разнеслась весть о разведении мостов через Неву, учащиеся начальных и средних школ и служащие государственных учреждений были распущены по домам, банки и магазины в центральной части города были закрыты, а движение трамваев ограничено. И все же на улицах было спокойно. Вечером празднично одетая публика прогуливалась по Невскому проспекту, где проститутки продолжали свой обычный промысел. Рестораны, казино и кинотеатры работали как обычно, хотя количество посетителей уменьшилось; по расписанию шла возобновленная Мейерхольдом постановка пьесы Алексея Толстого «Смерть Иоанна Грозного» в Александринке и опера «Борис Годунов» в Мариинке. «Такая обстановка, – отмечает американский историк А. Рабинович, – значительно дезориентировала население, ожидавшее большевистского выступления, придавая чувство нереальности решающим событиям» [44, с. 320].

25 октября глава петроградской милиции Н. В. Иванов получает от Временного правительства предписание арестовать членов Военно-революционного комитета. Однако никаких действенных мер милиция не принимает, ибо она, как показывают современные исследования, не являлась политической опорой Временному правительству [34, с. 46]. Иванов, получив ордер, молча спрятал его в свой портфель. По свидетельству мемуариста в управлении началось обычное чаепитие [34, с. 47].

Свои последние дни доживала независимая пресса. 25 октября газеты писали о «мятеже большевиков», о гражданской войне, провоцируемой большевиками, о пулеметах, доставляемых в Смольный, об «огромном количестве лимузинов у нашего пролетариата» [35]. Вскоре после переворота большевики закроют многие как партийные, так и непартийные издания, объявив их контрреволюционными и издав специальный декрет.

Однако еще до переворота редакции некоторых газет и журналов были разогнаны не в меру революционными матросами. Уже упоминавшийся нами Мальков впоследствии вспоминал утро 25 октября 1917 года: «В Питере издавалась газета «Биржевые ведомости» <...>. Гнусная газетка. Всякую клевету по адресу большевиков и балтийских матросов печатала. <...> Вспомнил я про «Биржевку», <...> и поехал на минный заградитель «Амур». Взял там 8 моряков, и мы отправились закрывать «Биржевку». Подъезжаем к редакции. Ребята у входа стали – никому ни войти, ни выйти не дают. <...> Разогнали мы редакцию «Биржевки», а рядом, в том же здании, журнала «Огонек» помещение. Тоже поганый журнал был. Мы заодно и его закрыли» [6, с. 56].

Весь день 25 октября ожидался штурм Зимнего, который никак не мог начаться: сроки все переносились и переносились – полдень, три часа дня, шесть часов... Один из участников «штурма» вспоминал свое нетерпение: «хочется бросить все и лететь туда к ним (в ВРК – А.К.), чтобы ускорить этот идиотский затянувшийся приступ Зимнего» [44, с. 336]. Наконец в 21.45 крейсер «Аврора» производит самый известный выстрел в истории России.

Выстрел холостой. Около 11 вечера пушки Петропавловской крепости открыли настоящий огонь. Большинство снарядов с грохотом разрывается над Невой, не причинив вреда. Со стороны крепости за этим фейерверком наблюдал руководитель ВРК петроградской стороны Тарасов-Родионов: «Странная революция, – подумал он. – Рабочий Совет свергает буржуазное правительство, а мирная жизнь города ни на минуту не прекращается» [цит. по: 44, с. 343].

25 октября вечером в Народном доме (Александровский парк, 3) давали «Дон Карлоса» с участием Ф.И. Шаляпина; в Троицком театре К.А. Марджанова – «Саломею», а питерский театр с московским названием «Летучая мышь» зазывал на дивертисмент с «2 оркестрами музыки, превосходной кухней, умеренными ценами» [40, с. 1].

В ночь на 26 октября произошло то, что долгое время в официальной советской истории именовалось штурмом Зимнего. Антонов-Овсеенко вспоминал: «... вся атака дворца носила совершенно беспорядочный характер <...>. Наконец, когда удалось выяснить, что юнкеров остается уже не много, мы с Чудновским повели атакующих внутрь дворца. Юнкера при нашем входе сопротивления не оказали, и мы свободно проникли вглубь дворца в поисках Временного правительства» [цит. по: 44, с. 355].

«Штурм» Зимнего действительно произошел как-то буднично и прозаично, что и стало причиной его последующей мифологизации, ибо «величайшее событие века», «первая победоносная социальная революция» не могут принадлежать сфере обыденного.

Обратимся к воспоминаниям видного большевика Н. И. Подвойского разных лет издания. Год спустя после переворота, он писал: «как только заговорили орудия, и снаряды стали попадать в Зимний дворец, последние колебания кончились. Юнкера выбежали из-за баррикад и закричали, что сдаются. Тогда наши войска огромными массами вливаются во дворец. Здесь производится обыск, и Временное правительство, оказавшееся в одном из покоев дворца, арестовывается» [цит. по: 3, с. 82].

В 1923 году Подвойский писал нечто иное. От фактурности варианта 1918 года не осталось и следа. «Это был героический момент революции, ужасный, кровавый, но прекрасный и незабываемый. Во тьме ночной, озаренной бледным затуманенным дымом, светом и кровавыми мечущимися молниями выстрелов, со всех прилегающих улиц, из-за ближайших углов, как грозные и зловещие тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат, спотыкаясь, падая, снова поднимаясь, но ни на секунду не прерывая своего стремительного ураганоподобного потока <...>. Мгновенная задержка перед баррикадами и трескотня пулеметов, на мгновение заглушившие крики <...>. Упавшие тени, но уже более не поднимающиеся» [цит. по: 3, с. 82].

Повседневность завершилась. История становилась мифологией.

На следующий день горожанам оставалось лишь задавать друг другу риторический вопрос: «Как же, однако, мог произойти такой захват власти, какой немислим в каком бы то ни было правовом государстве?» [24].

Правового государства «стать не могло» ни тогда, ни сейчас. «Могло» другое. Сухая строчка из суточных рапортов милицейских

комиссариатов Петрограда за 25-26 октября 1917 года «существенных происшествий не отмечено» [34, с. 47] превратилась спустя короткое время в событие поэтической истории, запечатленное известным поэтом-гимнотворцем, согласно «букве и духу» «руководящей и направляющей» воли гегемона:

*Мы видим город Петроград
В семнадцатом году:
Бежит матрос, бежит солдат,
Стреляют на ходу.*

И о погоде... В этот день в Петрограде было +1 +3, сухо, к вечеру пошел дождь...

Список литературы

1. А. Т. Тревога в Белоострове // Петроградский листок. – 1917. – 15 октября. – С. 3
2. Алянский Ю.Л. Увеселительные заведения старого Петербурга / Ю. Л. Алянский. – СПб.: Аврора, 2003. – 351 с.
3. Без ретуши: страницы советской истории в фотографиях, документах, воспоминаниях / Авт.-сост. М. П. Ирошников, Ю. Б. Шелаев. В 2-х т. Т. 1. – Л.: Лениздат, 1991. – 304 с.
4. Будет ли бастовать милиция // Петроградский листок. – 1917. – 15 октября. – С. 3.
5. Бычков В.В. Повседневность // Лексикон неонклассики / Под общ. ред. В.В. Бычкова. – М.: РОССПЭН, 2003. – 607 с.
6. В дни Октября. Сборник воспоминаний участников Октябрьской революции / Сост. В.В. Каблучко. – М.: Знание, 1957. – 216 с.
7. [В Кронштадте] // Петроградский листок. 1917. – 15 октября. С. 3.
8. Вернадский В.И. «Придётся перейти через кризис» // Огонёк. – 1990. – № 49. – С.11-15.
9. Выступления красной гвардии // Петроградский листок. – 1917. – 15 октября. – С. 5.
10. Выступят ли большевики // Петроградский листок. – 1917. – 18 октября. – С. 3.
11. Выступят ли большевики // Петроградский листок. – 1917. – 20 октября. С. 2.
12. Где живет Ленин? // Петроградский листок. – 1917. – 19 октября. С. 3.
13. Горбунов В.В. В.И. Ленин и Пролеткульт. – М.: Политиздат, 1974. – 239 с.
14. Городские дела // Петроградский листок. 1917. – 17 октября. – С. 4.
15. «Двугривенный» дал результаты // Петроградский листок. – 1917. – 18 октября. – С. 4.
16. 20 копеек за трамвай // Петроградский листок. – 1917. – 15 октября. – С. 4.
17. 20 октября // Петроградский листок. – 1917. – 21 октября. – С. 3.

18. «Жизнь прекрасна, жизнь трагична...»: 1917 год в письмах А.В. Луначарского А.А. Луначарской / Отв. сост: Л. Роговая; сост.: Н. Антонова [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/l/lunacharskij_a_w/text_0050.shtml
19. Забастовка извозчиков // Петроградский листок. – 1917. – 14 октября. – С. 5.
20. Забастовки дворников не будет // Петроградский листок. – 1917. – 14 октября. – С. 4.
21. Ионин Л. Г. Повседневность // Культурология. XX век. Энциклопедия. / [Гл. ред., сост. С. Я. Левит]. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 122-123.
22. Исаев А. Финансовая «политика» М.И. Скобелева // Петроградский листок. – 1917. – 20 октября. – С. 1.
23. Истязание милиционера // Петроградский листок. – 1917. – 19 октября. С. 4.
24. Итоги // Петроградский листок. – 1917. – 5 (18) ноября. – С.1.
25. К забастовке извозчиков // Петроградский листок. – 1917. – 20 октября. С. 3.
26. К проезду солдат на трамваях // Петроградский листок. – 1917. – 19 октября. – С. 4.
27. Каменев о «выступлении». Заявление Л.Б. Каменева в газету «Новая жизнь» 18 октября 1917 года. [Электронный ресурс] // URL: <http://his95.narod.ru/doc15/d27.htm>
28. Керенский А.Ф. Гатчина // Октябрьская революция: Мемуары. Репринт 1926 г. – М.: Орбита, 1991. – С. 169-202.
29. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во Европейского университета; Алетейя, 2003. – С. 7-14.
30. Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году / В.П. Лапшин. – М.: Сов. Художник, 1983. – 495 с.
31. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В.Д. Лелеко. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 320 с.
32. Старцев В. Октябрь 1917-го: была ли альтернатива // Свободная мысль. – 2007. – № 10. – С. 96-107.
33. Л-нь М. Выступят ли большевики 20 октября // Петроградский листок. – 1917. – 13 октября. – С. 2.
34. Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с ней / В.И. Мусаев. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 207 с.
35. Мятеж большевиков // Петроградский листок. – 1917. – 25 октября. – С. 3.
36. Н. Великое переселение чиновников // Петроградский листок. – 1917. – 15 октября. – С. 3.
37. Обязательное постановление Петроградской Городской думы «Об установлении таксы на сметану и творог» // Петроградский листок. – 1917. – 13 октября. – С. 1.
38. [Объявление] // Петроградский листок. – 1917. – 13 октября. – С. 1, 6.

39. [Объявления] // Петроградский листок. – 1917, 14 октября. С. 6.
40. [Объявления] // Петроградский листок. – 1917. – 25 октября. – С. 1, 6.
41. Петроград накануне голода // Петроградский листок. – 1917. – 23 октября. – С. 3.
42. Петроград перед голодом // Петроградский листок. – 1917. – 15 октября. – С. 2.
43. Полфунта хлеба // Петроградский листок. – 1917. – 21 октября. – С. 5.
44. Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде / А. Рабинович / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Весь мир, 2003. – 448 с.
45. Распоряжение об аресте Ленина // Петроградский листок. – 1917. – 20 октября. – С. 3.
46. Расправа с милицейскими // Петроградский листок. – 1917. – 14 октября. – С. 4.
47. Революция, о которой так долго говорили большевики, невозможна (подборка из газет 1917 года) // Коммерсант. – 1997. – 6 ноября. – С. 6.
48. Рыночная фальсификация // Петроградский листок. – 1917. – 17 октября. – С. 4.
49. Санкт-Петербург: Хроника трех столетий / Сост. А. Доливо-Добровольский, Н. Харламова. – СПб.: Нева, 2003. – 720 с.
50. Свифт Э. Культурное строительство или культурная разруха? // Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть: [Материалы коллоквиума, 11-15 янв. 1993 г. / Редкол.: В. Ю. Черняев (отв. ред.) и др.]. – СПб.: Глаголь, 1994. – С. 394-405.
51. Солдаты против Ленина // Петроградский листок. – 1917. – 13 октября. – С. 1.
52. Трамвайный пяточок // Петроградский листок. – 1917. – 17 октября. – С. 4.
53. Хлебный паек будет уменьшен // Петроградский листок. – 1917. – 20 октября. – С. 4.
54. Что вчера случилось? // Петроградский листок. – 1917. – 23 октября. – С. 4.
55. Что дали пяточки? // Петроградский листок. – 1917. – 22 октября. – С. 3.
56. Что случилось вчера? // Петроградский листок. – 1917. – 19 октября. – С. 4.
57. Шебуев Н. Дневник // Петроградский листок. – 1917. – 13 октября. – С. 2.
58. Шебуев Н. Дневник // Петроградский листок. – 1917. – 21 октября. – С. 1.
59. Шевченко М.В. Городская жизнь в Петроградских газетах 1917 года // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – Вып. II. – С. 248-264.
60. Шестьдесят разгромов // Петроградский листок. – 1917. – 18 октября. – С. 4.
61. Яблочная спекуляция // Петроградский листок. – 1917. – 25 октября. – С. 5.

Пушкинский Петербург как переживание: культурологическое эссе*

Манкевич Ирина Анатольевна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, доктор культурологии, доцент, Россия, Санкт-Петербург, iamankevich@yandex.ru,
196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15
тел. 8(812) 708-42-13.

Размышление культуролога о Пушкинском Петербурге как пространстве повседневности. Петербургский стиль культуры вчера-сегодня-завтра.

Ключевые слова: Пушкинский Петербург; петербургский стиль; пространство повседневности; переживание; историческое время; культурная память.

Pushkin's Petersburg as an Experience: Culturological Essay

Mankevich Irina Anatolievna – Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Culture, associate professor of the Philosophy and Theory of Culture Department. Russia, Saint Petersburg iamankevich@yandex.ru,
196135, Saint Petersburg, 15 Gastello st.,
phone number 8 (812) 708-42-13.

The article is a cultural analysis of Pushkin's Petersburg in the context of everyday space. Petersburg style of culture: yesterday-today-tomorrow.

Keywords: Pushkin's Petersburg; Petersburg style; everyday space; experience; historical time; cultural memory.

Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впрямь мой будет вид...
А.С. Пушкин

Есть понятия, которые для слуха “племени” петербуржцев неразделимы. К ним относятся *Пушкин* и *Петербург*. Но живо ли подобное восприятие Петербурга/Пушкина сегодня? Для образованного в “мировом контексте” культурного сообщества, вероятно, да. Для подавляющей массы “гостей нашего города”, равно как и той части его обитателей/обывателей, которые числятся

* © И. А. Манкевич, 2013

“жителями нашего города” по месту регистрации, безусловно, нет. Бытует мнение: обосновавшийся в “резиновой” Москве приезжий довольно быстро становится “настоящим москвичом” Большинству переселившихся из малых городов и весей в град Петров такая метаморфоза не грозит. Редкие исключения лишь подтверждают правило: “быть петербуржцем” – это совсем другая история.

В истории России основание Санкт-Петербурга было вторым после принятия христианства переломным событием, коренным образом изменившим судьбу отечественной культуры. Не одно поколение российских интеллектуалов в науке, литературе, искусстве пытались постичь, разгадать двойственность, противоречивость “души Петербурга”, в которой одновременно уживались и “дух возмущения”, и “дух растреления” (Д. Л. Аркин). В культурной мифологии Петербурга и художественно-эстетическом сознании “племени” петербуржцев град Петра навсегда останется городом “культурно-семиотических контрастов”, городом, который воспринимался его многочисленными биографами одновременно и «как “парадиз”, утопия идеального города будущего, воплощение Разума, и как зловещий маскарад Антихриста» (Ю. М. Лотман), как город-апокалипсис и город-космополит.

Пространственный образ города формирует сознание его обитателей, психологию их души, стиль мышления и поведения. Стиль есть «символическое выражение мироощущения» (О. Шпенглер). Он формируется в области «психологии форм» (Г. Вельфлин). Это «внутренняя форма» и «внешняя идея» М. С. Каган). «Стиль есть сам человек» (Ж. Бюффон) – творец, одержимый одновременно страстным стремлением к недостижимому и потому вечному идеалу, и к выражению собственного “Я”, изменчивому и неповторимому, как время.

Пассионарный характер петербургского стиля определила сама природа, став естественной и величественной декорацией грандиозного исторического действия. «Стиль города – это единство пространства, игры света и тени, красок и звуков, линий и силуэтов зданий <...>, симфония горизонталей и перспектив» [4, с. 411]. Возможно, именно сам стиль и есть тот самый «след от пассионарности мастера», «перелившего часть своей энергии» в созданное им произведение (Л. Н. Гумилев).

Каменный каприз возводился на водной стихии вопреки «склонениям и нравам» российского люда волею одного человека, «первого большевика» (М. А. Волошин) и истинного пассионария своей эпохи. Впрочем, “пассионарны” были и продолжатели дела Петра – Екатерина II и Александр I, столь же одержимые страстью к строительству, как и их гениальный предшественник. Именно в их царствование была построена значительная часть выдающихся памятников архитектуры, сформировавших классический облик Петербурга.

В образе Петербурга мощно и зримо выразился характер русской души. Знаменательно, что большинство архитектурных доминант северной столицы, ставших символами петербургского стиля разных эпох, были созданы иностранными зодчими. Оказавшись на русской службе, и, обретя в России

вторую родину, европейские мастера создавали шедевры, аналогов которым в Европе не было. Родившись в недрах архитектурного пространства северной столицы, петербургский стиль распространился и на другие сферы художественного творчества во всем многообразии и блеске региональных вариаций “больших” европейских стилей – русское барокко, екатерининский классицизм, русский ампир, петербургский модерн. Примечательно, что маркиз Астольф де Кюстин при всех своих антирусских ориентациях не мог не отдать дань величественному петербургскому стилю как уникальному образцу подражательного творчества: «И все же подражание классической архитектуре, отчетливо заметное в новых зданиях, просто шокирует, когда вспомнишь, под какое небо так неблагоприятно перенесены эти слепки античного творчества» [10, с. 423].

За долгие годы подражания европейским образцам культуры из этих «слепков античного творчества» родился и петербургский стиль моды, сказавшийся на своеобразии образа жизни “племени” петербуржцев, их внешнем облике, моделях костюмного поведения. «Как бы то ни было, но костюмы, коих память одно ваяние сохранило на берегах Егейского моря и Тибра, возобновлены на Сене и переняты на Неве. Если бы не мундиры и не фраки, то на балы можно было бы тогда глядеть как на древние барельефы и на этрусские вазы» [3, с. 247].

Альянс власти и моды формировал человека дворянской культуры, для которого соблюдение светского этикета – есть внутренняя потребность души и тела, а изящество манер – источник эстетического удовольствия. Так, еще при Елизавете Петровне в Большом Петергофском дворце на торжественных выходах и балах приглашенных обязывали надевать особые “петергофские платья”, которые по цвету гармонировали с наружной окраской дворца, зеленый с белым, темной зеленью сада и белизной фонтанных струй [11, с. 17].

И ни в одной из столиц мира лазоревой окрас церковей и дворцов так эффектно не сочетается со снежным покровом, как в российской столице [6, с. 9]. Ландшафтные лики природы и искусства одухотворяли лики русских красавиц. «Голубой цвет, кажется, любимый цвет русских женщин. Он очень идет к их белым лицам и светлым волосам», – отмечал наблюдательный Т. Готье [7, с. 45].

Примечательно, что биография Пушкинского Петербурга хронологически совпадает с завершением формирования классицистического, а затем ампирического облика столицы. «Пушкинский Петербург – мечта Петра, ставшая завершённой реальностью» [9, с. 120]. Архитектурный пейзаж Петербурга первой трети XIX века – безмолвный свидетель и соучастник рождения творческого гения поэта, событий его повседневной жизни. При всей очевидности визуальных различий между архитектурными “одеждами” Петербурга и костюмной средой обитания его аборигенов в обоих пространствах угадывается дыхание *Genius loci*, охраняющего память о месте и времени, породивших уникальное явление мировой культуры – «Пушкинский Петербург».

В десятилетие годы XIX столетия в северную столицу пришел минималистский стиль британских денди. В числе поклонников европейского дендизма в России был и первый поэт России. Молодой Пушкин 1818 – 1820 годов «носил широкий черный фрак с нескошенными фалдами, á l'américaine и шляпу с прямыми полями á la Bolivar, о которой после упомянул он, описывая наряд Онегина» [2, т. 1, с. 109 – 110]. В светский гардероб поэта входил широкий испанский плащ без рукавов, альмавива, который по тогдашней моде поэт носил, закинув одну полу на плечо. «В самой наружности его было много особенного: он то отпускал кудри до плеч, то держал в беспорядке свою курчавую голову; носил бакенбарды большие и всклокоченные; одевался небрежно; ходил скоро, повертывал тросточкой или хлыстиком, насвистывая или напевая песню. В свое время многие подражали ему, и эти люди назывались á la Пушкин... Он был первым поэтом своего времени и первым шалуном» [2, т. 1, с. 463].

Поэтическая небрежность Пушкина вполне органично уживалась с дендистскими притязаниями его натуры. По словам приятеля поэта, Алексея Вульфа: «Одевался Пушкин, хотя, по-видимому, и небрежно, подражая и в этом, как и во многом другом, прототипу своему Байрону, но эта небрежность была кажущаяся: Пушкин относительно туалета был очень щепетилен» [2, т. 1, с. 286]. Костюмные вольности первого поэта России не остались без внимания «главного модельера» Российской империи: «Кстати об этом бале (у французского посланника). Вы могли бы сказать Пушкину, что неприлично ему одному быть во фраке, когда мы все были в мундирах, и что он мог бы завести себе, по крайней мере, дворянский мундир; впоследствии, в подобном случае пусть так и сделает. Император Николай I в пометке на письме к нему Бенкендорфа» [2, т. 2, с. 16].

В сознании массового читателя костюмный облик поэта прочно связан с двумя самыми известными его портретами 1827 года – кисти О. Кипренского (Третьяковская галерея, Москва) и В. Тропинина (Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург). Портрет О. Кипренского – художника петербургской школы живописи – являет зрителю поэта-денди, столичного жителя, любимца муз и женщин: черный сюртук, кашне из ткани экосез, накинутое на правое плечо, черный галстук, белый воротник рубашки, тщательно отполированные ногти.

«В портрете работы Кипренского изображен не столько сам Пушкин, сколько Пушкин в облике Онегина или, может быть, наоборот – Онегин в образе Пушкина» [8, с. 111]. Художник невольно или сознательно отразил в образе Пушкина сложившееся не без влияния литературных образцов представление читателя о герое своего времени – молодом человеке, отказавшегося от принятых в обществе атрибутов светскости. Не случайна и избранная художником позиция Пушкина – отстраненный взгляд на чистом ампирическом фоне, руки, сложенные крестом. В такой же характерной для него позе поэт вместе со своим героем запечатлен на набережной Невы против Петропавловской крепости в известной гравюре Е. Гейтмана.

Портрет кисти В. Тропинина – художника московской школы живописи – являет зрителю повседневного Пушкина – цветистый архалук, расстегнутый ворот рубашки с большим белым воротником, небрежно повязанный галстук. Образ Пушкина в приватной позе творческого вдохновения на портрете Тропинина прочитывается как антитеза его же образа, но в позиции публичного одиночества, на портрете Кипренского.

На туристической карте Ленинграда – Петербурга немало официальных мест памяти Пушкина, таких как Лицей, музей-квартира поэта на Мойке 12, памятник на месте его последней дуэли. Но есть и иные, «неведомые дорожки», по которым еще бродит *genius loci* старой столицы пушкинской поры. Это и знаменитая «всеобщая коммуникация Петербурга» [5, с. 8], прогуливаясь по которой в компании с Никитой Всеволожским поэт заглянул как то к известной в столице гадалке, немке Кирхгоф, которая и предсказала Пушкину гибель в 37 лет от белого человека (головой или лошади). В другой раз Пушкин и его молодой приятель В. А. Сологуб, купив на толкучем рынке сайки, стали «из проказ» предлагать их светским разряженным щеголям, фланирующим по Невскому проспекту, и те бегали от них с ужасом. Это и Летний сад, куда Пушкин, «вставши от сна», шел «в халате и туфлях» [12, с. 491]. И кондитерская Вольфа и Беранже на углу набережной р. Мойки и Невского проспекта (ныне дом 18), где Пушкин выпил свой последний стакан «лимонаду или воды» [2, т. 2, с. 378]. И дорога на Черную речку...

На одном лишь «пиковом перекрестке» Гороховой и Малой Морской улиц сошлись сразу четыре адреса, напрямую или опосредованно связанные с именем поэта. Так, в угловом доме по ул. М. Морская 10/10 жила княгиня Наталья Петровна Голицына, которую по петербургской традиции принято считать прообразом графини из повести Пушкина «Пиковая дама». «При дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной и, кажется, не сердятся», – записал поэт в своем дневнике 7 апреля 1834 г. [12, т. 8, с. 43]. Пушкин бывал в доме Голицыной в 1830-х годах, когда княгиня, дожившая до 97 лет, была уже в довольно преклонном возрасте. Напротив дома Голицыной в доме по М. Морской ул. 13/8 в октябре 1893 года скончался П. И. Чайковский. А чуть дальше в доме № 4 по Гороховой ул. (тогда ул. Дзержинского), знаменитом многими своими обитателями, жила народная артистка СССР С. П. Преображенская (1904 – 1966), меццо-сопрано, легендарная исполнительница партии графини в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама» на сцене Мариинского театра (тогда Ленинградский театр оперы и балеты).

А на противоположной стороне в угловом доме по М. Морской ул. 15/7 в пушкинские времена находился знаменитый французский ресторан Дюме¹, среди постоянных посетителей которых был Пушкин, его близкие и друзья. Здесь 19 февраля 1832 года книгопродавец А. Ф. Смирдин отмечал новоселье – переезд своей книжной лавки от Синего моста на Невский проспект. На обед “от Дюме”

¹ Дюме (Dume) А. – француз, с 1829 содержатель ресторации в Петербурге, открытым в начале 1820-х гг. французом Андрие, бывшим военнопленным 1812 года, оставшимся в России; с середины 1830-х гг. рестораном владела вдова Дюме.

были приглашены все русские литераторы, находившиеся в то время в Петербурге, включая Пушкина: «тут соединились в одной зале и обиженные, и обидчики, тут были даже ложные доносчики и лазутчики...» [2, т. 2, с. 107]. В июне 1835 года у Дюме состоялся «тайный кутеж с участием дам» – тригорских знакомых поэта, П. А. Осиповой и А. П. Керн. Пушкин и А. Вульф угощали [2, т. 2, с. 216]. Годом раньше на обеде у Дюме Пушкин познакомился с «котильонным принцем»¹ Жоржем Дантесом, своим будущим убийцей [2, т. 2, с. 182].

В 1930-е годы XX века помещение, в котором в пушкинские времена располагался ресторан Дюме, занимал рабочий кооператив «Красная звезда», где его члены по специальным книжкам имели возможность купить продукты. Над окнами первого этажа этого дома со стороны улицы Гоголя красовалось изображение ордена Красной звезды — одной из первых наград советского государства. В непродолжительный период отмены карточек жители окрестных домов могли ходить сюда за покупками. Рядом с кооперативом находился закрытый распределитель ГПУ, куда рядовым горожанам вход был закрыт [1, с. 36-37].

После войны в помещениях, занимаемых прежде распределителем и кооперативной лавкой, разместился безымянный, общедоступный продовольственный магазин. И хотя к тому времени вывеска с Красной звездой уже была снята, в памяти бывалых горожан эта приметная особенность дома запечатлелась надолго, став народным названием семейного гастронома – “Звездочка”. Здесь в благополучные 1950-е, наряду с другими повседневными продуктами питания, петербургские/ленинградские интеллигенты из окрестных “доходных” домов поутру покупали свежую развесную красную икру – немного, “грамм 100 к завтраку”.

В декабре 1998 г. в помещении бывшего французского ресторана пушкинского Петербурга Дюме и ленинградского магазина “Звездочка” обосновался новый “общепит” под названием “da Vinci”, презентуемый его хозяевами как ресторан-клуб, интерьер которого «выдержан в духе одного из гениев эпохи возрождения – Леонардо Да Винчи... конструктора и изобретателя – как «Эпоха Возрождения Вкуса». В ассортименте «эпохи» – стандартный набор статусных аксессуаров: корпоративные вечеринки, музыкальные шоу, модные шоумены, караоке, спутниковое телевидение. В меню – лазанья, борщ с ватрушкой. Гостям ресторана обещается, что в окружении всего выше перечисленного они, «согретые вековым дыханием Старого Города», проведут незабываемую ночь².

Новые времена, новые нравы. Как здесь не вспомнить К. И. Чуковского, писавшего еще в 1919 году: «Прежней культурной среды уже нет – она погибла, и нужно столетие, чтобы создать ее» [13, с. 122].

Стремительно исчезает и “племя” петербуржцев – грядут “иные” племена.

¹ Так называла Ж. Дантеса Анна Ахматова.

² Ресторан «Да Винчи»: История ресторана. – URL //http://davinci.spb.ru/history_rus.html (дата обращения 15 апреля 2013).

*Порвалась дней связующая нить
Как мне обрывки их соединить!*¹

Как все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем к Дюме заглянуть хоть на четверть часа².

Список литературы

1. Бройтман, Л. И. Гороховая улица. — СПб.: Крига, 2010. — 424 с.
2. Вересаев, В. В. Пушкин в жизни: сист. свод подлинных свидетельств современников: в 2 т. — М.: Локид – пресс, 2001.
3. Вигель, Ф. Ф. Записки : в 2 кн. / Ф. Ф. Вигель. — М.: Захаров, 2003. Кн. 1. — 608 с.
4. Власов, В. Г. Стили в искусстве: словарь. — СПб.: Кольна, 1995. — 672 с.
5. Гоголь, Н. В. Невский проспект // Гоголь Н.В. Собрание художественных произведений в 5 т. — М.: Изд-во АН СССР. 1959. Т. 3. — С. 7 – 57.
6. Голдовский, Г. Н. Стиль жизни – стиль искусства // Картина, стиль, мода / Альманах. Вып. 236. — СПб: Palace Editions, 2009. — С. 7 – 15
7. Готье, Т. Путешествие в Россию. — М.: Мысль, 1990. — 398 с.
8. Данилова, И. Е. «Исполнилось полнота времен...» : размышления об искусстве : ст., этюды, заметки. — М.: РГГУ, 2004. — 589 с.
9. Каган, М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб.: Славия, 1996. — 408 с.
10. Кюстин, де А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. — Л.: Лениздат, 1991. — С. 421—660.
11. Лихачев, Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст — СПб. : Наука, 1991. — 371 с.
12. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. — М. Изд-во Акад. наук СССР. 1957—1958.
13. Чуковский, К. И. Дневник (1901—1929). — М.: Советский писатель, 1991. — 541 с.

¹ В. Шекспир – Б. Пастернак

² Здесь перефразируются строки из стихотворения Б. Окуджавы «Былое нельзя вернуть...»: «А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем поужинать в “Яр” заскочить хоть на четверть часа».

Из истории отечественной науки

УДК 612.821; 316.6

К истории создания работы В. С. Дерябина «О потребностях и классовой психологии»^{*}

Забродин Олег Николаевич – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации», кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук. Россия, Санкт-Петербург. ozabrodin@yandex.ru
193232, Санкт-Петербург, ул. Дыбенко, д. 23, корп. 3, кв. 2.
Тел.: 8(812)585-60-13

Главными проблемами, которыми занимался В. С. Дерябин – физиолог и психиатр, ученик Э. Крепелина и И. П. Павлова, явились психофизиологическая проблема, к изучению которой он подходил с позиций материалистического монизма, и проблема аффективности – чувств, влечений и эмоций. В Главе 1 «Об органических потребностях» автор конкретизирует психофизиологические механизмы биологических потребностей в аспекте поддержания физико-химического постоянства внутренней среды организма (гомеостаза). В Главе 2 «Классовая психология» автор выдвигает схему возникновения классовой психологии и восприятия классовой идеологии, важным промежуточным звеном в которой является аффективность.

Ключевые слова: психофизиологическая проблема; аффективность; биологические потребности; классовая психология; классовая идеология.

To History of Creation of a Work by V. S. Deryabin “On the Needs and Psychology of classes”

Zabrodin Oleg Nikolaevich – The State Budget Educational Institution of the Highest Professional Education “St. Petersburg State Medical University Named after Academician Pavlov, Ministry of Public Health of Russian Federation”, Anesthesiology and Resuscitation Department, senior collaborator, Doctor of Medical Sciences. St. Petersburg, Russia. E-mail: ozabrodin@yandex.ru
193232, St. Petersburg, 23 Dybenko st., block 4, apartment 2.
Phone: 8(812) 585 60 13.

^{*} © О. Н. Забродин, 2013

The main problems for V. S. Deryabin – the physiologist and the psychiatrist, E. Krepelin's and Pavlov's pupil, were a psycho-physiological problem to which studying he approached from positions of a materialistic monism, and an affectivity problem – feelings, inclinations and emotions. In Chapter 1 “On organic needs” the author concretizes psycho-physiological mechanisms of biological needs in aspect of maintenance of physical and chemical constancy of the internal environment of an organism (homeostasis). In Chapter 2 “Psychology of classes” the author puts forward the scheme of emergence of class psychology and perception of class ideology an important intermediate link in which is affectivity.

Key-words: psycho-physiological problem; affectivity; biological needs; class psychology; class ideology.

Викторин Сергеевич Дерябин (1875 – 1955) – физиолог и психиатр, ученик и продолжатель дела Ивана Петровича Павлова, вслед за учителем всю свою научную жизнь посвятивший изучению закономерностей психической жизни человека. Главной проблемой, которой занимался В. С. Дерябин, являлась психофизиологическая проблема. В. С. Дерябин подходил к решению этой проблемы с позиций материалистического монизма – единства психических и физиологических процессов в головном мозге и во всем организме.

С психофизиологической проблемой тесно связана проблема аффективности – чувств, влечений (мотиваций) и эмоций, которой В. С. Дерябин непосредственно занимался в течение многих лет. В 1928 – 1929 гг. им был написан первый вариант монографии «Чувства, влечения и эмоции», в 1949 г. подготовлен ее окончательный вариант. В случае напечатания она могла бы стать первой книгой на эту тему. Однако этого не произошло вследствие идеологических установок того времени, согласно которым советский человек в своих действиях руководствуется сознанием, разумом, а не эмоциями, которые относили к сфере подсознания, изучавшейся З. Фрейдом. Последнего критиковали у нас как представителя реакционного направления в буржуазной психологии. Опубликовать книгу удалось лишь через 25 лет после смерти автора – в 1974 г.

В течение многих лет В. С. Дерябин творчески изучал марксистскую философию. В особенности его интересовал вопрос о путях передачи условий материальной жизни, в частности – производственных отношений, на сознание человека и формирование на этой основе классовой психологии и соответствующей идеологии. Этому вопросу он посвятил написанные в послевоенные годы работы: «О сознании» (вошла в книгу В. С. Дерябина «Психология личности и высшая нервная деятельность», Л., Наука, 1980) и «Об эмоциях, связанных со становлением в социальной среде» (в кн. В. С. Дерябин «Чувства, влечения, эмоции», Л., Наука, 1974). В наиболее полном виде эта проблема освещена им в работах «О потребностях и классовой психологии» и «О некоторых законах диалектического материализма в психологии», написанных в первой половине 50-х гг. Вторая часть работы «О потребностях и классовой психологии» - «Классовая психология» вошла в качестве раздела в

его монографию «Чувства, влечения и эмоции», подготовленную к печати в 1936 г.

Со стороны физиолога, разрабатывавшего психофизиологический подход к изучению важнейших проблем психологии (детерминизм человеческого поведения, анатомио-физиологический подход к изучению психических функций и др.), такой подход представлялся для того времени достаточно смелым. Тем более, что автор предлагал монографию, в частности, «как пособие для студентов медиков при прохождении курса психиатрии».

Дочь В. С. Дерябина, Нина Викториновна Дерябина, вспоминала, что отец возмущался тем, что те, к кому он обращался за рецензией на его монографию «Чувства, влечения и эмоции», ссылались на междисциплинарность работы, которая не давала им, специалистам в своей области, рекомендовать ее к печати. Примером может служить отзыв профессора К. И. Поварнина, известного психиатра и ученика В. М. Бехтерева. В своей рецензии от 04.06.1936 г. на «Чувства, влечения и эмоции» он писал следующее. «Не понятно, между прочим, почему автор ввел в свое сочинение главу о классовой психологии, весьма ответственную, но не соответствующую целеустановке его книги. Для оценки труда автора с философской точки зрения необходим отзыв специалиста философа».

Весной 1984 г. я обратился за рецензией на работу «О потребностях и классовой психологии» к известному социологу – профессору Борису Дмитриевичу Парыгину, который в ту пору работал в Институте социально-экономических проблем. Б. Д. Парыгина относят к основоположником научной социальной психологии в России. Он отметил, что в работе В. С. Дерябина отсутствует сопоставление с состоянием вопроса о классовой психологии в 30 – 40е гг. Это он объяснил тем, что указанным вопросом в ту пору почти никто не занимался, упомянув Ю. Франкфурта, который, по его мнению, один только писал о классовой психологии в 30-е гг. Б. Ф. Парыгин отметил, что даже если работа В. С. Дерябина была написана в середине 50-х гг., то и тогда она носит приоритетный характер, т.к. «к этому времени (после 30-х гг.) социальная психология еще не была реабилитирована». В заключении Б. Ф. Парыгин согласился в случае возможности опубликования работы «О потребностях и классовой психологии» написать предисловие к ней.

К сожалению, при подготовке к публикации монографии «Чувства, влечения, эмоции» в 1973 г. раздел «Классовая психология» не вошел в издание. Редактора издательства «Наука» С. И. Налбандян отпугнуло, по-видимому, название этого раздела, относящегося к сфере рассмотрения партийных идеологов.

Психофизиологический подход к изучению социальных эмоций, предпринятый В. С. Дерябиным, не нашел, к сожалению, понимания у психологов. Так, известный психолог Михаил Григорьевич Ярошевский, которому посылал на отзыв «О потребностях и классовой психологии», в ответном письме отметил, что не нашел для себя какой-либо связи между главами «Об органических потребностях» и «Классовая психология» этой работы. Подобное отношение, как представляется, отражает традиционные

взгляды психологов на социальную психологию как на науку, далекую от психофизиологии. Так, в известной монографии Б. Д. Парыгина «Социальная психология» (2003) отсутствуют термин «психофизиология» и упоминания о нашем великом исследователе физиологических основ психической деятельности И. П. Павлове. Между тем, для того, чтобы жить, люди должны в первую очередь удовлетворять свои биологические потребности с их психофизиологическими механизмами.

Об этом Ф. Энгельс сказал на похоронах К. Маркса так: «Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д. ...» (2, с. 350).

Работа В. С. Дерябина носит междисциплинарный характер, что, как указывалось, затрудняло ее оценку. Однако известно, что нередко интересные открытия бывали сделаны «на стыке наук». Известный нейропсихолог Д. В. Ольшанский в рецензии на книгу В. С. Дерябина «Психология личности и высшая нервная деятельность» отметил, что В. С. Дерябин значительно опередил своё время в «построении физиологии её (психической деятельности человека – О.З.) целостных форм, попытке ответа на вопрос о физиологических механизмах наиболее сложных видов сознательного, целенаправленного и саморегулирующегося поведения, т.е. о задаче создания «психологически ориентированной физиологии, «психологической физиологии» [1].

Список литературы

1. Ольшанский Д. В. Рецензия на книгу В. С. Дерябина «Психология личности и высшая нервная деятельность» // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1983. - № 4. – С. 618 – 620.

2. Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. Т. 19. – М., 1961. – С. 350 – 354.

Профессор В. С. Дерябин
О потребностях и классовой психологии
(Публикация О. Н. Забродина)*

Глава 1. Об органических потребностях¹

Г. В. Плеханов, рисуя картину становления взглядов на психофизиологическую проблему, приводит характерное высказывание Томаса Гексли: «В наши дни никто из стоящих на высоте современной науки и знающих факты не усомнится в том, что основы психологии надо искать в физиологии нервной системы» (1959, с. 25). Одни и те же процессы субъективно воспринимаются как психические переживания, а объективно изучаются как процессы физиологические. Отсюда – всякий психический процесс есть, в сущности, процесс психофизиологический. Материальная сторона психофизиологических процессов включена в общую цепь физиологических процессов, протекающих по законам причинности, а потому и психические процессы, неразрывно связанные с материальными процессами, являются не случайными субъективными реакциями, а объективно обусловленными и потому закономерно протекающими реакциями. Чтобы выяснить основу закономерности психического процесса, надо знать не только субъективную его сторону, но и ход физиологического процесса, с которым он связан.

В классовом обществе сознание человека определяется конкретно историческим бытием того класса, к которому он принадлежит. Изменения в экономической структуре общества меняют сознание и поведение людей.

Как происходит передача социальных влияний на психику? Если представлять психические явления свойством определенных материальных процессов, то возникает вопрос: на какие материальные структуры и как оказывают влияние факторы социальные?

Ф. Энгельс в письме Ф. Мерингу писал следующее: «...упущен еще только один момент, который, правда, и в работах Маркса, и моих, как правило, недостаточно подчеркивался... А именно – главный упор мы делали, и *должны были делать*, сначала на *выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. д.» (Энгельс Ф., т. 39, с. 82).

* © О. Н. Забродин, 2013

¹ В настоящее время термины «органические потребности» и «органические влечения» заменены на «биологические потребности» и «биологические мотивации». [Примечание О. Н. Забродина].

Ф. Энгельс здесь ставит два вопроса: 1) о связи содержания идеологии с факторами социально-экономическими – какие идеологические представления возникают в связи с определенными социальными условиями, и 2) каким образом возникают представления под влиянием основных экономических факторов, другими словами – как происходит передача влияний экономики на психику. Субъективно человек не сознает связи своих переживаний с объективными материальными процессами, протекающими в организме. Свои действия он выводит из своего мышления, своих желаний, планов. Объективная обусловленность этих действий остается вне его сознания. Действия кажутся произвольными, а не детерминированными объективными, закономерно протекающими процессами.

Человек вырубает и насаждает леса, осушает болота и орошает поля и таким образом изменяет климат. Если бы все его действия были произвольными, то оказалось бы, что в мир явлений материальных, протекающих закономерно, включаются явления произвольные, и, следовательно, тем самым нарушалась бы цепь причинности в явлениях природы. С другой стороны, статистика показывает постоянство человеческих действий. Количество браков, самоубийств, преступлений и т. д. повторяется из года в год, а их колебания могут быть поставлены в связь с определенными изменениями в социальной жизни. Можно с большой точностью предсказать, подобно тому, как предсказывают явления природы, сколько в следующем году будет выпито водки, пива или выкурено табаку. Статистика заставляет признавать психические процессы закономерными. Отсюда вытекает заключение о закономерности человеческих действий вопреки их субъективной произвольности. Ф.Энгельс (1961) по этому поводу писал: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей (которые, при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира» (с.493). Этими словами Энгельс говорит о том, что ключом к пониманию человеческих действий являются потребности, а не мышление. Человека побуждают к действиям в первую очередь его биологические потребности, то есть потребности организма, без удовлетворения которых нельзя жить. К ним относятся: голод, жажда, потребность в одежде и жилище и проч.

Психология до сих пор слишком мало уделяла внимание роли биологических потребностей, которую они играют в психике человека. В учебниках психологии этому вопросу не уделяется почти никакого внимания. К настоящему времени в физиологии накопился значительный материал, который позволяет уяснить психофизиологию органических потребностей (органических влечений).¹

¹ Слова «органические потребности» и «органические влечения» относятся к одному и тому же кругу явлений. Слово влечение подчеркивает внутреннюю движущую к объекту силу [Здесь и далее – примечания В. С. Дерябина].

Почти все органические влечения связаны с сохранением постоянства физико-химического состояния тела. Лишь функция полового влечения - сохранение рода.

Кровь человека сохраняет в известных пределах постоянный химический состав (**изохемия**) – определенное постоянство количества белков, жиров, глюкозы, холестерина и др. **Изохемия** обеспечивается возникновением чувства голода при уменьшении количества питательных веществ, и в первую очередь – глюкозы. **Изоиония** – постоянное соотношение концентраций катионов и анионов поддерживается дыханием; **изотония** – постоянное осмотическое давление, о нарушении которого сигнализирует жажда, сохраняется благодаря восполнению дефицита жидкости в организме; **изотермия** (постоянство температуры тела) сохраняется у человека не только благодаря физиологической терморегуляции, но и благодаря искусственному поддержанию благоприятной внешней температуры тела при помощи одежды и жилища.

Сохранение физико-химического постоянства организма (гомеостаз по У.Кеннону) – необходимое условие его существования. Таким образом, биологическими потребностями (органическими влечениями) называются психофизиологические реакции, служащие для поддержания физико-химического постоянства тела индивида и сохранения рода. В целом физиологические реакции, лежащие в основе влечений, чрезвычайно сходны как по своей анатомической структуре, так и в психофизиологическом функционировании. В качестве типичного примера приведу вкратце учение о голоде.

Кровь, обедневшая питательными веществами («голодная кровь»), вызывает возбуждение в клетках серого бугра¹, представляющих один из отделов «пищевого центра»².

Отсюда возбуждение передается на клетки висцерального ядра блуждающего нерва. Из этого ядра по блуждающему нерву идут импульсы к мышечным волокнам стенки желудка и вызывают их сокращение. При сокращении мышцы сжимают окончания чувствительных нервов, находящихся в стенке желудка; возникшее при этом возбуждение распространяется в центральную нервную систему (ЦНС.). При этом возникает чувство голода. Болезненное ощущение голода вызывается подобно тому, как при судороге мышц, например, икроножных. При этом сократившиеся мышечные волокна производят давление на окончания чувствительных нервов в мышцах, вследствие чего возникает боль.

В основе такого понимания чувства голода лежат следующие экспериментально установленные факты. В. Н. Болдырев (1904) установил, что при отсутствии пищеварения возникает периодическая деятельность желудка.

¹ Серый бугор находится на основании мозга под зрительным бугром – в гипоталамической области.

² И.П.Павлов (1951б, т.Ш, кн.1, с.157) подразумевал под этим словом совокупность отделов ц.н.с., регулирующих прием пищевых веществ

Через каждые полтора-два часа возникают ритмические сокращения желудка, продолжающиеся 20 – 30 мин. При голодании свыше 2 – 3 дней периодическая деятельность желудка прекращается, и через тот же срок исчезает субъективное ощущение голода. У. Кеннон (Cannon W., 1936) приводит такие данные. Один его сотрудник приучил себя вводить в желудок зонд и удерживать его в течение 2 – 3 часов. Затем к концу зонда стали прикреплять тонкостенный резиновый баллон. После введения зонда баллон раздували до определенного объема и соединяли конец зонда с водяным манометром. При сокращении желудка вследствие повышения давления воздуха в баллоне вода в манометре поднималась, и подъем ее записывался на барабане кимографа. Перед опытом сотрудник воздерживался от завтрака. После введения зонда он должен был при появлении голода нажимать на телеграфный ключ и тем включать электромагнитный отметчик. Оказалось, что всякий раз, как испытуемый чувствовал голод, на кимографе отмечался подъем кривой, указывавший на сокращения желудка. При этом оказалось, что субъективные ощущения соответствовали объективно установленным сокращениям желудка. Также было установлено, что во время голодных сокращений желудка происходило отделение желчи и сока поджелудочной железы. Таким образом, сокращениями желудка вызывается чувство голода и тем дается побуждение к принятию пищи. В то же время секреторный и моторный аппараты желудочно-кишечного тракта приводятся в состояние готовности к принятию и перевариванию пищи.

Наблюдения над собаками без коры головного мозга показали, что центральные нервные механизмы, приводимые в действие «голодной кровью», продолжают работать и после удаления коры, и, следовательно, центры, управляющие ими, находятся под корой. По описанию Ф. Гольца (Goltz F., 1892), собака без больших полушарий, когда проходил определенный срок после приема пищи, начинала ходить беспокойнее, иногда ставила передние лапы на барьер, делала жевательные, лакательные и глотательные движения и, наконец, издавала звуки, которые Ф. Гольц назвал звуками нетерпения. Через полтора месяца после операции декорткации затруднения в процессе еды у собаки прошли: она очень хорошо жевала и глотала пищу. Длинную полоску мяса, свисавшую изо рта, она не откусывала, а втягивала в рот. Хлеб жевала достаточно долго. Куриную кость разгрызала коренными зубами. Сначала ела жадно, затем, по мере наполнения желудка, жевательные движения становились более неторопливыми. Затем она переставала есть, а при вкладывании мяса в рот роняла его неразжеванным. На разные сорта пищи она реагировала неодинаково, охотнее жевала вкусный кусок. Так, кусок мяса, обмазанный маслом, она формировала в комок, годный для глотания, скорее, чем, если бы мясо было обмакнуто в молоке, и ни разу не проглотила кусок с дурным вкусом (смазанного раствором хинина, колоквины или 0,5% соляной кислоты). Таким образом, у собаки без коры головного мозга потребность в пище вызывает двигательные проявления общего характера и специальные автоматизмы, относящиеся к акту еды (жевание, глотание). При этом акт еды протекает как у нормальной собаки, и с наполнением желудка падает возбуждение пищевого центра. Такая собака на разные сорта пищи реагирует

различным образом. Все эти реакции представляют собой варианты возбуждения пищевого центра. Анализ качества принимаемой пищи зависит от его отдела, находящегося в гипоталамусе. В нем обнаружены группы клеток, отличающиеся различной химической возбудимостью и «заведующие» обменом белков, жиров, углеводов, воды, солей и проч. Как известно, при так называемом частичном голодании: при отсутствии в пище жиров или белков или углеводов проявляется влечение к тем веществам, в которых нуждается организм, и они получают особо приятный вкус. Лабораторные опыты А. А. Савича (1913) показали, что при поедании собакой исключительно одного съедобного вещества (например, сахара) в течение продолжительного времени в избыточном количестве условные рефлексy на него падают до нуля. Животное отказывается его есть, а при искусственном его введении возникает не густая «пищевая» слюна, а жидкая, как при реакции на отвергаемые вещества. При переходе на нормальную смешанную пищу, условные рефлексy на нее, несмотря на большое количество съедаемой пищи, держатся высокими и слабо подвергаются торможению. Повышенная потребность животного в пище, которой оно раньше не получало, может быть прослежена по величине условных рефлексy и продолжается у разных животных в течение различного времени. Таким образом, отделы пищевого центра, заведующие приемом определенных веществ, необходимых для организма, самостоятельны в своей функции и могут отдельно подвергаться возбуждению или торможению. Очевидно, состояние этих центров оказывает влияние на чувственную оценку принимаемой пищи. Чувственные реакции, как установлено Г. Гедом и Г. Холмсом (Head H., Holmes G., 1911), зависят от состояния зрительного бугра.

У человека при питании исключительно мясом и полном исключении углеводов вкус мяса вызывает отвращение, а богатая углеводами пища – овощи, фрукты и др. кажется необычайно вкусной. Следовательно, надо полагать, что из центров, участвующих в регуляции белкового и углеводного обменов, в зрительный бугор идут импульсы, которые меняют реакцию определенного его отдела на вкусовые раздражения. Таким образом, у собаки без коры головного мозга совершается ряд сложнейших безусловных рефлексy, регулирующих прием пищи. Как уже упоминалось, центральные механизмы, приводимые в движение «голодной кровью», работают и после удаления коры головного мозга и, следовательно, центры, ими управляющие, находятся под корой. Однако такое животное (собака) может жить лишь в лабораторных условиях: не узнает хозяина, не реагирует на кошку и на замахивание на себя палкой и не может найти пищу, если последняя лежит даже у нее под носом или на ней самой. «Безкорковая» собака не различает сигналов, приходящих из внешнего мира: не в состоянии различать предметы и ориентироваться во внешнем мире. Собака с неповрежденной корой головного мозга способна на основании сформировавшихся в коре следов к образованию временных связей и узнаванию предметов с их свойствами. Вид предмета становится сигналом других его свойств. При этом вид, запах мяса или хлеба сочетается с вкусовыми их свойствами. Для здоровой собаки мир полон сигналов, позволяющих различать и отыскивать необходимые ей предметы.

Как показывают опыты с «мнимым кормлением»¹, у здоровой собаки вид и запах пищи вызывают в организме ряд реакций: выделяется слюна и наступает отделение желудочного сока. При этом желудочный сок выделяется не вследствие непосредственного действия пищи на слизистую желудка, а под влиянием условно-рефлекторного действия вида и запаха пищи («психический желудочный сок»). Это имеет для организма то значение, что действие соляной кислоты на слизистую оболочку выходной части желудка вызывает дальнейшее непрерывное его отделение, а действие кислого содержимого желудка на слизистую оболочку двенадцатиперстной кишки вызывает отделение панкреатического сока и желчи. Таким образом, «психический желудочный сок» дает толчок всему дальнейшему ходу пищеварения, поэтому И. П. Павлов назвал его «запальным». Кроме того, доказано, что условно-рефлекторным путем усиливается моторная деятельность желудка. Таким образом, благодаря образованию временных связей для животного делается возможной ориентировка во внешнем мире, отыскивание пищи, а благодаря условно-рефлекторным реакциям пищеварительный аппарат приводится в состояние готовности к принятию пищи². Но сигналы еды (вид, запах пищи, обстановка еды и др.) действуют на пищевой центр, вызывая слюноотделение и другие реакции подготовки к принятию пищи лишь при наличии пищевого возбуждения. У сытой собаки сигналы еды не вызывают никакой реакции. Лишь голод побуждает ее искать пищу и делает восприимчивой к пищевым сигналам.

И.П.Павлов так формулировал роль коры головного мозга и подкорки и их взаимоотношения: «...подкорковые узлы являются... центрами важнейших безусловных рефлексов или инстинктов: пищевого, оборонительного, полового и т. п., представляя, таким образом, основные стремления, главнейшие тенденции животного организма.... На фоне общей грубой деятельности, осуществляемой подкорковыми центрами, кора как бы вышивает узор более тонких движений, обеспечивающих наиболее полное соответствие с жизненной обстановкой животного. В свою очередь подкорка оказывает положительное влияние на кору больших полушарий, выступая в качестве источника их силы» (Павлов И.П., 1951в, т.3, кн.2, с.402).

У человека в связи с удовлетворением органических потребностей при помощи труда на базе последнего развилась психическая деятельность несравненно более сложная, чем элементарная условно-рефлекторная деятельность животных. Удовлетворение органических потребностей у

¹ В лаборатории И.П.Павлова у собаки перерезался пищевод, а концы его вращивались в рану, после заживления которой в образовавшееся отверстие вставлялась желудочная фистула. В результате съеденная пища вываливалась наружу. Собака подхватывала выпавшую пищу и тут же ее съедала. С неослабевающей жадностью собака продолжала есть в течение 1-2 часов одну и ту же жвачку, а из желудка через ранее вживленную в него фистулу выделялся не смешанный с пищей чистый желудочный сок (Павлов И.П., 1951а).

² Выше говорилось, что аналогичное влияние оказывает реакция голода, действуя по типу условного рефлекса.

человека ставится в связь со всем богатством его психики, но психические процессы и на новом этапе эволюции протекают так же неразрывно с физиологическими процессами.

Ряд психических реакций человека при голоде указывает на закономерные взаимоотношения подкорковых центров и коры. Когда возникает потребность организма в приеме пищи, голод напоминает нам о еде; напряженной физической или умственной работой можно задержать проявление чувства голода, но лишь на время; раньше или позже голод заявит о себе. Возникают конкретные представления о еде и способах получения пищи. Даже во сне у ленинградцев, голодавших во время блокады, голод вызывал соответственные образы – «голодные сны». Возникновение представлений о еде под влиянием голода указывает, что из пищевого центра при возбуждении последнего «голодной кровью» идут импульсы к коре головного мозга. Функция коры при этом протекает под влиянием подкорки.

Однако наблюдается и обратное: влияние корковых процессов на подкорковый отдел пищевого центра. Вид, запах пищи и целый ряд раздражений, ассоциировавшихся с едой (например, вид накрытого стола и т.п.), усиливают голод, пищевое возбуждение, вызывают слюноотделение, отделение желудочного сока, подобно тому, как это было установлено у людей с желудочной фистулой.

От коры головного мозга могут идти к пищевому центру не только возбуждающие импульсы, но может возникать и тормозящее влияние. Вид объектов и представления, вызывающие отвращение, подавляют голод. Таракан в супе может сильно охладить аппетит, если голод не очень силен. Первое посещение анатомического зала может испортить аппетит, особенно к мясу, на целый день и даже больше.

Таким образом, из коры головного мозга могут идти к подкорковому отделу пищевого центра импульсы как усиливающие возбуждение последнего, так и тормозящие его. Подкорковые отделы пищевого центра и кора мозга находятся в таком взаимодействии, что первые могут действовать на корковые процессы и обратно – импульсы, исходящие из коры, могут действовать на пищевой центр возбуждающе или тормозящее.

Если голод достигает доминирующей роли, то он может всецело охватить психику, подавить брезгливость. Голодный набрасывается на всякую пищу, голод заставляет съедать неудобоваримую, испорченную, отвратительную пищу, в определенных условиях доводя до трупоедения. Голодом у психически неустойчивых субъектов срываются прочно выработанные социальные торможения и под его влиянием могут совершаться самоубийства и всякого рода преступления: кражи, убийства. Здесь следует напомнить слова Л. Фейербаха: «Если у тебя от голода и по бедности нет питательных веществ в теле, то в голове твоей, в твоих чувствах и твоём сердце нет материала для нравственности». У голодного все обычные интересы отступают на второй план, кажутся мелкими. Он для них становится недоступен. Для голодного самая увлекательная книга теряет интерес, и он не способен наслаждаться

прогулкой. Все напоминает голодному о еде, воздействуя сильнейшим образом на характер поведения.

Пока человек голоден, запах пищи кажется ему чрезвычайно вкусным, но вот он поел, и запах пищи превращается для него в «кухонный чад», а если он объелся, то вид пищи может ему показаться неприятным. В опытах на животных экспериментально доказано, что при насыщении от переполненного желудка идут импульсы к пищевому центру. В лаборатории И. П. Павлова было установлено, что величина слюноотделения на условные раздражения у собак после ряда подкармливаний к концу опыта падает, следовательно, пищевое возбуждение уменьшается. Опыты на собаках с фистулой пищевода, у которых съеденная пища вываливается наружу, не достигая желудка, показали, что падения условного возбуждения у них не происходит. Отсюда можно заключить, что при попадании пищи в желудок рефлекторно развивается тормозящее действие на пищевой центр, понижающее его возбудимость. Значение этой реакции понятно само собой. Если бы голод прекращался лишь после всасывания пищи, то организму пришлось бы страдать от переполнения желудка, связанного с избыточным потреблением пищи под влиянием неудовлетворенного чувства голода. Падение аппетита в зависимости от степени наполнения желудка предохраняет от переедания и связанных с ним последствий. Этим актом еще раз демонстрируется неразрывная связь реакций психических с физиологическими процессами.

Влияние голода на психику вкратце можно резюмировать так.

1. Голод влияет на течение ассоциаций. Он оказывает включающее действие на представления, связанные с едой, и тормозит возникновение других ассоциаций. При сильном голоде психика всецело захватывается представлениями о еде, теряется способность оторваться от узкого круга представлений, вызванных влечением.

2. Восприятие и внимание становятся односторонними. Сытый проходит мимо вкусных пищевых продуктов, выставленных в окне магазина, не замечая их; голодный, наоборот, не останавливает внимания ни на чем, кроме еды. Из внешних раздражений он реагирует на те, которые касаются его влечения и способов его удовлетворения. Голод может нарушать объективность суждений о людях.

3. Голод побуждает мышление изыскивать способы своего удовлетворения. Мышление приковывается к поставленной цели и работает до тех пор, пока задача не будет решена.

4. По мере голодания психическая и физическая активность животных и человека растет, проявляясь в действиях, направленных на добывание или получение пищи. При этом проявляется максимум энергии, если сильное голодание не вызвало упадок сил и апатию¹.

Человек с его богатством психики далеко ушел от животных, живущих исключительно жизнью влечений. У человека они подвергаются различным

¹ При полном голодании аппетит исчезает через 3-4 дня.

торможениям и регулированию. Не у всякого голод срывает моральные задержки и не всякий доходит до трупоедения. Иной при голоде самоубийство предпочтет убийству. Голод не заставил ленинградцев в блокаду сложить оружие. Этими фактами не опровергается могущественное влияние влечений на психику человека, а указывается лишь на то, что детерминирование реакций у человека значительно сложнее, чем у животного. И для человека, стоящего на высшей ступени психического развития, удовлетворение органических потребностей остается вопросом жизни. Они освобождают человека от своего давления, лишь когда удовлетворены, когда организм получает то, что необходимо для его жизни.

Другие, кроме голода, органические влечения в своей психофизиологической структуре построены по той же схеме, как и голод.

При отклонениях физико-химического состава крови, необходимого для функционирования здорового организма, или под влиянием гормонов половых желез раздражаются нервные центры, чувствительные к определенным химическим веществам, функционирующие в качестве контрольных и регулирующих аппаратов. Эти аппараты, контролирующие физико-химическое состояние крови, принадлежат к вегетативной нервной системе и находятся в ее центрах, расположенных в стволе мозга. Раздражение этих центров вызывает сокращение гладкой мускулатуры определенных органов тела. При этом вследствие сдавливания окончаний чувствительных нервов вызываются тягостные ощущения: голод, жажда, ощущения при затруднении дыхания, чувство напряжения в половых органах и др. Отрицательный чувственный тон ощущений побуждает к их устранению, а удовлетворение влечений сопровождается чувством удовольствия. Интенсивность тягостных ощущений голода, жажды и др. и удовольствие от удовлетворения влечений растут вместе с силой возбуждения, производимого в нервных центрах измененным составом крови. Физиологические центры, участвующие в осуществлении влечений, локализируются в подкорковых образованиях и находятся в тех же функциональных отношениях с корой, как и пищевой центр.

Со стороны психической имеет место аналогичное влияние влечений на интеллект: 1) так же вызываются представления, связанные с влечением, и выключаются другие представления; 2) все влечения аналогичным образом влияют на восприятие и фиксируют внимание, 3) побуждают мышление искать пути к их удовлетворению, 4) вызывают и направляют активность на их удовлетворение.

Итак, органические влечения представляют субъективные явления, которые объективным исследованием ставятся в неразрывную связь с возбуждением определенных мозговых центров, вызываемым физико-химическими изменениями в организме.

На вопрос о том, как устанавливается соотношение между различными влечениями, как ставится на очередь удовлетворение то одного, то другого из них, дает ответ учение о доминанте А. А. Ухтомского, которое вкратце сводится к следующему.

Если организм получает раздражение при отсутствии какого-либо значительного очага возбуждения в ЦНС, то вызывается тот или иной рефлекс: коленный, ахиллова сухожилия и т. д. Иначе протекает реакция, если в ЦНС имеется налицо сильный очаг возбуждения. У кошки электростимуляция определенных фокусов в сигмовидной извилине коры головного мозга вызывает движения в задних конечностях, но если вливанием воды в рот у нее подготовить глотательные движения, то стимуляция тех же мест в коре головного мозга уже не вызывает движений в задних конечностях, а усиливает глотательные движения. Если отравить стрихнином у обезглавленной лягушки ту часть спинного мозга, где находятся центры передних конечностей, то возбудимость этих центров резко повышается. При этом условии рефлекс передних конечностей начинает вызываться раздражением различных мест кожи, откуда они обычно не вызываются. Если, например, раздражать места кожи, с которых обычно вызывается рефлекс задних конечностей, то при наличии очага возбуждения в центрах передних конечностей рефлекс задних конечностей уже не возникает, а совершается рефлекс передних конечностей.

Имеющиеся в ЦНС очаги возбуждения привлекают к себе вновь возникающие волны возбуждения, при этом тормозят работу других центров и могут тем самым изменять работу нервной системы.

Господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров в данный момент, А. А. Ухтомский (1950) предложил назвать «доминантой». В его лаборатории изучались не только искусственно вызываемые доминанты, но исследовалась и физиологически возникающая естественная доминанта (Уфланд Ю.М., 1925). Весной, в период полового влечения у лягушек появляется так называемый обнимательный рефлекс. Самец охватывает передними конечностями самку, сжимая ей грудь. При этом даже сильнейшее раздражение, например, обрезывание частей задних конечностей или сжигание их на пламени свечи, прерывает рефлекс не сразу, а лишь по истечении некоторого времени. Самку заменили баллоном; самец сжимал его так же, как самку, а при посредстве воздушной передачи точно регистрировалась на ленте кимографа сила обнимательного рефлекса. Оказалось, что если самцу при этом наносить раздражения, которые обычно вызывают местный рефлекс или общее передвижение лягушки, то при наличии обнимательного рефлекса такие раздражения в первую очередь усиливают именно этот рефлекс, вызывая в то же время и местный рефлекс. Следовательно, в период обнимательного рефлекса возбуждение, приходящее в спинной мозг, легко передается и воспринимается центрами сгибателей передних конечностей, которые в это время находятся в состоянии возбуждения. Этот очаг возбуждения возникает в половой период под влиянием внутренней секреции семенников. В данном случае он усиливает обнимательный рефлекс. У кастрированного самца обнимательный рефлекс не появляется, но, если впрыснуть эмульсию яичек, рефлекс возникает вновь. Это – гормональная доминанта, возникающая под влиянием внутренней секреции. И здесь мы видим, что доминанта усиливается различными притекающими к ней возбуждениями и всякое

возбуждение трансформирует в направлении содействия тому акту, на который устремлены в данный момент силы организма.

Доминанта, накапливая в себе возбуждение от отдаленных раздражений и тормозя работу других центров, оказывает часто решающее влияние на совокупную работу центров. «Совокупная работа центров определяется подвижно тем, куда в данный момент переносится господствующий очаг возбуждения» (Ухтомский А.А., 1950, с. 198).

Для доминанты характерны два момента: 1) привлечение к ней возбуждения из самых различных центров; 2) наряду с возбуждением центров в пределах доминанты - наличие явлений торможения в других центрах. Вновь возникающее в нервной системе возбуждение лишь при том условии отклоняется в сторону доминанты и усиливает обусловленные ею реакции, если раздражение не превышает определенной силы. Лишь субдоминантные возбуждения отклоняются в сторону доминанты. При сильном новом возбуждении может возникнуть новая доминанта, но возникновение второй доминанты несовместимо с первой и ведет к исчезновению первой. Преобладание той или иной доминанты решается относительной силой возбуждения центров. Господствующий очаг возбуждения определяет реакцию лишь на субдоминантные посторонние раздражения.

Конец доминанты может быть: 1) экзогенный — вследствие возникновения новой доминанты под влиянием сильных внешних раздражений и 2) эндогенный. Так, глотание представляет цепной рефлекс, направленный на совершение определенного акта; когда этот акт совершился, глотание произошло, наступает конец доминанты. Сюда же относятся колебания в интенсивности и конец половой доминанты у лягушки в связи с сезонными изменениями в деятельности эндокринного аппарата.

По мере затухания доминанты все более суживается рецепторное поле, с которого вызывается доминирующий рефлекс, и ограничивается круг раздражений, подкрепляющих доминанту. И в то же время «все менее тормозятся прочие реакции, постепенно выходя из сферы влияния доминанты» (Ухтомский А.А., 1950, с. 199).

Под естественной доминантой надо понимать возбуждение не одного какого-нибудь нервного центра, а совокупности нервных центров, участвующих в осуществлении определенной функции. Например, половая доминанта включает возбуждение центров в коре головного мозга, подкорковых образованиях, продолговатом мозге, поясничном отделе спинного мозга и в секреторной и сосудистой системах.

Учение о доминанте дает понимание динамики течения очагов возбуждения, возникающих в связи с потребностями организма, и взаимоотношения различных органических влечений между собой. Очаг возбуждения, вызванный органической потребностью, протекает по типу доминанты.

Влечение, достигнув значительной силы, может получить господство над психикой и поведением человека: вызывает соответственные представления, фиксирует внимание на желаемых объектах, давит на мышление,

приковывает его к нахождению способов удовлетворения влечения и побуждает интеллект до тех пор работать в нужном направлении, пока не будет найден удачный исход. Влечение, ставшее доминирующим, определяет в силу объективного хода процесса все поведение. Все другие влечения тормозятся. Все посторонние представления и мотивы теряют силу и значение. Обычные мотивы поведения пасуют перед влечением, получившим силу доминанты. Психика охватывается господствующим желанием, пока оно не удовлетворено; но как только влечение удовлетворено, так значение объекта влечения падает, власть над психикой и удовольствие, им доставляемое, исчезают. Муки голода могут всецело захватить человека, могут подавить даже столь сильное чувство, как чувство самосохранения. Но вот человек насытился; доминанта исчезла, и человек равнодушно смотрит на вкусную пищу, а объевшемуся даже неприятно смотреть на нее. Намерзнувшемуся человеку кажется счастьем попасть в теплую комнату, а, находясь долгое время в тепле, человек перестает получать удовольствие и просто не замечает температуры воздуха.

Изнывающему от жары приятно войти в сырой прохладный подвал. Он мечтает о прохладном ветерке. Человеку, истомленному жаждой, глоток холодной воды кажется блаженством, а для человека, плывущего по реке в холодный дождливый день, вода — неприятная «сырость», и вы не упрсите его выпить стакан воды. Повышенное выделение половых гормонов может привести к эротизации психики, а после ранней кастрации или при неразвитии половых желез мы имеем дело с асексуальным субъектом, у которого половые вопросы столь же мало привлекают внимание, как мысль о питье воды у человека, не чувствующего жажды.

В сфере влечений на каждом шагу приходится наблюдать, что реакции удовольствия на одинаковые раздражения крайне изменчивы и определяются состоянием организма в данный момент. То одна, то другая потребность получают значение доминанты. Наиболее сильная потребность получает доминирующее значение, но коль скоро одна потребность удовлетворена — на первый план выступает другая, завладевая вниманием. Гаснет одна доминанта, и из субдоминантного возбуждения возникает новая доминанта. Неудовлетворенное слабое влечение заявляет о себе сильнее, чем удовлетворенное сильное. Так ставится на очередь удовлетворение то одной, то другой потребности организма, и активность его направляется на удовлетворение потребностей в зависимости от их значения для организма в данный момент.

Субъективно человек свободен и переживает смену личных желаний; по собственному желанию он действует для удовлетворения своих потребностей. Он не знает о действующих на его психику физиологических механизмах. В частности, он не знает о том, что находится под влиянием физиологических реакций, вызванных «голодной кровью», а чувствует лишь неприятные ощущения голода и что есть — приятно; ест, потому что таково его желание.

Одно желание в области органических влечений сменяется другим. Если органические влечения удовлетворены и не дают о себе знать, то выступают

другие влечения и желания, и действия по их удовлетворению получают другое направление. А из индивидуальных желаний и действий, протекающих, как кажется, в условиях своеобразной, неповторимой жизненной ситуации, слагаются объективные результаты. Они постоянством статистических цифр браков, рождений, самоубийств, преступлений и т.д. говорят о том, что психическая жизнь человека и его поведение протекают под влиянием закономерных процессов, которые делают психические реакции и все проявления жизни человека столь же закономерными и объективно обусловленными, как и другие проявления материальной жизни.

У животных есть лишь органические потребности и элементарные способы их удовлетворения. У человека благодаря труду и условиям социального существования, психика поднялась на несравненно более высокий уровень; удовлетворение потребностей чрезвычайно усложнилось; человек добывает железную руду или уголь, чтобы получить хлеб; учится 10 – 15 лет, чтобы в будущем обеспечить удовлетворение своих материальных и духовных потребностей. Появилось много других потребностей, но физиологическая база органических потребностей осталась, и они оказывают могущественное влияние на психику.

Ф. Энгельс в надгробной речи у могилы К. Маркса сказал: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д....» (Энгельс Ф., т. 19, с. 350).

Чтобы жить, человек должен в первую очередь удовлетворять свои органические потребности. Пищу, жилище, топливо и т.п. человек добывает благодаря труду. Человечество не может перестать работать, т. к. производство всего необходимого для удовлетворения органических потребностей составляет основу жизни людей. Люди так же не могут перестать трудиться, как не могут прекратить дышать. «Процесс труда... есть целесообразная деятельность для созидания потребительских стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» (Маркс К., т. 23, с. 195). Органические потребности и производство для их удовлетворения выступают как вечное и естественное условие жизни людей.

Чтобы жить человек должен трудиться или присваивать результаты чужого труда. В капиталистическом обществе меньшинство владеет орудиями производства и, эксплуатируя чужой труд, получает возможность удовлетворять не только органические, но и многие другие потребности, желания, прихоти. Многомиллионные же массы трудящихся, не имеющие собственных орудий производства, попадая помимо их желания в независимые от их воли производственные отношения, терпят эксплуатацию, потому что понуждаются к

тому в первую очередь органическими потребностями, создающими для трудящихся в обществе, основанном на эксплуатации одного класса другим, «царство необходимости». При этом заработная плата рабочего такова, что она с грехом пополам покрывает лишь удовлетворение органических потребностей рабочего. Его расходы сводятся к покрытию скудного питания, тесного жилища, дешевой одежды. Содержание семьи для него – тяжелое бремя. Расходы на культурные надобности и другие «прихоти» составляют в его бюджете лишь ничтожно малую часть. Если рабочий перестает продавать свой труд, то «царь голод», потребность в одежде и жилище, необходимость содержать семью ставят его в безвыходное положение; неудовлетворенные потребности превращают жизнь в непрерывное страдание и угрожают самому существованию рабочего.

1.1. Эмоции

Организм находится в необходимых отношениях к внешнему миру: он должен получать из него все необходимое для существования, а, вступая с ним во взаимодействие, должен отвечать на исходящие из него раздражения адекватным образом, что является необходимым условием сохранения жизни. На раздражения организм, как правило (здесь мы не будем говорить об исключениях), отвечает чувством удовольствия, на вредные – чувством неудовольствия. К первым он стремится, от вторых уклоняется. В зависимости от значения для человека воздействий социальной среды он отвечает на них рядом положительных или отрицательных эмоциональных реакций. К первым относятся радость, любовь, симпатия, сострадание, дружба и др. На неблагоприятные воздействия человек отвечает или эмоциями, носящими активно оборонительный характер: гнев, ненависть, раздражение, презрение и др., или эмоциями, представляющими реакции пассивно-оборонительные: страх, печаль, чувство покорности, смирения.

Исследования в области физиологии эмоций (Кеннон В., 1927; Вайд Р., 1934; и др.) показали, что такие реакции, как страх, гнев представляют собой закономерные психофизиологические реакции, в которых значительную роль играют эндокринно-вегетативные процессы.

Можно проследить развитие эмоций от элементарных эмоциональных реакций, протекающих по типу безусловного рефлекса, к реакциям, совершающимся по типу временной связи, и, наконец, наблюдать их возвышение до реакций, связанных с высшими интеллектуальными процессами. Для цели изложения важно отметить тот факт, что влияние эмоций на интеллектуальные процессы очень сходно с влиянием на них влечений.

1. Эмоции обладают по отношению к ассоциациям включающей и выключающей силой. При страхе или гнев возникают представления, связанные с данной эмоцией, а посторонние представления не приходят в голову.

2. Восприятие и внимание под влиянием эмоций делаются односторонними и направляются сообразно господствующей эмоции («у страха глаза велики» – каждый пустяк воспринимается как нечто устрашающее).

3. Эмоции влияют на объективность суждений: сильные аффекты «ослепляют разум».

4. Эмоции, как и влечения, являются одним из важнейших источников

психической активности. Они дают импульсы к действиям, имеющим целью освободиться от раздражений, вызывающих эмоции с отрицательным чувственным тоном (активные или пассивные оборонительные рефлексy), или порождают стремление к вызыванию или продлению эмоций с положительным чувственным тоном.

Эмоции или разряжаются в действиях по типу короткого замыкания, или вызывают ряд действий, совершающихся в течение более или менее длительного промежутка времени, причем они побуждают интеллект к изысканию способов действий и конкретизации целей. Надо сказать, что некоторые даже сравнительно слабые эмоции тормозят активность – например, застенчивость, робость. Достигнув очень большой силы, эмоции тормозят или расстраивают моторные реакции (сильная тоска, страх, гнев).

Человек может ставить разнообразнейшие цели своей деятельности. Он может стремиться к власти, к славе, к богатству, может отдаваться творческой или бескорыстной общественной работе или биться из-за хлеба насущного. При этом он всегда в своей деятельности встречается или с противодействием людей своим целям и желаниям, или с положительно настроенными к нему лицами. На эти воздействия окружающей среды человек отвечает эмоциями отрицательного или положительного характера.

В капиталистических странах миллионы людей вынуждены заниматься тяжелым беспросветным трудом для удовлетворения элементарных потребностей. При этом можно констатировать такую связь психических реакций. Потребность в пище, одежде и жилище для себя и семьи побуждает к труду, какого бы то ни было рода. На своем жизненном пути, в своей трудовой деятельности рабочий вступает в силу производственных условий в определенные отношения с рядом лиц: с хозяином, директором фабрики, мастером, товарищами по работе. В общении с ними он испытывает ряд неблагоприятных или благоприятных для него воздействий, на которые отвечает чувством удовольствия или неудовольствия и рядом отрицательных или положительных эмоций. Потребности и эмоции в данном случае находятся в закономерном между собой отношении. Характер эмоций зависит от того, насколько воздействия, на которые эмоционально реагируют, содействуют или препятствуют удовлетворению жизненных потребностей. При этом и органические потребности и эмоции стимулируют деятельность интеллекта в соответствующем направлении.

Глава 2. Классовая психология

Если эволюция животных происходила под влиянием взаимоотношений организма и окружающей среды, то человек и его психика развились во взаимодействии с социальной средой. Причем влияние природы с развитием производственных отношений все более отходило на второй план. Человеческое общество отличается от животного мира тем, что в нем появляется труд как социально-экономическая категория; благодаря труду человек вместо среды натуральной создал среду искусственную.

Специфическое для человека мышление, воля, внимание развились под влиянием труда. Влияние его на развитие психических особенностей человека было так велико, что, говоря словами Ф.Энгельса, «труд создал самого человека» (Энгельс Ф., т. 20, с. 486). Классовое общество представляется единым целым, но идеология отдельных классов – различная. Идеология каждого класса, отношение к другим классам общества определяются его местом в производственных отношениях. Биологическая природа человека направляет его влечения, желания и стремления в направлении, определяемом пользой индивида и вида. Общественное бытие человека определяет его сознание.

Находясь в конкретной общественной ситуации, человек, стремящийся к реализации своих интересов, своим социальным положением побуждается действовать так, а не иначе. Круг представлений, желания, цели, симпатии и антипатии, привычки, мысли, нравственные понятия, формы брака и семейной жизни, социальные и религиозные установки и учреждения общества складываются под влиянием тех условий, в которых человек добывает средства к существованию. Таким образом, содержание психики есть функция экономической структуры общества.

Вспомним описание влияния труда на жизнь крестьянина, данное Г. И. Успенским в очерке «Власть земли». Г. И. Успенский пишет о том, что «...власть земли и труда, к которому она обязывает, наполняет все его (крестьянина – В. Д.) существование содержанием не выдуманном, без его усилий, без его желаний, наполняет своею властью без его участия и воли... Вот сейчас из моего окна вижу: плохо прикрытая снегом земля, тоненькая с вершок зеленая травка, от этой тоненькой травинки в полной зависимости человек, огромный мужик с бородой, с могучими руками и быстрыми ногами. Травинка может вырасти, может и пропасть... Будет так, как захочет земля; и как она будет в состоянии сделать... И вот человек в полной власти у этой тоненькой травинки... Для этой травинки, для того, чтоб она могла питать, нужна масса приспособлений, масса труда, масса внимательности во взаимных человеческих отношениях. Нужна работающая жена, которая могла бы участвовать в этой массе труда, нужна скотина, уход за скотиной, нужны орудия и т. д., и все это для этой травинки...». Отдых, развлечения, одежда – все приспособлено к условиям труда. Жена крестьянина, которая в крестьянстве неопценена, при отсутствии крестьянского земледельческого труда теряет вдруг все свои достоинства; она оказывается просто дурой, дубиной, деревом, которое будет мешать везде, куда только ни сунется... Крестьянин делает так, «как велит его хозяйка-земля, он ни за что не отвечает: он убил человека, который увел у него лошадь, - и невиновен потому, что без лошади нельзя приступить к земле; у него перемерли все дети, – он опять не виноват: не родила земля, нечем кормить было...». (1949, с.27 – 29) и т.д., и т.д.

А. М. Горький в рассказе «Челкаш» сопоставляет психологию жадного в интересах хозяйства крестьянина с психологией вора Челкаша, воспоминания о крестьянской жизни которого «отделялись от настоящего целой стеной из одиннадцати лет босяцкой жизни» (1949, с.360). Одиннадцать лет иной жизни,

иного быта стерли «власть земли» и совершенно по-иному переформировали психику.

Психология киргиза, живущего примитивным скотоводством, охотника эвенка, крестьянина бедняка, кулака, рабочего большой фабрики, выросшего в пролетарской среде, их мировоззрение, круг представлений, желаний и идеалы, понятия о добре и зле резко различны по своему содержанию. Экономическая структура, условия труда и быта определяют их психику. Каждая профессия накладывает свою печать. Каждая социальная группа, живущая в одинаковых условиях труда, вырабатывает свое групповое сознание; вырабатываются свои симпатии и антипатии, вкусы, свой круг представлений и мысли, своя жизненная установка, связанная со специфическими условиями труда. Кустарь, живущий мещанскими интересами в маленьком доме на окраине города с маленьким хозяйством, типографский рабочий, бухгалтер банка, человек, «промышляющий» торговлей на барахолке, и т. д. – все имеют индивидуальные черты, наложенные условиями труда и жизненной обстановки. Но над всеми этими групповыми сознаниями под давлением общих условий, в которых происходит добывание средств к существованию, вырабатывается классовое сознание.

В буржуазном обществе люди делятся на две большие основные группы, отличающиеся друг от друга по положению в производстве: класс, владеющий, управляющий, эксплуатирующий – буржуазия, и класс, лишенных собственных орудий производства, класс управляемых, эксплуатируемых. Различная роль этих классов в производстве создает у каждого свои особенные интересы, противоположные интересам другого класса. Интересы буржуазии требуют увеличения прибавочной стоимости, интересы рабочего – уничтожения капиталистического способа производства. Как следствие неразрешимого противоречия интересов идет непрерывающаяся борьба классов.

Чувства удовольствия и неудовольствия, сопровождающие переживания, являются показателями пользы или вреда того раздражения, которое испытывает организм. Знание того, что хорошее яблоко приятно, а испорченное – неприятно, дается не размышлением, а непосредственным ощущением. Возникновение эмоций сходно с возникновением чувств: мы любим тех, от кого исходит для нас радость и добро, и ненавидим тех, кто несет нам боль или ущерб. Страх и гнев – реакции, имеющие целью избежать этого ущерба или устранить его. Если острая вспышка гнева тормозится или не может перейти в действие, гнев переходит в длительное чувство ненависти. Утончение и дифференцирование чувств не нарушает этого основного принципа, обуславливающего характер аффективных реакций. Если то, что идет на пользу капиталистам, представляет ущерб для пролетариата, то неизбежно у лиц, принадлежащим к различным классам, будут возникать по поводу одного и того же факта различные аффективные реакции. Увеличение прибавочной стоимости, доставляющее удовлетворение капиталисту, является для рабочего увеличением степени эксплуатации и вызывает гнев в виде острой реакции и ненависть, как результат постоянного отношения классов в процессе производства. Там, где сильно задета аффективность, разум идет в том

направлении, куда толкает его чувство. Аффективность ведет к рационализации переживаний. Каждый класс с полным убеждением и искренностью доказывает объективную справедливость своих притязаний, своего права на эксплуатацию или своего права на освобождение от нее. И правый и нарушающий чужие права одинаково считают себя правыми.

Для возникновения классового чувства нет необходимости в отчетливом интеллектуальном осознании основного факта противоречия интересов двух классов. Однако установка лиц одного класса по отношению к лицам другого класса возникает из чувства ущерба для своих интересов и своей личности, возникающего и суммирующегося под влиянием мелких фактов повседневной жизни.

Конечно, какого-либо особого элементарного классового чувства нет. То, что получило название классового чувства, есть сложное психическое переживание, основанное на суммации чувств. При суммации приятных или неприятных чувств возникает повышенная чувствительность. Кого несколько раз обкрадывали, тот боится кражи; кто систематически подвергался эксплуатации со стороны работодателей, тот ждет от них ущерба своим интересам. На основании жизненного опыта образуется, выражаясь метафорически, центр суммации чувств, связанный с представлениями об антагонистическом классе. С другой стороны, происходит суммация чувств по отношению к товарищам по классу, по отношению ко всем, помогающим отстаивать интересы данного класса.

Преимущества, которыми пользуются имущие в капиталистическом обществе, дают себя знать на каждом шагу. Магазины выставляют вещи, которые должны пленить взоры буржуазии, а у рабочего возникает чувство, что это не для него. Приказчики в магазине степень приветливости своего обращения определяют внешним видом покупателя. Удовольствия и развлечения, курорты и путешествия и т. д. – все это в капиталистическом обществе для имущих, а у неимущего возникает чувство, что он обойден на пиру жизни.

Ранится чувство самолюбия, и на каждом шагу возникает чувство неравенства и несправедливости. Человек, испытывая ущерб, дает естественную, чаще бессознательную реакцию самозащиты. Рабочий, поступая в одну мастерскую, на фабрику или завод, испытывает со стороны хозяина стремление больше из него выжать и меньше дать; переходит на другое место и там чувствует давление того же пресса; переходит к третьему хозяину и видит ту же тенденцию. Вывод: всякий хозяин – эксплуататор, «все они таковы» - с необходимостью вытекает из личного опыта.

От проявления чувств, вызываемых жизнью в форме неорганизованной: от бессознательных проявлений симпатий и антипатий, от отдельных суждений и т. п. ведет естественный путь к осознанию своего классового положения, к выработке систематизированной идеологии, соответствующей интересам рабочего и его положению в производстве.

Идеология имущих вытекает из чувств и эмоций, связанных с их экономическим положением. Капиталист со своей точки зрения – не

эксплуататор, а «организатор производства», который «кормит» рабочих. Натыкаясь на сопротивление рабочих эксплуатации, капиталист чувствует себя задетым за живое. По адресу рабочих бросаются обвинения в стремлении к лени, в недобросовестности и т. п. Буржуазными идеологами провозглашаются лозунги: «Капиталистический строй единственно возможен» и «Частная собственность священна и неприкосновенна».

Как положение пролетария вызывает чувство ущерба, социальной приниженности, так положение класса имущих и управляющих пробуждает чувство превосходства, повышенной самооценки. Это приводит к возведению себя в «белую кость» и к взгляду на неимущих как на стоящих ниже не только экономически, но и в отношении качественной высоты личности. Так оправдывается и личное привилегированное положение и передача его по наследству. Каждая группировка создает свои оценки добра и зла, свои идеалы и своих героев и каждая среда влияет на своих членов. Оценка личности в группе зависит от того, насколько ее действия соответствуют интересам группы. В рабочей среде высокую оценку находит тот, кто отстаивает ее интересы, герой тот, кто жертвует собой за интересы рабочего класса. Класс капиталистов возводит в герои тех, кто помогает ему в борьбе с пролетариатом; усмиритель восстания рабов всегда рабовладельцами возводился в герои; в глазах буржуазии герой тот, кто открывает новые перспективы в развитии капитализма.

С детства человек воспитывается одобрением или порицанием со стороны окружающей среды. Личность в социальной среде стремится возвысить себя в глазах окружающих, заслужить одобрение. Она сначала принимает оценки должного и недолжного от окружающей социальной среды. Затем эти понятия делаются самооценными в глазах личности и независимыми от мнения среды. Например, красть – нехорошо и стыдно не только потому, что так думают другие, но также и потому, что это представляет урон в своих собственных глазах, ущерб своему достоинству.

Человек, меняя среду, подвергает критике одни оценки, сравнивая их с оценками другой среды. Постепенно у него вырабатываются твердые нормы поведения, которые могут идти в разрез взглядам современного ему непосредственного социального окружения. Эти нормы получают для него самостоятельную значимость, он борется за свои воззрения, создавшиеся на почве классовых интересов. Причем для личности может даже иметь большее значение оценка себя в собственных глазах, чем в глазах других. Измена своим взглядам воспринимается как симптом слабости своей личности, как ущерб чувству собственного достоинства. Так под действием экономической структуры общества создается классовая психология с различной степенью сознательности, начиная от бессознательных аффективных реакций и неформленной диффузной защитной реакции до ясного классового сознания, когда классовые конфликты люди начинают воспринимать в форме определенной идеологии, во имя которой они борются.

Одному классу полезно, даже необходимо перестроить известным образом общественные отношения. Другому полезно и даже необходимо противиться

такому переустройству. Одним оно сулит счастье и свободу, другим грозит утратой их привилегированного положения, грозит прямо уничтожить их как представителей господствующего класса. А какой же класс не борется за свое существование, не имеет чувства самосохранения? Выгодный данному классу общественный строй кажется не только справедливым, но даже единственно возможным. По его мнению, пытаться изменить этот строй – значит разрушить основы всякого человеческого общежития. Он считает себя призванным сохранять эти основы, хотя бы даже силою оружия. Отсюда, по выражению Г. В. Плеханова, «реки крови», отсюда «борьба и насилия». В процессе борьбы еще острее становится классовое самосознание. «Ибо само это участие (в руководимой социал-демократией борьбе пролетариата – В. Д.) одним уже фактом своего проявления *поднимает* и сознательность, и организационные инстинкты» (Ленин В. И., т. 8, с. 260). Идеологии двух антагонистических классов развивают диаметрально противоположные взгляды на одни и те же явления.

Если логически тверда и ясна аргументация на право освобождения от эксплуатации, то является ли защита права на эксплуатацию других результатом логического заблуждения или сознательным обманом? В идеологии суждениями руководит не холодная абстрактная логика, а они определяются у идеологов их жизнью. О сознании идеологов Ф. Энгельс высказывался так. «Идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными...» (Энгельс Ф., т. 39, с.83); «...материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот мыслительный процесс, в конечном счете определяют собой его ход, остается неизбежно у этих людей неосознанными, ибо иначе пришел бы конец всякой идеологии» (Энгельс Ф., т.21, с.313).

Конечно, не у одних только идеологов сознание бывает ложным. Человеку свойственно заблуждаться в суждениях о себе самом, своем поведении, о явлениях, с которыми связаны его интересы. К. Маркс указывал: «...об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает...» (Маркс К., т.13, с.7).

Иллюзорные и мнимые мотивы действий, идущие явно в разрез логике, возникают часто не как сознательный обман и не как неумение логически мыслить. «Во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах», потому что таков результат неосознаваемого влияния чувств, вызванных материальными условиями жизни.

Если классовые чувства ведут к искажению хода логических суждений, то, естественно, корень ошибок в суждениях социальных и политических следует искать в бессознательных классовых влияниях. Конечно, и сознательное морочение голов используется в классовой борьбе, но идеологию целого класса нельзя объяснить только обманом или неумением логически рассуждать.

Так, в общем, слагается классовая психология. Но что верно для класса в целом, то не всегда можно наблюдать в отношении каждой отдельной

личности. Кроме класса капиталистов и класса пролетариев в капиталистическом обществе есть промежуточные группы населения: среднее и малоимущее крестьянство, кустари и многоликая мелкая буржуазия. В экономически отсталых слоях населения хранится традиционно отсталое мировоззрение. Промежуточное экономическое положение не побуждает к выработке отчетливого мировоззрения.

Неодинакова установка рабочего крупного индустриального предприятия, выросшего в рабочей среде, и рабочих в мелких полукустарных производствах в провинции, куда рабочий часто приходит из деревни на время, чтобы поработав, снова вернуться в деревню. Психика такого рабочего отражает те условия, в которых она сложилась и развилась; его сознание отражает «власть земли» и собственнические устремления, а не классовое положение пролетариата. Буржуазия свою идеологию, как единственно спасительную, стремится навязать всем, принимает все меры к тому, чтобы держать в плену психику рабочего. Для этого служат школы, книги, журналы, газеты, армия и проч., и проч. Эта идеология находит опору в традиционном религиозном мировоззрении, которое используется господствующим классом в своих целях.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали об этом так: «...класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются, в общем подчиненными господствующему классу. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения» (Маркс К., Энгельс Ф., т.3, с.45-46).

Гнев и борьба являются реакциями стеническими, проявляются у лиц сильных. Там, где борьба равносильна гибели, на сцену выступают страх и реакция покорности, прототипом которой является собачья покорность и преданность хозяину. Маленькая собака, встретив сильную собаку, в знак отказа от борьбы и в качестве проявления покорности бросается на землю животом кверху; в избытке преданности хозяину она извивается, ползает на животе, уши прижимает и оттягивает назад. У человека чувство своего бессилия может вызвать чувство покорности, результатом которого является добровольное подчинение и заискивание перед силой, слепое доверие авторитетам. Чувство покорности может корениться в отсталости отдельных слоев пролетариата и в астеничности отдельных личностей. Слепая покорность и вера в могущество командующего класса противодействуют влиянию факторов, вызывающих классовое чувство. Отдельные лица и профессиональные группы менее испытывают эксплуатацию, и для них меньше поводов к возникновению чувства ущерба. Прислуга в богатом доме, питающаяся крохами, падающими со стола господ, иногда видит в покушении на привилегированное положение господ покушение на свое сытое и сравнительно легкое существование.

Сравнительная слабость классового сознания рабочего класса Великобритании объяснялось относительно высоким уровнем жизни, который мог быть обеспечен капиталистами за счет нещадного грабежа колоний. Чем менее принижена личность и чем более удовлетворены ее потребности, тем меньше места для развития классового сознания и воспитания классовой вражды и, наоборот, всякого рода преследования и материальные лишения и страдания вызывают чувства ущерба и содействуют кристаллизации классового сознания.

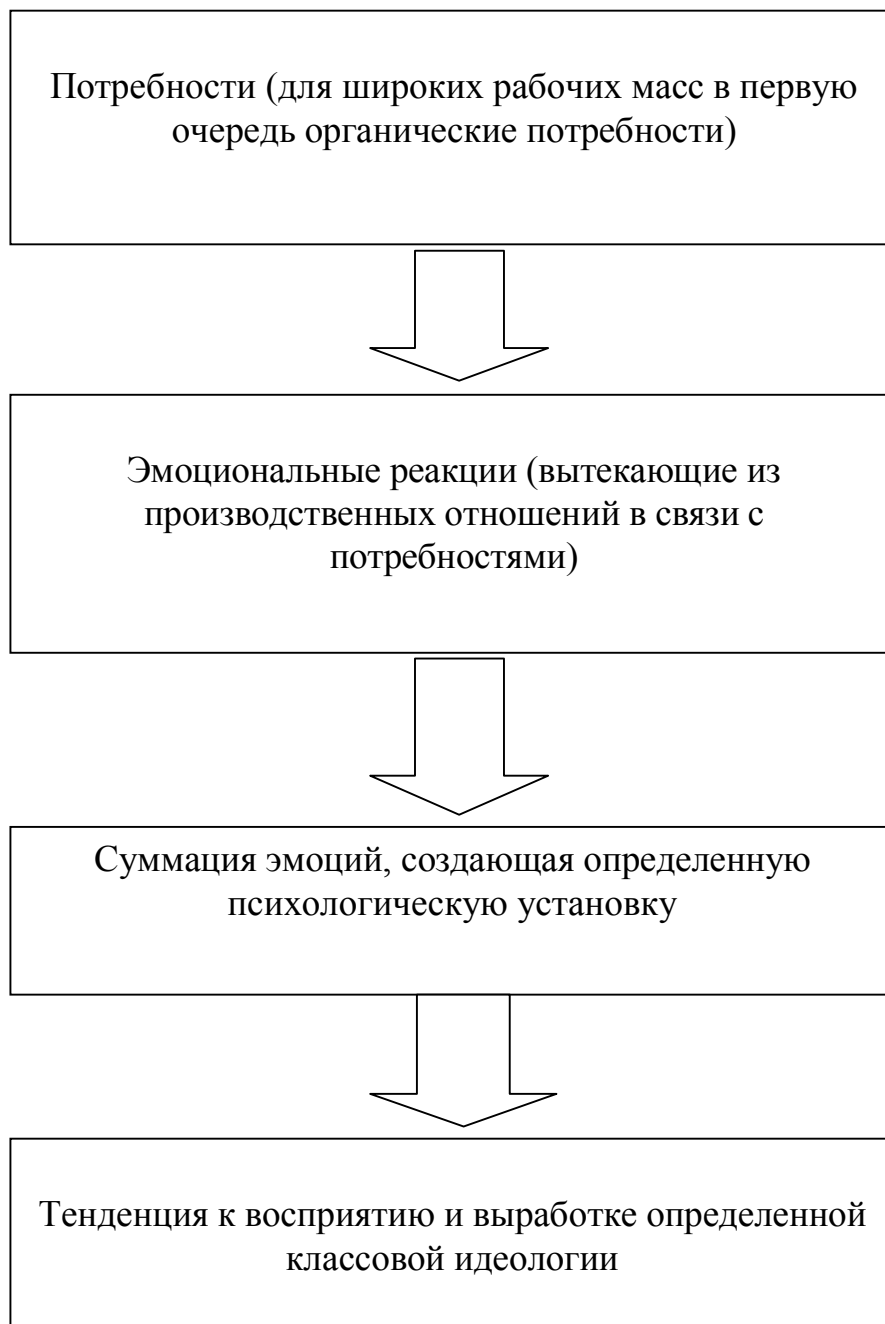
С другой стороны, мы знаем, что и из слоев мелкой буржуазии отдельные лица усваивали пролетарскую идеологию и в борьбе классов становились на сторону пролетариата. Причину этого следует искать в условиях развития отдельных личностей, приведших к возникновению у них идеологии такого рода. *Но все эти исключения не нарушают незыблемости основного факта: влияния производственных отношений на аффективность личности и выработку на ее основе собственной идеологии* (курсив автора – В. Д.). Условия производства поставили друг против друга два класса в позу борьбы за свои интересы. Чем сильнее развитие капитализма, тем проще и яснее отношения двух классов, тем яснее классовое сознание с обеих сторон. Ход развития производственных отношений теснит промежуточные группы в ряды одного или другого класса и ведет к созданию определенной психологической установки.

К. Маркс в знаменитом Предисловии к «Критике политической экономии» писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения... Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (Маркс К., т.13, с.6-7).

В буржуазном обществе различия в общественном бытии капиталистического и рабочего классов определяют различия в сознании представителей этих классов. Из антагонизма интересов, вытекающего из их положения в производственных отношениях, возникают различия в их классовом сознании.

Итак, схема возникновения и развития социальной психологии такова. Производственные отношения действуют на психику человека, вызывая в первую очередь развитие классовых чувств как закономерных субъективных реакций на объективные воздействия, связанные с местом данного лица в производственных отношениях. На основе этих чувств строится соответствующая идеология. При этом истинная сила, движущая человека к выработке определенной идеологии или ее усвоению, остается вне сознания лица, воспринимающего ту или иную идеологию. Эта движущая сила, определяющая направление мышления, кроется *в потребностях и связанных с ними эмоциональных реакциях*, которые неизбежно возникают в связи с производственными отношениями. Условия материального существования пускают в ход аффективность, которая является мотором, двигающим развитие классовой психологии и идеологии людей,

принадлежащих к разным социальным группам. Взаимосвязь и обусловленность психических процессов, ведущих к образованию социальной психологии, можно схематически сформулировать так.

Таким образом, аффективность является тем промежуточным звеном, через которое осуществляется воздействие «социального бытия» на мышление и поведение людей. Выяснение роли этого звена многое объясняет в развитии классовой психологии и идеологии.

Список литературы

- Болдырев В. Н. Периодическая работа пищеварительного аппарата при пустом желудке. – Дисс. — СПб., 1904. — 42 с.
Горький А.М. – Челкаш. – Полн. собр. соч. Т. – М., 1949.

- Кеннон В. Физиология эмоций. — М.-Л., 1927. — 173 с.
- Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч. Т.8.
- Маркс К. К критике политической экономии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. — М., 1959. — С. 1–167.
- Маркс К. Капитал. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. — С.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. — М., 1955. — С. 7 – 544.
- Павлов И. П. Лекции о работе главных пищеварительных желез. Лекция 4. Общая схема деятельности полного иннервационного прибора. Работа иннервационного прибора слюнных желез. Appetit как первый и сильнейший раздражитель нервов желудочных желез. — Полн. собр. соч. — Т. II. Кн. 2. — М.-Л., 1951а. — С. 89 – 105.
- Павлов И. П. О пищевом центре. — Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных — Полн. собр. соч. — Т. III. Кн. 1. — М.—Л., 1951б. — С. 147 – 158.
- Павлов И. П. Физиология и патология высшей нервной деятельности. — Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных — Полн. собр. соч. — Т. III. Кн. 2. — М.—Л., 1951в. — С. 383 – 408.
- Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма. М., 1959. — 104 с.
- Савич А. А. Дальнейшие материалы к вопросу о влиянии пищевых рефлексов друг на друга. — Дис. СПб., 1913.—214с.
- Успенский Г. И. Власть земли. — Полн. собр. соч. Т. 8. — М., 1949.
- Уфлянд Ю. М. Естественная доминанта у самца лягушки в период обнимательного рефлекса. — В кн.: Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. — Л.— М., 1925. —С. 81 – 94.
- Ухтомский А. А. Принцип доминанты. — Собр. соч. Т. 1. — Л., 1950. — С. 197 – 201.
- Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. — С. 350 – 354.
- Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. Т. 20. — С. 343 – 626.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, — С. 269 – 317.
- Энгельс Ф. Письмо Ф. Мерингу. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 82 – 83.
- Bard P. On emotional expression after decortications with some remarks on certain theoretical views. — Psychol. Rev. — 1934. — V. 41. — P. 309.
- Cannon W. B. Digestion and health. — N. Y., 1936. — 160 p.
- Goltz Fr. Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns.//Arch. f. d. ges. Physiol. — 1892. — Bd. 51, № 11-12. — S. 570 – 614.
- Head H., Holmes G. Sensory disturbances from cerebral lesions. // Brain. — 1911 – 1912. — Vol. 34. — P. 102.

**Комментарии философа к статье В. С. Дерябина
«О потребностях и классовой психологии»***

Орлов Сергей Владимирович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, заведующий кафедрой, доктор философских наук, профессор. Россия, Санкт-Петербург, orlov5508@rambler.ru.

196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15.
Тел. 8(812)708-42-13

В комментарии анализируется комплекс философских проблем, затронутых в публикуемой выше работе В. С. Дерябина.

Ключевые слова: психическое и физиологическое; психофизиологическая проблема; индивидуальная психология; социальная психология; материалистическое понимание истории.

**Philosophical commentary on the Article of V. S. Deryabin
“About the Needs and Class Psychology”**

Orlov Sergei Vladimirovich – Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, Head of Department, Doctor of Philosophy, professor. Russia, Saint-Petersburg. E-mail: orlov5508@rambler.ru

196135, Saint-Petersburg, 15, Gastello st.
Tel: 8(812) 708-42-13.

In the commentary a complex of philosophical problems discussed in the article of V. S. Deryabin is analyzed.

Key-words: psychological and physiological; psycho-physiological problem; individual psychology; social psychology; materialistic view of history.

Работа Викторина Сергеевича Дерябина, любезно предоставленная нашему журналу доктором медицинских наук, профессором О. Н. Забродиним, написана более полувека назад и публикуется впервые. За прошедшие годы физиология высшей нервной деятельности прошла большой путь развития и многие положения этой статьи наверняка могут быть уточнены. Однако мы хотим обратить внимание не на это всем понятное обстоятельство.

* © С. В. Орлов, 2013

Особенностью предложенного В. С. Дерябиным подхода является попытка рассмотреть исследования высшей нервной деятельности в более широком – социологическом и философском контексте. Остановиться именно на философском содержании данной работы интересно вдвойне, так как оно, с нашей точки зрения, не только представляет историко-научный интерес, но и напрямую связано с актуальными и дискуссионными проблемами современной философии.

Статья состоит из двух разделов, которые, как сообщает О. Н. Забродин, входили в первоначальный текст монографии «Чувства, влечения и эмоции»: «Об органических потребностях» и «Классовая психология».

В разделе **«Об органических потребностях»** развивается известная концепция И. П. Павлова, объясняющая связь психического и физиологического. Утверждение И. М. Сеченова и И. П. Павлова о том, что психика есть рефлекс, можно легко вырвать из контекста и истолковать как сведение психического к физиологическому, идеального к материальному (в духе вульгарного материализма). На самом деле И. П. Павлов ясно и четко разделял предмет исследования физиологии и психологии. «...Нельзя сравнивать сложность явления, которое мы имеем, - писал он, - с теми, которые имеются в руках психологов... Мы – проще, чем психологи, мы строим фундамент нервной деятельности, а они строят высшую надстройку, и так как простое, элементарное понятно без сложного, тогда как сложное без элементарного уяснить невозможно, то, следовательно, наше положение лучше, ибо наше исследование, наш успех нисколько не зависит от их исследований. Мне кажется, что для психологов, наоборот, наши исследования должны иметь очень большое значение, так как они должны впоследствии составить основной фундамент психологического знания» [5, с. 104 – 105]. И. П. Павлов рассматривал физиологическое как более простую материальную основу психических явлений. Продолжая это направление исследований, В. С. Дерябин подчеркивает, что «всякий психический процесс есть, в сущности, процесс психофизиологический» [с. 88 – здесь и далее номера страниц приводятся по опубликованному выше тексту В.С. Дерябина. – С.О.] и делает важный методологический вывод о необходимости исследования психического процесса как с его субъективной, так и с его объективной, физиологической стороны [см.: там же]. Далее подробно анализируются материальные биологические потребности животных и человека, их воздействие на психику и, наоборот, воздействие психики на биологические потребности.

Постановка проблемы взаимосвязи биологического (физиологического) и социального (психологического) приводит автора к обсуждению фундаментальной философской концепции исторического материализма (или материалистического понимания истории). В настоящее время споры о материалистическом подходе к обществу и человеку продолжаются, причем разнообразие мнений очень велико. Высказывается даже точка зрения, что сам принцип материализма не верифицируется, не фальсифицируется и поставить эксперимент, который бы подтвердил или опроверг воззрения материализма, вообще невозможно [см.: 6, с. 110]. Зигмунд Фрейд и его ортодоксальные

последователи считали биологические факторы общественного развития более весомыми, чем социальные. Создатель теории постиндустриального общества Д. Белл не согласен с характеристикой себя самого как «антимарксиста» и называет себя и своих единомышленников «постмарксистами» [см.: 1, с. ХСІ, с. 72]. Он во многом солидарен с концепцией исторического материализма, но в то же время считает необходимым внести в нее крупные принципиальные изменения («осевая парадигма» в понимании общества).

В. С. Дерябин сосредотачивает внимание прежде всего на поведении человека и исследует подтверждение фундаментальных идей материалистического понимания истории на основе фактов, установленных физиологией высшей нервной деятельности. «... Психическая жизнь человека и его поведение, – делает он вывод, – протекают под влиянием закономерных процессов, которые делают психические реакции и все проявления жизни человека столь же закономерными и объективно обусловленными, как и другие проявления материальной жизни» [с. 100]. Проблема свободы воли здесь, правда, специально не обсуждается. Тем не менее подход И. П. Павлова органично соединяется с философской концепцией материалистического понимания общества и человека и становится одним из источников формирования современной теории личности. Представляется, что В. С. Дерябину удастся избежать в этой работе и «биологизаторских», и «социологизаторских» тенденций, делая шаг к формированию концепции соотношения социального и биологического в человеке.

Другой важный урок, содержащийся в исследованиях В. С. Дерябина – необходимость углубления современной концепции развития (диалектики). В последние десятилетия произошли крупные изменения в понимании процессов развития – например, получили широкое распространение теория систем (системный подход) и синергетика. В то же время фундаментальная философская концепция развития, согласно почти всем российским учебникам философии последних десятилетий, включает в себя фактически три главных раздела: принципы, законы и категории диалектики. В данных В. С. Дерябиным описаниях физиологических и психических процессов обнаруживаются несколько другие закономерности, не до конца сводимые к этим законам и категориям. Психические процессы возникают на основе физиологических как высшие, более сложные явления возникают на основе низших. Высшее, то есть психика и сознательная деятельность, может оказывать обратное, направляющее воздействие на низшее (физиологические процессы). Похожим образом действует и открытый Ухтомским механизм доминанты. В то же время высшее функционирует только в рамках и пределах, созданных механизмами низшего. Так, биологическое влечение, получившее силу доминанты, может господствовать над высшей психической деятельностью и в течение какого-то времени подчинять ее себе [с. 98-99].

В наблюдениях такого рода явно прослеживаются особые закономерности процесса развития – законы взаимодействия низшего и высшего. С этим подходом связан по существу и особый вариант изложения теории диалектики. В ее изложениях, традиционных для советской философской мысли, понятия

низшего и высшего вообще не входили в число основных категорий диалектики. Согласно другому, нетрадиционному варианту теории развития оно представляется как не просто повсеместное действие трех основных законов, а как единый закономерный мировой процесс движения от низшего к высшему, от простого к сложному. Впервые эта концепция появляется в системе Гегеля. Позже, уже в материалистическом варианте ее подробно разрабатывает Ф. Энгельс в учении о соотношении основных форм материи и соответствующих им основных форм движения [см.: 7]. В российской философской литературе концепцию развития как перехода от низших форм материи и движения к высшим подробно анализировали, например, Б. М. Кедров [см.: 3], А. А. Бутаков [см.: 2], В. В. Орлов [см.: 4]. Работа В. С. Дерябина ясно показывает: уже в 40 – 50-х годах XX века в естествознании фактически широко применялась эта вторая, менее популярная в отечественной науке концепция диалектики, дополнявшая и углублявшая первую. Официальная российская философия в этом плане, с нашей точки зрения, отставала от запросов конкретно-научного знания.

Раздел «**Классовая психология**» представляется особенно интересным как попытка проанализировать биологические, физиологические основы социальной психологии. В. С. Дерябин рассматривает «классовое чувство» как «сложное психическое переживание, основанное на суммации чувств» [с. 105]. Здесь достаточно убедительно показан биологический и индивидуально-психологический механизм формирования идей и настроений, составляющих общественную психологию и идеологию представителей различных классов. Эти идеи явно опережали свое время на многие десятилетия. Даже сейчас среди сторонников материалистической концепции общества сохраняет влияние вульгаризированный вариант концепции К. Маркса. Согласно этому упрощенному истолкованию марксизма человеческая личность зависит только от общества, социальной среды, и искать биологические или индивидуально-психологические механизмы поведения вообще не следует. Важная заслуга В. С. Дерябина, как нам представляется, в том, что он на научной основе показывает, каким образом биологические и индивидуально-психологические факторы воздействуют на социализацию, на становление человека как социального существа. В своей работе он предлагает глубоко научную трактовку взаимодействия влияний этих факторов на формирование личности. Эта концепция, конечно, может вызвать споры, но она сохраняет значение до сих пор. Так, предложенная В. С. Дерябиным схема формирования классовой идеологии (от потребностей к эмоциональным реакциям, суммации эмоций, психологической установке и к выработке определенной классовой идеологии [см.: с. 110]) является удачной конкретизацией известных идей классиков марксизма о взаимодействии общественного бытия и общественного сознания. Эти идеи в официальной российской философии советского периода обычно было принято усердно повторять, но не развивать далее. В. С. Дерябин смело нарушал догматическую традицию, но опубликовать такие мысли в его время оказалось практически невозможно.

Подведем итог. Сравнительно небольшое по объему исследование В. С. Дерябина заметно опередило свое время. Оно удивительно наглядно показывает взаимосвязь философии, политико-идеологических взглядов и конкретно-научного знания. Высказанные последователем И. П. Павлова идеи в области физиологии высшей нервной деятельности и следующие из них выводы философского характера позже были отчасти воспроизведены другими исследователями, отчасти до сих пор остаются предметом дискуссии для философов и социологов. Единство современной науки на уровне ее фундаментальных концепций продолжает развиваться.

Список литературы.

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
2. Бутаков А. А. Основные формы движения материи и их взаимосвязь в свете современной науки. Учеб. пособие. – М.: «Высшая школа», 1974. – 264 с.
3. Кедров Б. М. Энгельс и диалектика естествознания. – М.: Политиздат, 1970. – 471 с.
4. Орлов В. В. Материя, развитие, человек. – Пермь, Пермский гос. ун-т, 1974. – 397 с.
5. Павлов И. П. Полн. собр. соч., т. III, кн. 1.
6. Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб., 2008. – С. 109-116.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. – С. 339-626.